

Италия

Литературно-художественный и публицистический журнал
№ 2 (16) 2012

*Пианистка Ася Корпанова,
Лауреат международных конкурсов и молодежной премии «Триумф»,
солистка Московской государственной академической филармонии.*

ИТАЛМАС

Литературно-художественный и публицистический журнал

№ 2 (16) 2012

Выходит 6 раз в год

Журнал основан в 2007 году

Учредители-издатели:

НОУ ВПО «Камский институт гуманитарных и инженерных технологий»,
Благотворительный фонд имени писателя Михаила Петровича Петрова

Редакционный совет:

Валерий Александрович Никулин – председатель
Ольга Александровна Дегтева
Егор Егорович Загребин
Александр Михайлович Ермаков
Олег Никитич Хлебников
Анна Сергеевна Зуева-Измайлова
Михаил Николаевич Юхма

Редакционная коллегия:

Валерий Александрович Никулин – председатель
Зоя Алексеевна Богомолова – главный редактор
Наталья Викторовна Варламова – заместитель главного редактора, выпускающий редактор
Елена Валериевна Никулина – главный художник-дизайнер
Ольга Владимировна Парфенова
Фаина Александровна Бушмакина
Наталья Андреевна Атнабаева
Дмитрий Валерьевич Стрелков

Адрес редакции:

426003, г. Ижевск, ул. В. Сивцова, 12а.
Тел./факс (3412) 501-751, 501-761. E-mail: kigit@bk.ru.
Подписано в печать 28.09.2012. Формат 60x84 1/8.
Бумага офсетная. Гарнитура Century Schoolbook.
Уч.-изд. л. 15,29. Усл. печ. л. 15,37.
Тираж 500 экз. Заказ №.
Отпечатано в МУП «Сарапульская типография».
427900, г. Сарапул, ул. Раскольников, 152.
Тел./факс (34147) 4-12-83, 4-12-85.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ВЫПУСКАЮЩЕГО РЕДАКТОРА

Наталья ВАРЛАМОВА Реку – вброд 4

ПРОЗА

	Анна БУБНОВА Окна, открытые в тишину <i>Рассказ</i> 8
	Денис КОЖЕВ Сонная радуга <i>Рассказ</i> 16
	Ася ВАРЛАМОВА Четверо в электричке, не считая фанатов <i>Путевые заметки</i> 24
	Антон ЛУКИН «Алеша хороший!..» <i>Рассказ</i> 38
	Александр КОЛНОГОРОВ Этюд <i>Рассказ</i> 41

ПОЭЗИЯ

	Григорий СТАРОВОЙТОВ «Человек – это пробная версия Бога...» <i>Стихотворения</i> 44
	«В соседнем доме...» 44
	«Плыви в рассвет, плыви в закат...» 44
	Бар в Нептуну 44
	«Человек – это пробная версия Бога...» 44
	«Как-то юноша-затворник...» 45
	Коммунальная космогония 45
	«Жил-был человек по имени Николай...» 45
	Улисс <i>Сонет</i> 45
	Валерия МОРДАЧЕВА «я – плакучая ива, хмельная акация...» <i>Стихотворения</i> 46
	«раньше казалось, взростеть...» 46
	«вот когда у тебя ножки тоненькие...» 46
	«у меня ничего не болит...» 46
	«что такая дерзкая?..» 47
	«по выходным на остановке...» 47
	шура 47
	«обещай мне, что когда я морщиться...» 47
	«твоя философия, одинокий рейнджер...» 48
	«я устала путать...» 48
	Петр БЕРШ «Я за этот год подустал немного...» <i>Стихотворения</i> 49
	«приходи ко мне вечером...» 49
	«Плохая память отучает от вранья...» 49
	«Несправедливопокинутым» 49
	«хоть в собор иди исповедаться...» 49
	«у меня ничего ниоткуда не изливается...» 49
	«лето пахнет шавермой...» 50
	«ты прости меня если что не так...» 50
	«хватит по клубам шарахаться...» 50
	«я завтра стану тамадой...» 50
	«я хочу быть в очках...» 50
	Дарья ШПАТАРЬ «Каждое утро ее будит солнце...» <i>Стихотворение</i> 51
	Дарья ВОЛОДСКИХ «Инстинкт заворачивать строки в петлю...» <i>Стихотворения</i> 52
	«Рассветный поезд. Люди соревнуются...» 52
	«Инстинкт заворачивать строки в петлю...» 52
	«Тетрадь – это платье непознанных строк...» 52
	«Софитам моим не пополнить все же...» 52
	«Рта твоего сломанный круг...» 52
	«Помоги мне привыкнуть к тому, что я есть...» 53
	«В моей душе, большой душе ребенка...» 53
	«Я третий этаж двухэтажного дома...» 53
	«О, вечерняя муза копченых свечей...» 53
	«Впадают в раковину сотни родников...» 53
	Злата СЕРГЕЕВА «Поймай в ладошку лист летящий...» <i>Стихотворения</i> 54
	Поймай летящий лист... 54
	Разноцветные веснушки 54
	Я – цыганка 54
	ТЕАТР
	Ирина ПРОКОШЕВА Мы Драма в семи действиях 56

	ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ	
	Марк РАЗЕНКОВ Абсолютное и относительное чтение	59
	Дмитрий СТРЕЛКОВ Очарование средневекового детектива	61
	Владимир ГУРЬЯНОВ «Давай с тобой посмотрим на звезду...» <i>О творчестве Василия Михайловича Ванюшева</i>	64
	ПРОЗА	
	Леонида БОГОМОЛОВА Запоздалая любовь <i>Рассказ</i>	70
	Дмитрий ПЕСТЕРЕВ Только тш-ш-ш! <i>Рассказ</i>	73
	Степан ЛОМАЕВ В Свободном Полете <i>Повесть</i>	75
	ИСТОРИЯ	
	Наталья ТРУШКОВА Древние папирусы как источник сведений о развитии медицины в Древнем Египте	102
	Елена БОНДАРЕВА Приятного аппетита, Пифагор!	104
	ПУБЛИЦИСТИКА	
	Юлия ХАНОВА Нестяжание сегодня	108
	ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ	
	Станислав ТАРАСОВ Летом 2009-го <i>Футуристическая повесть к столетию Камско-Вятской археологической экспедиции</i>	110
	ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННОГО	
	Андрей БОВА С чистого листа... <i>Эссе</i>	113
	МУЗЫКАЛЬНОЕ ИСКУССТВО	
	Александр МИТРЯКОВ Пятьдесят две минуты жизни <i>Mark Knopfler – Get Lucky (2009)</i>	115
	ПОЭЗИЯ	
	Илья ВОЗНЯКОВ «...то, что написано мною сейчас, это правда чистейшей воды» <i>Стихи</i>	117
	о своих стихах	117
	«В моем детстве остались потертые фишки...»	117
	настукано	117
	ужас	118
	экспромт	118
	Л.	118
	дорога домой	118
	Марине К.	118
	зола	118
	забыть	119
	«нежные руки моих наслаждений...»	119
	«я, верно, не ведал, о чем пишу...»	119
	Несколько правил жизни Ильи Вознякова	119
	Александр САБРЕКОВ «Лишь костра прикосновенье...» <i>Стихи</i>	122
	Город слез	122
	«Сопки, тропы, серпантины...»	122
	«Лес уже какой-то лысенький...»	122
	«Могу быть свободным – не хочется...»	122
	ИСКУССТВО	
	Александра НОВИКОВА Портрет <i>Бумага, карандаш</i>	15
	Александр АВРАМЕНКО Тишина <i>Бумага, шариковая ручка</i>	23
	Анастасия МАЗИНА Руки <i>Фотография</i>	37
	Сергей ЖУРАВЛЕВ Карима <i>Фотография</i>	43
	Иван КУЗНЕЦОВ Луч <i>Фотография</i>	55
	Виталий АНДРУЛИС Оксана. Вода и стекло <i>Фотографии</i>	68
	Евгений КОТИК-МАКАРОВ Мишка <i>Текстиль, опилки</i>	107
	Василий ИВАНОВ Константин. В музее <i>Фотографии</i>	120
	Елена НИКУЛИНА Алиса <i>Из иллюстраций к сказке Льюиса Кэрролла «Алиса в Стране Чудес». Тэфи Из иллюстраций к повести Филлис Уитни «Тайна чаек»</i>	123

ОТ ВЫПУСКАЮЩЕГО РЕДАКТОРА

Наталья ВАРЛАМОВА

выпускающий редактор
литературно-художественного
и публицистического журнала «Италмас»,
Ижевск

РЕКУ – ВБРОД

Вставай! Переходим эту реку вброд.
Борис Гребенщиков

Авторы этого номера молоды, самому старшему, прозаику и поэту Денису Кожеву, – двадцать восемь лет, самому младшему, литературоведу Володе Гурьянову, – пока шестнадцать.

Они талантливы. Кое-кто из них уже отмечен социумом. Степан Ломаев с повестью «Все собаки попадают в СССР» вошел в число «Ста лучших молодых авторов» литературной премии «Дебют», Анна Бубнова – лауреат премии имени писателя Михаила Петрова, Злата Сергеева в числе других одаренных детей Ижевска на днях получила правительственный грант республики. Но и те, кого слава пока «обошла стороной», смею вас уверить, заслуживают выхода к читателю.

Авторов этого выпуска тридцать пять – небольшая часть тех, чьи тексты, рисунки, фотографии находятся в нашем редакционном «портфеле» и по-прежнему ждут публикации в молодежной рубрике журнала. Самое время представить их вам поподробнее.

Четырнадцатилетней девочкой *Аня Бубнова* принесла в редакцию несколько рассказов о природе, в которых, к счастью, не было ничего от школьного сочинительства. Сегодня это прозаик, которого несложно узнать по дерзким поворотам сюжета, сложному синтаксису и «толстому культурному слою», пропитывающему текст. Сейчас Анна заканчивает работу над романом. Запомните это имя.

В пору моего знакомства с *Денисом Кожевым* мы часто спорили. Его «голос» уже тогда был узнаваемым, но сюжеты... «Пиши про себя, – говорила я. – Кто эти чужие тебе люди, населяющие твои тексты?». Однажды я получила смс: «портал открылся чтобы не закрылся придерживаю дверь ногой». Портал, и впрямь, открылся. Рассказы «Сонная радуга» и «Сломанные часы» обрели молодого героя, подозреваю, – клона рассказчика. Пробовали честно и искренне писать о себе, о жизни, о любви? У автора «Сломанных часов» это получилось. Удачи, Денис, на литературном форуме молодых писателей России и СНГ в подмосковных Липках!

Тексты *Аси Варламовой* пограничны, они – между прозой и журналистскими очерками. Это касается и «Абхазской тетради», и «Четверых в электричке...». Нужен ли ей «плавильный тигль» для создания художественных текстов, пусть она решает сама.

Антон Лукин прислал на электронный ящик журнала шесть своих рассказов. Мы выбрали «Алешу». Может быть, потому, что лучше всего Антону удаются не сильные, а сырые мира сего. Виной ли тому географическая близость Дивеевского монастыря или сердобольность у него «в крови», я думаю, мы со временем узнаем.

Делая заступ за черту «благопристойности», *Александр Колногоров* вовсе не пытается эпатировать читателя (прочитайте рас-

сказ «Трусь»). Просто среди его героев нет счастливых, успешных, крутых, зато есть трудно живущие, заблудившиеся, вечно что-то преодолевающие. Тяжел их быт, трудна любовь, да и сама жизнь порой невыносима. Тут главное – не перегнуть, что Колногорову и удастся: горькая, зато честная проза.

Леонида Богомолова сочиняет и рисует. «Запоздалая любовь» – образец «лав стори», написанной чистым и наивным рассказчиком. Такие сюжеты в позапрошлом веке было принято именовать «рождественскими сказками». Это та самая проза, которую не читающие ее злоязыкие граждане пренебрежительно называют «женской» и у которой, несмотря ни на что, наверное, никогда не переведутся поклонники.

Не спешите зачислять в сумасшедшие главного героя рассказа *Дмитрия Пестерева* «Только тш-ш-ш!..». Одиночество делает с людьми ужасные вещи, а наличие семьи – не гарантия счастья. Незлая ирония и языковая свобода – вот те две вехи, по которым, как по компасу, сориентированы тексты ижевского прозаика, ныне живущего и работающего в Москве.

В этом номере мы представляем читателю повесть *Степана Ломаева* «В Свободном Полете». Жесткая, драматургичная, хоть экшн снимай, наполненная противостоянием и событиями, которые вовлекают в свой водоворот не только людские единицы, но и целые сообщества, она рисует наше апокалиптическое будущее, которое, по версии автора, неминуемо наступит, если мы не возьмем-ся сначала за ум, а потом и «за руки», как призывал Окуджава. Всей логикой своего развития повесть, без зазора соединившая драматизм сюжета и ироничность повествования, заставляет и читателя сделать свой политический и человеческий выбор: «Нет больше никаких партий! Никаких классов! Никаких сословий! Все это потеряло смысл. Теперь остались только жизнь и смерть! Мы делаем этот выбор сейчас! Человек человеку брат!». Давайте прочитаем «В Свободном Полете» и дадим прочитать другим.

Наши поэты – дети своего времени: иногда колючие, порой неудобные, часто беспощадные и всегда свободные в оценках. Но у них есть оправдание: они беспощадны не только к миру, но и к себе. И, что ни говори, талантливы.

Мне нравятся скрытые поэтические цитаты *Григория Старовойтова* («В соседнем доме окна желты») и многочисленные литературные аллюзии, разбросанные по его текстам при их абсолютной «сегодняшности».

Мне нравится резкая интонация, с которой *Валерия Мордачева* пишет о себе и о том, что такое молодость, что такое Родина:

когда красная смородина и сосиски прут нас круче, чем косяки и виски, когда бердск и какая-нибудь колывань значат больше, чем вздохи всех петь и вань...

Ее эстетика противоположна той, которую иные неласковые молодые читатели называют «полозковщиной». Если Вера Полозкова – юг, то Лера Мордачева – север, если Полозкова – белое, то Мордачева – черное, если Полозкова – вдоль, то Мордачева – вся поперек! Если у Полозковой «нервные пальцы ладоней тревожных плечи сжимать и ласкать осторожно», то у Мордачевой «даже если свернусь клубком у тебя под боком – то не стану твоим ребром»; «мы презираем ручную синицу»; «весь мой звук изолирован, спрятан в нутро». И слава Богу, что это так. А то ведь известно: от сладкого зубы болят...

Мне нравится новая подборка стихов *Петра Берша*, содержащая достаточно программных заявлений и отчетливых поэтических жестов, позволяющих лично мне (надеюсь, не только) поместить его лирического героя в круг людей, близких по духу. Как человек, во многом согласный с автором, ловлю себя на желании цитировать: «ты любишь лис, а я люблю кино, немецкое кино в пустой квартире, и притворяться папой в «детском мире», и корчить рожи в пыльное трюмо»; «и чаще просто хочется поесть и спать, чем что-то жечь в чужих сердцах глаголом»; «и когда зима заскрипит дверьми а не снегом нечищенным у порога ты тогда прости меня и пойми я за этот год подустал немного»...

Дарья Шпатарь из тех поэтов, которые рассказывают свои истории достаточно прозаически. Вот, послушайте: «друзья, музыка, шум винчестера – и уже, вроде как, не одиноко»; «обязательно на столе наблюдается чашка. (когда жила с мамой, их обычно стояло больше)»; «иногда хочется резко бежать. первой». Поэтическим ее текст делает не слово, а интонация и контекст.

Есть среди наших поэтов и представители традиционной школы. Это *Дарья Володских*. Ее языковой инструментарий находится в точном соответствии с работой эмоционального аппарата, говоря техническим языком. Точная передача тонких ощущений и переживаний – ее конек. Может быть, оттого, что, будучи переводчицей, Даша легко «переводит» себя чувствующую на язык слов: «Нектар моей грусти сосущую тлю растенья мои до себя не допустят»; «Печаль дежурно надо мной волнуется – здесь у меня свои проводники»; «Неведомый мне и другими ведомый, мой разум еще у истока реки».

Стихи *Златы Сергеевой* светлы и чисты. Но пора ученичества, как мы знаем, неизбежно проходит. На всякий случай будем

ждать чуда. А пока читаем: «Расскажи друзьям, что счастье – в пестром, радужном букете из веснушек разноцветных небывалой красоты!».

Если бы меня спросили, что думают о любви молодые, я бы, наверное, отослала интересующихся к ВКонтакте странице *Ильи Вознякова*. По нескольким причинам. Он не врет – что чувствует, то и говорит: «мы же просто мясо и кровь. Бог создавал нас и ненавидел»; «давай писать о том, что знаем мы, а не о том, что слышно или видно»; «с тобой могу поделиться, хотя и чертовски сложно без лжи». И еще он почти всегда пишет о любви, даже когда он пишет совсем не о ней. Вот он и сам говорит: «тебя, наверное, достало – все о любви да о любви»; «тело дрожит, когда ты слегка вальяжно ходишь по сцене»; «лишь бы помнить твои ниспадающие». И главное: он делает это очень здорово.

Последний «поэтический» персонаж, чьи тексты сложными путями попали на редакторский стол, – *Александр Сабреков*. Полугодовая командировка в Чеченскую Республику превратили балагура, пишущего вирши с употреблением табуированной лексики, в человека, пытающегося размышлять в стихах о судьбах страны и своей собственной судьбе. Как-то не хочется обсуждать техническое совершенство-несовершенство его строк. Таких, например:

Могу быть свободным – не хочется.

Хочу быть любимым – уже.

Надеюсь, все это не кончится

На дальнем моем рубеже...

Театральную рубрику журнала представляет пьеса «Мь» талантливого прозаика *Ирины Прокошевой*. Это не новая ее вещь. Что касается новых... Она написала мне в письме: «Я не пишу совсем... Не знаю, с чем уж это связано, может, оттого, что я заняла себя всем, чем только можно...». Прочитайте рассказ Прокошевой «Харон», напечатанный в одном из наших старых номеров, и вы обязательно захотите скорейшего возвращения автора к читателям.

Мне хочется представить вам трех молодых литературоведов (без кавычек), чье появление на страницах журнала обусловлено двумя обстоятельствами: во-первых, эти молодые люди – читатели с неплохим литературным вкусом, во-вторых, они обладают умением свежо писать о том, что прочитали.

Статья *Марка Разенкова* посвящена книге популярного у нас в России французского писателя Бернара Вербера «Энциклопедия абсолютного и относительного знания». Дорогого стоят слова, с которыми Марк обращается к будущему читателю «Энциклопедии»: «Читайте, познавайте, обучайтесь! Давайте будем действовать!». Редколлегия журнала

«Италмас» присоединяется к этому призыву.

Дмитрий Стрелков в статье «Очарование средневекового детектива» рассматривает цикл романов «Хроники брата Кадфаэля» и как литературовед, и как историк. Эллис Питерс «...удалось создать уникальную и завораживающую атмосферу средневековой Англии, одобренную классическим английским же детективом», – подводит итог автор статьи.

О творчестве Василия Ванюшева написано много книг и статей. Но такой личной, такой пристрастной что-то я не припомню. Речь о статье *Владимира Гурьянова* «Давай с тобой посмотрим на звезду...». Двенадцатилетним мальчиком написал он свое первое эссе о творчестве известного удмуртского поэта. С тех пор появились новые работы. И не только о Ванюшеве. Обещаем держать вас в курсе!

Наталья Трушкова и *Елена Бондарева* – молодые историки. Так случилось (поблагодарим Митю Стрелкова за помощь в сборе материалов для журнала на его родном факультете), что обе статьи написаны о древнем мире. Одна – о папирусах и медицине в Древнем Египте, другая – о культуре питания у древних греков. Читается с интересом.

Постоянный автор рубрики «Публицистика» *Юлия Ханова* на этот раз говорит с нами о нестяжании, приводя в качестве примера бескорыстного служения науке математика Перельмана. Автор статьи утверждает: «А что касается жизненных удобств, комфорта, очень часто мы с друзьями-археологами рассуждаем об этом, сидя летом у костра за кружкой чая. Для счастья – и любой «стяжатель» в состоянии это понять – нужны всего лишь тепло, родные люди рядом и интересные мысли». Трудно с этим не согласиться!

Вас наверняка развеселит замечательный текст *Станислава Тарасова* «Летом 2009-го. Футуристическая повесть к столетию Камско-Вятской археологической экспедиции». Это не простые воспоминания, а мемуары пожилого человека, в 2073 году в Сайгоне (!) вспоминающего молодые годы, юных друзей, экспедицию. В конце статьи по просьбе автора опубликована фотография Ричарда Бротигана. Тем самым редакция хотела выразить свою оценку чувству юмора просителя и его поистине википедическим познаниям.

Андрей Бова – студент Камского института, будущий дизайнер. Но мне кажутся симпатичными его попытки высказаться и о том, что такое муки творчества (статья напечатана в одном из предыдущих номеров «Италмаса»), и просто о жизни. Мы опубликовали рядом со статьей один из студенческих проектов Андрея, чтобы дать вам представление о том, чем же на самом деле занят

этот молодой человек.

Прочитав еще в рукописи статью *Александра Митрякова* «Пятьдесят две минуты жизни», я целый вечер слушала Нопфлера. Как-то очень лично был воспринят мною призыв автора, горячо высказанный в начале статьи: «Давно ли вы в последний раз были заняты тем, что слушали музыку? Нет, не просто слушали музыку, а были этим заняты: не по дороге на работу, не фоном к составлению бухгалтерской отчетности или готовке ужина, общению по асеньке и комментированию фотографий в социальных сетях, а так, чтобы сесть (лечь или встать, кому как удобнее) и послушать какой-нибудь альбом от начала и до конца? Ушами и всею головой?..». Редколлегия будет весьма признательна Саше Митрякову, если он и впредь будет выступать в роли музыкального рецензента, советчика и переводчика с английского.

Хотелось бы сказать несколько слов и об иллюстраторах номера.

Карандашный портрет, сделанный рукою *Александры Новиковой*, был прислан в редакцию журнала вместе с письмом: «Мне пятнадцать лет. Закончила четырехлетнее обучение в ДШИ села Юкаменское с отличием, но по-прежнему продолжаю учебу. У меня неплохо идут физика и математика, поэтому я решила после одиннадцатого класса поступать в архитектурный. В тринадцать пробовала писать стихи, но быстро бросила: вдохновение приходило все реже. Теперь все свое свободное время посвящаю рисованию. Хочется нарисовать что-то большое, чтобы поражало, брало за душу и запоминалось. Первые попытки были не очень удачными. Но я продолжаю. Мне бы очень хотелось быть напечатанной, чтобы как можно больше людей увидело мои работы. Саша».

Друзья, перед вами отличный пример: не надо ждать милостей от взрослых и призывать его величество случай! Есть что показать – смело пишите в редакции журналов! Поверьте, замечательные тексты, рисунки, фотоработы на самом-то деле – большая редкость. А вдруг вы талантливы и просто не знаете об этом?..

Александра Авраменко я случайно нашла

в сети. Говорят, сейчас снова вошли в моду рисунки шариковой ручкой, сделанные с фотографий. Вглядитесь в рисунок – он не кажется мне перерисовкой, в нем есть настроение.

Клетчатого мишку, которого вы видите на снимке в журнале, я держала в руках: тяжелый. Такой же, только плюшевый, был у меня в детстве. Дизайнер и изготовитель игрушки *Евгений Котик-Макаров* шьет коллекционных мишек по старым лекалам. Они получаются у него чудесными.

И, наконец, о фотографах номера.

Мне нравится, как видит женские лица *Сергей Журавлев*. Его взгляд мягок, почти нежен. Оттого его женские портреты хочется рассматривать подолгу: в них есть тонкость и атмосфера.

Жаль, что формат журнала, требующий вертикального изображения, не дает возможности познакомить вас с лучшими работами *Ивана Кузнецова*, тоже ижевчанина. Среди них много снимков Ижевска – то увиденного с крыши высотки, то занесенного снегом, то грозно выстилающего небо своими дымами.

Анастасия Мазина, Виталий Андрулис, Василий Иванов, Дмитрий Знаменищikov – студенты Санкт-Петербургского Государственного университета кино и телевидения, будущие операторы. Их учителем был и, наверное, остается Эдуард Александрович Розовский. Вглядитесь в их работы: портреты, уличные пейзажи, зарисовки. Они кажутся простыми и почти безусильными. Но это кажущаяся простота. Я знаю, что эти фотографии – результат выучки и труда, как бы ни отрицали это сами творцы. Если журнал получился, то, конечно же, и благодаря этому замечательному видеоряду.

Представлять дизайнера журнала *Елену Никулину* не надо: ее работы знакомы нашим постоянным читателям. Сегодня на вклейке номера – две иллюстрации художницы к детским книгам: сказке Льюиса Кэрролла «Алиса в Стране Чудес» и повести «Тайна чаек» Филлис Уитни. Портрет юного существа в окружении парящих чаек, моря, высокого неба – хорошее завершение номера.

Мне осталось сказать всем: спасибо!

Анна БУБНОВА

18 лет,
студентка,
лауреат литературной премии
имени писателя
Михаила Петрова,
Ижевск

ОКНА, ОТКРЫТЫЕ В ТИШИНУ

Рассказ

Птицы, морские чудовища, окна, открытые в тишину или выпускающие некое подобие смерти, – каждая новая картина меняла Алану, окрашивала ее в новые тона, исторгала из нее новые модуляции, утверждая принятие свободы, полета, больших пространств, протест перед лицом ночи и пустоты, ее жажду солнца, ее почти пугающее сходство с фениксом.

Х. Кортасар. «Пространственное чутье кошек»

Когда мы впервые проснулись в этой комнате вместе, за окнами было ясное, еще не обретшее цвет утро. Она лежала, закутанная в простынь, словно римский патриций, и пыталась придумать этому утру если не цвет, то хотя бы хоть сколько-нибудь логичное объяснение. Она любила просыпаться одна и подолгу лежать в постели, придумывая, какой город будет виден из окон на этот раз. Она пыталась прочесть свое будущее по трещинкам на потолке, по выцветшим обоям, по лампе в старинном абажуре, по теснившимся в шкафах книгам, принадлежавшим в свое время настолько разным людям, что можно было с уверенностью сказать – один книжный шкаф в этой комнате соединял больше эпох и судеб, чем могло вместить наше воображение. Она была из редкой породы собирателей. Книги и потускневшие подсвечники, белые скатерти и посуда из тонкого фарфора – все это нужно было ей просто затем, что она так себе придумала. Она с легкостью придумывала необходимость в той или иной вещи и тогда была неумолима в своих поисках – она спорила с

продавцами в Риме, Петербурге, Брайтоне, не давала покоя торговцам в Ковент-Гарден. Но, получив необходимое, забывала о нем почти сразу же – в тот миг, когда вещи находилось место на ее бесконечных полках. В ее книжном шкафу ждали своей очереди Шекспир, Кант, Борхес, Гарди и Апдайк, они выжидали так, как будто с годами их философия становилась ценнее. Они выжидали подходящего случая. Она проповедовала странный подход к искусству – всему, по ее мнению, приходило свое время. Она была уверена, что Апдайк предназначен для летнего жаркого полдня, Маркес – для прохладного лета, Канту отводились зимние вечера у камина (которого в этой комнате никогда не будет), Шекспиру – пестрая, беспорядочная осень. Чтение было таинством, священнодействием, обрядом, к которому надлежало тщательно готовиться. Ее ничуть не смущало, что ни разу за то время, что мы просыпались вместе, так и не наступил подходящий полдень. И гости, для которых предназначалась белая скатерть и отличная репродукция Тернера; гости, которых ждал

в шкафу чайный сервиз с голубыми переливающимися птицами, почему-то не спешили позвонить в дверь. Она никому ничего не одалживала. Согласно ее стройной теории, давать кому-то в долг – значит, делать подарок, который потом непременно придется вернуть назад. «Если ты не можешь подарить – не давай», – говорила она назидательно. Вместе со своим книжным шкафом, тяжелыми шторами, чайными сервизами и парой всегда незаконченных рукописей она ждала, когда наступит завтра. И все время пропускала тот момент, когда время, оборачиваясь вокруг стрелки, замершей на цифре двенадцать, меняло «завтра» на еще одно «сегодня». Ее «сегодня» тянулось годами, перемещалось во времени и пространстве, меняло людей, города, книги, необходимости и излишества, любимых писателей и любимых людей. Но ее сама время не щадило – оно оставляло ее неизменной.

К тому, что она сама писала, она относилась со странной, не присущей ей легкостью. Идеи рождались легко и забывались, срываясь с губ. Мы придумывали ее новый роман, когда за окнами было лондонское утро. Она как будто была разочарована, что к моменту ее пробуждения в комнате уже пахнет кофе и булочками – жизнью, которую придумала не она. словно в отместку, она придумала Время, которое взяло кэб где-то около вокзала Виктория и мчится по Лондону в один из маленьких, затерянных переулков, где живет, свернувшись в уголке пустующей телефонной будки. Время охотно брало попутчиков – молодые хохочущие парочки, которым оно представлялось глубоким стариком с манерами викторианской эпохи, в старомодном костюме и непременно с тростью; благообразные пожилые дамы, которых в глубине кэба ждал байроновский юноша с карими глазами, от которого исходил легкий холодок и предощущение завершаемости всего сущего. Старики в этот кэб почти не садились, а если садились, то видели только средних лет кэбмена с приветливой улыбкой чужестранца.

Было неясно, откуда она сама происходила, хотя вела себя по-английски, и почему ее так привлекают чужестранцы. Их она безошибочно отличала и в пестрой, и в однородной толпе, им она находила сотни разнообразных названий и, стоя у окна, любила угадывать, откуда приехал в Лондон тот или иной прохожий. Мы просыпались вместе и, не испытывая ни желаний, ни необходимости идти куда-то, подолгу говорили, выдыхая слова и немного любви в уплотнившийся за ночь воздух. Деньги ее не волновали. И, как она говорила, они не переводились именно по этой причине. Очевидно, и ее са-

мые бессмысленные, и самые глубокие идеи всегда были при ней потому, что совсем ее не волновали. Было кое-что, что она писала для души. Иногда, в хорошем настроении, она говорила, что этот роман заставит ее поменять город за окном. Для этого она отвела специальное место – большой письменный стол у окна, на котором лежала стопка чистых листов – ее роман. То, что приносило ей деньги, писалось повсюду – на клочках бумаги, на салфетках, оставалось отрывочными, рассеянными по комнате карточками из плотного картона, которые не представлялось возможным собрать в единое целое, да еще в такое, которое не стыдно было бы положить на стол издателю. Но у нее получалось. Она влетала в широкое полотно бессмыслиц тонкие нити своего ясного, упорядоченного мироощущения и получала новое мироздание, в которое непременно хотелось проникнуть. Своего издателя она уподобляла Мартину Дроллингу, а о читателе имела весьма скудное представление. Не потому, что не смогла бы, заметив в парке человека со своей книгой, прочесть по его лицу, что занимает его мысли и как к нему в руки попала ее книга. Ей просто было неинтересно. Она даже не помнила наизусть ничего из того, что писала – ей довольно было того, что она проживает вместе с теми, о ком писала, все их маленькие жизни, от начала и до конца. Ее не удовлетворяла фраза «это была леди в синей фетровой шляпе». Каждой леди требовалась своя история. Вокруг каждой фетровой шляпы выстраивалась целая мастерская, в которой у каждой шляпницы было свое место и своя история. Она почти никогда не утаивала от меня этих историй.

Когда шел дождь, – а дождь в Лондоне не похож ни на один другой дождь, он словно серебристая ткань, подхваченная ветром, – она садилась у окна, открывала книгу, предназначенную для лондонского дождя, и делала вид, что читает. Она умела казаться сосредоточенной, хотя совсем не трудно было угадать, что книга интересует ее в меньшей степени. Ей нравилось, что из-за дождя музыка урбанизации звучит чуть тише. Ей нравились мотивы, которые влетали в гул машин, в неразборчивую речь на разных языках, в стук каблуков. Книги были лишь способом услышать дождь, почувствовать зной, ощутить горьковатый, табачный вкус осени. Книги сознавали свою важность и поэтому послушно ждали своего часа. Люди уходили гораздо чаще. Когда за окнами был Рим, она сказала: «Не могу представить, что все дороги ведут сюда. А если это правда, то встретиться здесь теперь не представляется возможным». Я знал, что она многого ждет от пробуждения в городе на семи холмах. Она

лежала утром на кровати, с растрепанными волосами, что-то писала и перекатывала на языке, как леденец, слово «вечность». У Пантеона это слово приобрело медный вкус и навсегда осталось на языке монеткой.

Действительность менялась в соответствии с ее желаниями – она могла проснуться в иссушенной пустыне, на лесной поляне, в сердце самой большой столицы мира или в доисторическом свайном жилище. Она общалась утром, где мы проснулись сегодня. Иногда за окном светило солнце. Иногда шел дождь. Но чаще всего за окнами было постепенно обретающее цвета небо, которое расширялось, попирая границы разумного и раздвигая пределы действительности, с которой она пыталась смириться.

Когда время, обернувшись вокруг очередного «сегодня», вдруг превратилось для нее в «никогда», я даже сразу этого не заметил – такой отлаженной была жизнь в этой комнате.

Я проснулся. Меня встретило мое привычное небо, помутневшее зеркало в тяжелой раме, стопка пустых листов на столе.

Ощущение пустоты, поселившееся во мне, так замечательно согласовывалось с ее действительностью, что не представлялось в ней чужеродным – совсем не причиняло боли.

Я только тосковал по ощущению ожидания «завтра». Завтра наступило так внезапно, что никто, даже Кант и Маркес в книжном шкафу, не успели к этому подготовиться. Завтра унесло с собой сжатый воздух комнаты, в котором теснились высказанные ею вслух идеи; ее невинный вечный роман на сложенных в стопку листах бумаги; воздух в комнате посвежел, как будто после дождя – исчезло наше немного произнесенной любви. Вместе с ее идеями исчезли деньги. Мое отношение к ним – более щепетильное, – их, очевидно, совсем не привлекало.

Исчез я.

Вместо меня по комнатам ходил старик-чужестранец, похожий на кэбмена, подсадившего Время на вокзале Виктории. Отяжелевший старик с обрюзгим уродливым лицом.

Я открыл окна, чтобы проветрить комнату, выпустить в прокуренный, проговоренный на гортанных чужих наречиях Лондон ее привязчивый запах. Мне всегда хотелось покурить прямо в комнате, а потом открыть окна, чтобы выпустить сигаретный дым на улицу, – она запрещала и то, и другое. Ее комната наполнилась ее идеями. И она так легко расставалась с ними только потому, что была уверена – они возвращаются где-то в пространстве, в этих нескольких квадратных метрах, и обязательно к ней вернуться.

После стольких лет бунтовать против сло-

жившегося в комнате порядка представлялось дерзким. Я чувствовал себя французским революционером, открывая одну раму. Старик в соседней раме, стряхивая пепел, поведал мне, что эта революция была Славной.

Первыми из комнаты, вслед за ней, ушли ее книги. Их скрупулезно просмотрели, упаковали в коробки и снесли в ближайшую лавку, а ее владелец, немец-книготорговец, долго тряс мою руку, улыбаясь, как чужестранец, и наполняя острыми, чужестранными фразами все еще по-особенному английский воздух комнаты.

Проснувшись следующим блекло-голубым утром, я подумал, что гораздо разумнее было бы продать в первую очередь стол. Стол достался ей от прадедушки, имел богатую историю и был опытным путешественником – он следовал за ее семейством неотступно почти полтора века и лишь время от времени терпел прикосновения чужих рук и просторные, находящиеся во власти сонной тишины мастерские, где его приводили в божеский вид. Стол был никому не нужен. Все запертые на ключ ящики оказались пусты. Я ожидал обнаружить там хоть одно ее «вечное» произведение. Я был их наследником. В некотором роде, думал я, исследуя стол, я был их вдохновителем и соавтором. Я был тем, кто терпеливо выслушивал ее теории, покорно принимал царственной рукой брошенные мне подачки – ее мысли; я был тем, кто послушно создавал реальность вокруг ее абстрактного желания. Это я придумал и однажды ночью подарил ей способ создания удобной действительности. Я имел столько же прав на каждое созданное ею вечное, сколько и она сама.

Но стол был пуст. Я исследовал каждый лист ее рукописи. Каждый. Каждый. Пустой. Лист. И не ощутил ничего, кроме ее запаха – душистое мыло и корица. Старческий, потяжелевший запах горечи у нас был в последние годы одним на двоих. Нечестно, что он остался при мне. Я для того и открывал окна – чтобы он исчез. Ее душистое мыло и корица могли остаться, поселиться где-нибудь в изголовье кровати, у ее подушки, они ничуть не надоедали. Странное дело, они были со мной гораздо дольше, чем горечь, но, в отличие от нее, не успели въестся в этот воздух, унеслись в Лондон с первым же позвавшим их ветерком.

Стол исчез вторым.

Я долго ждал гостей, достав чайный сервиз с фантастическими птицами. Я потратил целый вечер, рассматривая их рисунок – причудливый орнамент, уводящий в созданную ею действительность, которая исчезала из комнаты медленно, клочковато, неумолимо.

Я ждал немца-книготорговца – он мимо-

ходом пообещал зайти на чай, когда рассчитывался со мной за книги; я ждал старуху Вэнди, ее редактора, которая обещала мне по экземпляру всех ее изданных книг и еще одно подарочное издание; я ждал представительного любителя антикварных вещей, которому продал ее стол, в надежде, что ему приглянулись ее подсвечники, зеркало и старая лампа. Но никто не приходил.

А потом появилась юная леди, которая не хотела стареть. Когда она придумала юную леди, мы едва познакомились, ей было не больше семнадцати, это было графство Кент, Кентерберри, если быть точным. У нее были длинные, вьющиеся черные волосы, которые она никогда не заплетала. Я вспомнил вдруг, что могу в точности назвать день, когда ее волосы стали седыми. В то утро мы снова проснулись в Риме, и небо за окном впервые было белым, как молоко. Потом мы просыпались в разных городах, а ее волосы так и остались цвета того одномоментного, нашего римского неба.

Юная леди жила в конце девятнадцатого века, происходила из какого-то знатного рода, разбогатевшего в то время, когда Роза Тюдоров почти уже увяла. Юная леди была некрасива, оттого она не ладила со сверстниками, но она была умна, к тому же и развита не по годам, оттого ее недолюбливали родственники. Она придумала, что юная леди – дитя отцветающей викторианской эпохи, – больше всего боится стареть. Не потому, что дети страшатся тлена и губительного воздействия времени. Юная леди недолюбливала своего деда – она попросту его боялась, и, сжимая его морщинистую руку, вглядываясь в его обезображенное временем лицо, юная леди ненавидела старость, не понимая того, что ее дед, в общем-то, недурно сохранился и прожил славную жизнь. Она придумала, что старость деда юной леди была ужасна только для юной леди. Не так уж она была умна, по-видимому.

Юной леди было почти десять, когда она пришла. Она сообщила мне об этом с гордостью, едва переступив порог комнаты.

– Завтра мне исполнится десять, сэр, – сказала она и поправила шляпку, – мне подарят бессмысленные подарки, а дедушка Уильям принесет большую книгу с цветными картинками.

Я не помнил, писала ли она что-нибудь про день рождения юной леди, но был уверен, что юная леди не лжет. И, насколько я помнил ее дедушку Уильяма (а ведь с нашей последней встречи с ним прошло почти шестьдесят три года!), принести единственной внучке в подарок книгу с цветными картинками было вполне в его вкусе. Экцентричный старик.

Ей самой книг никогда не дарили. Я помнил это очень ясно. Она запрещала дарить ей книги. Она хотела выбирать их сама, руководствуясь чем-то, о чем никто из любивших ее не имел понятия. Я убежден, она любила книги намного больше, чем людей. С людьми она расставалась легко – это укладывалось в ее представление о том, что в жизни рано или поздно остаются только действительно важные люди. Она не скучала, когда я ездил куда-то без нее. Она тогда что-то писала, потом с гордостью показывала мне, зачитывала то, что ей нравилось, критиковала саму себя за то, что выходило неудачным, но почти никогда ничего не исправляла.

Мы оба родом из Кентерберри. Но меня этот город навсегда замкнул в тугое кольцо, а ее сделал человеком, который, ни разу не выехав с острова, открыл для себя целый мир. Юную викторианскую леди воспитывал не маленький, упорядоченный городок, как нас, но огромная, упорядоченная эпоха и трогательная любовь королевы.

Я поздравил ее на следующий день. Юная леди принесла с собой подаренную ей книгу, мы сидели за ее столом, накрытым белой скатертью, и рассматривали цветные картинки. Юная леди в моей, но на самом-то деле все еще ее комнате чувствовала себя словно бы даже лучше, чем во всей своей тщательно выписанной на страницах «Юной леди, которая боялась старости» эпохи. Юную леди окружала целая семейная история, которую моя жена любила, бесспорно, гораздо больше, чем саму юную леди. В этой комнате, за окнами которой простирался бесконечный новый Лондон, юная леди существовала аскетично – наедине со своей фобией, совершенно независимо от эпохи. Юной леди недавно исполнилось десять. Мне должно исполниться семьдесят девять. Между нами были Эдуард VII, Георг V, Эдуард VIII, Георг VI, Елизавета II и одна из промежуточных действительностей, которую она создала для того, чтобы смягчить приход в реальность юной леди.

– Вы такой старый, сэр, – сказала как-то раз юная леди, – простите, что я говорю об этом, просто прежде мне казалось, что мой дед – самый старый на свете.

– Ты тоже когда-нибудь будешь старой, – смеясь, ответил я, позабыв, что она мучительно от этого страдает, – но совсем не скоро.

– Дед говорит, что люди старятся незаметно, – она передернула плечами, словно сама идея этого была ей омерзительна, – что славного в том, чтобы однажды проснуться, посмотреть в зеркало и увидеть, что ты старая?

Я помню, она подходила по утрам к зер-

калу в последние лет десять-двенадцать и долго стояла перед ним неподвижная, вглядываясь в свое отражение. Небо, отраженное в зеркале, было выцветшим. Сегодня я почти вычислил тот день, когда она, подобно юной леди, проснулась старой. Мне почему-то тогда подумалось, что это вполне соответствует ее представлениям о жизни. Девочка, боявшаяся стареть, благополучно забылась, я жил с женщиной, которая большую часть своей жизни посвятила историям, рожденным собственным воображением, и книгам, помогавшим ей набираться разнообразного опыта – нужно много читать, чтобы хорошо писать, говорила она. Я не мог представить, что, рассматривая себя, изучая свое морщинистое лицо – карту ее жизни и собранного среди пропитавшихся историей и чужими жизнями страниц опыта, – она боялась стареть.

– К тому времени ты поймешь, что с годами приобрела гораздо больше, чем просто морщины и седины в волосах, – привычно сказал я, повторяя то, что говорил своей жене тридцать лет назад. Юная леди покачала головой, посмотрела на меня строго, словно была моей учительницей.

– Странно, что вы не понимаете, – сдвинув брови, сказала она, – я пойму, что я старая, и в ту же секунду обнаружу, что весь накопленный мной опыт мне уже не нужен. Он появился уже после того, как был мне нужен. Я стану старой и не смогу совершить никаких ошибок, которые совершала, когда была молодой. Я не смогу извиниться перед дедом, что считала старость обезображивающим недугом и поэтому держалась от него подальше. Я буду знать, что это не так. Но никому, даже мне, от этого уже не станет легче. Весь приобретенный опыт сходит на нет. Странно, что вы этого не понимаете.

Она уходила, качая головой, все повторяя: «Странно, что вы этого не понимаете». Юная леди открыла оконную раму, вдохнула ночной воздух и, ничуть не задумываясь, сделала шаг вперед.

На следующее утро (пасмурное, потяжелевшее небо) я выкинул скатерть.

Леди в синей фетровой шляпе появилась, когда ей было тридцать. Ее печальный образ преследовал мою жену чуть больше четверти века. Все, что она писала в возрасте от тридцати до пятидесяти восьми, было проникнуто лондонским туманом, окружавшим эту леди, и неизбежностью, притаившейся в глубине ее темных, грустных глаз. Эту женщину в старомодной шляпе то и дело бросали мужчины, но она тут же встречала других. В ее жизни было так много разных людей, в ее судьбе переплеталось столько чужих судеб, что было непросто понять, где

заканчивается леди в синей фетровой шляпе и начинается кто-то другой. Моя жена посвятила ей лишь одну книгу. В этой книге первого мужа леди бросила сама, второй ушел от нее к другой, уверив ее, и лишь отчасти словами, что любви не существует, а третий подарил ей надежду на счастье и, кажется, не то сына, не то двух дочерей. Все, что было написано после, просто попало под влияние этой странной дамочки, никогда не изменявшей своей шляпе. Со своей склонностью к масштабным полотнам она описывала судьбу горничной, которую леди в синей фетровой шляпе и ее второй муж увидели в первый и последний раз, отдыхая на Французской Ривьере; мальчика, которому ее первый муж, до знакомства с ней, подал полфунта на улице; пожилой дамы, которую леди в фетровой шляпе не встретила на прогулке, потому что они пошли по разным улицам. В представлении моей жены, все эти люди тянулись к той леди, подобно дорогам, тянущимся к Вечному городу. Леди в синей шляпе, английская так же странно и непонятно, как моя жена, распоряжалась чужими судьбами необычно – одним она благоволила, встречая их (четырнадцатая страница, пятая строчка сверху), других обходила стороной.

Я обернулся, когда увидел в оконном стекле, как в полумраке передней прорисовывается женский силуэт. Я был уверен, что это будет она. Она не выходила у меня из головы с того самого первого романа.

– Роберт ушел, – бесцветным голосом произнесла она и, не дожидаясь приглашения, села на диван, стоявший у стены. На этом диване мы проводили лучшие, ничем не омраченные минуты нашей совместной жизни. Мы любили на этом диване, мы мечтали, строили планы, придумывали фантастические города, чтобы, подойдя к окну, обнаружить, что все наши фантазии стали явью.

– Мне очень жаль, – сказал я, вспоминая, кем ей приходился Роберт. – Я не думаю, что он вернется.

– Мне тоже так кажется. Я в этом уверена. Но я и не хочу, чтобы он возвращался. Мне нравится быть свободной. Никому ничем не обязанной. Независимой. Просто немного грустно, что мне некому похвастаться, что я обрела свободу. Моя мать одержима идеей нерушимой семьи, – с грустью ответила она. В ее глазах стояли слезы. Она судорожно сжала мою руку. – Я ведь снова выйду замуж? Да?

– Вы будете очень счастливы, – сказал я. – Я вам обещаю.

Она кротко улыбнулась и замолчала. В молчании мы провели много вечеров. Она приходила посидеть на нашем диване. Ино-

гда она бессознательно принимала такие же позы, какие обыкновенно принимала, сидя, моя жена. И тогда у меня появлялось знакомое ощущение – будто мы с этой женщиной крепко связаны. Мы поженились, когда нам было около двадцати. И не жалели об этом даже тогда, когда стоило бы пожалеть. Я знаю жизнь только блаженно спокойной, лишённой всяческих потрясений. Даже города за окнами комнаты менялись будто сами собой, никогда не причиняя мне боли. Но она страдала иногда от того, что что-то неизбежно приходилось оставлять – место, где хорошо думалось, где много и легко писалось, книжный магазинчик на углу, кофейню. Она с трудом привязывалась к городам, но если привязывалась – никогда не отпускала. Я думаю, с людьми дело обстояло точно так же. Суевливыи мир приносил ей слишком много страданий. По ее мнению, он был слишком неудобным для того, чтобы часто менять друзей, мужей и место жительства. Во всяком случае, такое у меня сложилось за прожитые годы впечатление. Если кому-то и даже ей самой она представлялась иной – я никогда не стану возражать. Моя жена всегда утверждала, что у меня субъективное, путаное восприятие окружающего мира.

Я продал диван.

Города больше не менялись.

Остался только Лондон. Только без нее он стал каким-то другим, чужестранным. Стало почти невозможным различить в автомобильном гуле и незнакомом говоре привычную, ласкающую слух речь.

В одной из коробок я нашел фотоальбомы. Практически нет наших совместных фотографий, но огромное внимание уделено улицам, площадям и домам. Она фотографировала, чтобы иметь представление обо всех крупных городах мира – так она чувствовала себя свободнее, когда описывала эти места в своих романах. Мне всегда казалось странным, что, прожив большую часть жизни в Лондоне и приручив его, она слишком часто писала о других городах. Я не удивился, когда в моей кружке, окруженный чайниками, поселился итальянец Эспозито, бедный лодочник, который был безответно влюблен. Эспозито был печален, я угадывал ее черты в его загорелом, огрубевшем лице, он молчал, кружил бездумно, ускользая от чайной ложки. Маленький Эспозито, писавший на песке никому не нужные, смытые водой слова.

На выцветших обоях расцветали темно-синие цветы, с каждым днем их все больше и больше. Они занимали почти всю стену, и в них уже угадывались очертания фрау Маргарет, которая доживала свой век в клинике для душевнобольных и верила, что на

стенах, в трещинах, лежат семена фантастических цветов, которые постепенно прорастают и расцветают. Фрау Маргарет ничего не говорила и только плакала, так что мне пришлось передвинуть обеденный стол.

У старой лампы играли с толстым щенком Олив и Марсель – брат и сестра, нашедшие друг друга спустя почти двадцать лет после Первой мировой. Они смеялись, бегали вокруг лампы и не подозревали, что пройдет совсем немного времени, и они будут отчаянно нуждаться, а потом настанет день, когда им придется расстаться – не на неделю, как они полагали, а на всю жизнь.

Я как-то раз попытался поговорить с Эспозито, но он только покачал головой и взялся за весло.

Я продал кресла.

Я продал старые, выкупленные ею у старьевщика стулья.

Я снял с окон и выбросил вон тяжелые шторы.

Я расширял пространство всеми доступными мне способами.

Но запах душистого мыла и корицы не хотел возвращаться.

В открытое окно влетел безымянный попугай, принадлежавший не то Олив, не то безумной фрау. Он сидел на спинке стула, склонив набок голову. Наблюдал за Эспозито.

Я ждал кого-нибудь из английских королев на чай, но английские короли пока хранили молчание. Видимо, им не очень нравился Эспозито в чайной чашке. Или они ждали, когда я вытащу из шкафа ее сервиз. Я достал его. Вымыл тщательно все чашки. Заварил дарджилинг. Но утром обнаружил только Эспозито и какую-то красавицу, в которой не было ничего от древних английских королев. Я совсем не помню, как ее звали и откуда она была родом. Разве что она очень похожа на мою жену, когда ей было лет этак двадцать пять. В то время она как раз писала много сентиментальной чуши о чужестранных красавицах. Почему-то именно в то время ее особенно любили читать. Люди любят читать счастливых женщин, сказал ее издатель. И больше никогда этого не повторял.

Я выбросил фотоальбомы.

Подарил недавно въехавшей соседке все книги своей жены, которые смог найти в нашей комнате.

Моя жена где-то оставила мне на память свою старость или просто позабыла собрать эти шарики ртути с пола. А я не могу их отыскать, но чувствую, как тяжелею от источаемых ими паров.

Когда я проснулся, за окном был дождливый Лондон. Цветы на стене темнели, фрау

Маргарет плакала, сжимая тонкие стебли в руках. Я открыл окно.

За окном был дождливый осенний Лондон, серый и бесцветный одновременно.

За окном был пестрый Брайтон – вот вдалеке голубая полоска моря и пирс.

За окном был Петербург – большой, впечатливший ее дом, в то время еще не восстановленный толком после войны.

За окном был Париж – я отчетливо помню это маленькое кафе, в котором ей хорошо писалось.

За окном был Рим – площадь святого Петра, охваченная полуденным зноем, и каждое движение медленно прорисовывается в

воздухе.

За окном был Берлин – Богом забытая клиника для душевнобольных, в которой работала ее берлинская приятельница.

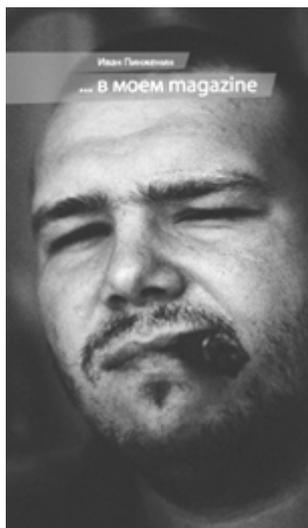
У подъезда ждал черный кэб.

Я обернулся к фрау Маргарет. Фрау выпустила из рук цветок. Он упал на пол. Лепестки опали. Синева от них мгновенно, словно тысячи трещинок, разбежалась по полу.

Потяжелевшей походкой я направился к выходу. Обернулся, вспомнив, что не взял с собой денег. На столе, рядом с чашкой с Эспозито, лежала монетка. Я взял ее, крепко сжал в кулаке и решительно зашагал по лестнице.

Январь 2012

КНИЖНЫЕ ХИТЫ

Иван Пинженин. «В моем magazine». Санкт-Петербург, 2012.

Кто-то кинул мне на стену Вконтакте ролик, который назывался «В моем магазине». Тринадцатиминутка оказалась фильмом нескольких молодых питерских режиссеров и операторов на стихи питерского же поэта Вани Пинженина. Картинки были резкими, бодрыми, энергичными. Стихи были честными, запредельно искренними и оттого горькими. Меня они «ушибли». Поставила себе статус из двух пинженинских строчек: «Ты и без меня сойдешь с ума, но со мной гораздо веселее» и пошла искать питерского мальчика Ваню Пинженина Вконтакте. Нашла быстро: фамилия редкая. Написала ему сообщение: дескать, стихи мне ваши очень понравились, нельзя ли получить ссылочку?..

Так, собственно, все и началось. А спустя несколько месяцев в нашем «Италмасе» была опубликована большая подборка стихов Ивана Пинженина, чему я была несказанно рада. Спустя еще несколько месяцев мы встретились в Питере. Сидели в кафешке с Ваней, ребятами из ГУКиТа, гитаристом группы, с которой выступает Пинженин, болтали, смеялись. Мне хотелось, чтобы у Ивана появилась книжка. Мы немножко об этом поговорили. Ваня подарил нам билеты на «Усадьбу-джаз». В последний раз его красная футболка мелькнула на огромной поляне Елагина острова, где со сцены пела Женья Любич. Так у меня и зарифмовалось: Питер – музыка – вечеряющее солнце – зеленая трава – счастье...

Мы живем во времена ссылок и цитат. Исследователи культуры называют это время красиво: эпоха постмодернизма. И все же. Почему целый день, как заезженная пластинка, мы поем и поем все тот же куплет из полюбившейся песенки? Для чего заполняем свои «вконтактовские» стенки чужими изречениями? Отчего мы так сильно откликаемся на чужие написанные слова? Что заставляет нас мгновенно запоминать четверостишия, единожды прочитанные? Зачем это нам?! Может быть, тем самым мы ликвидируем внутри себя дефицит сильно и искренне выраженных эмоций?..

Чего-чего, а этого добра в поэзии Пинженина с избытком! Вы только послушайте: «Я б к тебе прилетал сто раз в год и кормил бы талым мороженым», «Боль – это когда на твою любовь тебе отвечают спасибо», «Рыжая сука, я совсем не скучаю – я в отчаянии», «Как работники мостотряда, то разводим друг друга, то сводим», «Преврати мою комнату в маленький рай, нам с хомяком до слез одиноко», «Пусть будет так, как я хочу, а я хотел, чтоб ты ждала», «Не оставь меня, я иначе умру. целую. люблю. тчк», «Я люблю тебя, глупая, и веду себя глупо я», «Я пытаюсь сгореть, чтоб согреться», «Подойди же ко мне, чтобы просто обнять, в этом городе небезопасно», «Поцелуями сладко-кислыми погуби меня на площади Манежной». И еще, и еще...

Вот и хочется брать и брать из этого «магазина»... С выходом книги тебя, Ваня!

Наталья Варламова

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО

Александра НОВИКОВА

15 лет,
школьница,
село Юкаменское,
Удмуртская Республика

«МНЕ ПЕРЕСТАНУТ СНИТЬСЯ ЗЕРКАЛА...»

Портрет. Бумага, карандаш.

Денис КОЖЕВ

28 лет,
владелец книжного
магазина «Памфлет»,
Ижевск

СОННАЯ РАДУГА

Рассказ

Около часа все смолкло.

Можно было снова дышать и скрипеть паркетом. Я приготовил кровать для Сони, а сам устроился на диване. Сон упорно не шел, заставляя прислушиваться к шуршаниям друг друга. Мы синхронно ворочались, деловито пытаясь заснуть. К утру проснулись под одним одеялом, переплели ноги.

– Какая пошлая классика, – улыбнулась Соня и скрылась в душевой. Я поставил кофе.

Спустя полчаса она вернулась к себе в квартиру. И сразу поехала в вытрезвитель. За мужем. Мне было пора на работу.

То была первая ночь. Ночь знакомства.

Как заметила Соня, это был понедельник. День, отмеченный красным – знаменем любви и ненависти, мести и плодородия. Для каждого дня у нее был приготовлен свой цвет. Палитра моего календаря ограничивалась черным. Прочие оттенки для меня были загадкой.

Из-за ночного спектакля я забыл, что день праздничный. Кроме меня возле закрытой библиотеки кружил дворник Есапыч, всю жизнь мечтавший съездить в Венецию. С метлой в руках он сам напоминал скорее гондольера с веслом, нежели хозработника. Пел серенады и заигрывал со студентками.

– Что, Дениска, не спится? – спросил он, закуривая. – День-то какой! Гулять да девок щипать.

– Так вот и гуляю.

– А сюда-то чего приперся? Забыл чего?

– Забыл, – говорю, – что выходной сегодня. Есапыч харкнул, сплюнул и прочитал но-

тацию:

– Бабу тебе завести надо. Чтобы напоминала. Да не отпускала попусту. А то худой. Достоевский сверху шлепнется – зашибет. Ищи подругу себе. Хоть жрать прилично начнешь. Вон Нинка – завидная девчурка. Красится даже. Ради кого? Не для меня же.

– Ладно, – говорю. – Пойду я.

– Куда? – искренне удивился он. Есапыч вообще был мужик со странностями.

– Подругу искать, – пошутил я неосторожно.

– Ха! Во молодежь! Ни души, ни совести.

– Он затушил сигарету о подошву и схватил метлу. Схватил так, что я невольно отошел на безопасное расстояние. – Подругу он пошел искать! Потому и бардак в стране. Как жизнь свою строят, так потом и она их. И все жалуются. У-у, недоноски! Ищут они. Чего искать-то? Отловил первую встречную, да и начал жить. Остальное приладится. Так нет же! Копаются как свиньи. Баба – это ж не апельсин! Если цедру сорвал, так держи марку...

Есапыч еще долго что-то кричал, царапая метлой по ступенькам и все больше походя на гондольера, угодившего на мель. Все-таки контузия не прошла для него бесследно. Хотя никто не жаловался. Работает мужик. Без нареканий. Даже по выходным. Поразительно, как быстро разносятся слухи по библиотеке.

В городе стояла небывалая жара. Запотевшие сиденья в автобусах высыхали за секунду. Барышни из деликатных соображений ехали стоя. Проездные билеты в карманах

расползались и исчезали. Контролеры проявляли чудеса снисходительности. Я шел домой пешком.

На игровых площадках вялая детвора ползала по классикам. Медузы на берегу – и те подвижнее. Женщины, забывшись, выходили на балконы в неглиже. Подростки начинали осознавать превосходство бинокля над взрослыми журналами.

Только самые смелые или глупые ходили по гостям.

Толик, предприимчивый экспериментатор, полный идей, рожденных на диване, везде бегал. Идеи оставались пылиться между подушек.

– Слушай, – говорил, – давай на телевидение вылезем. Я передачу придумал – «Без трусиков». Да подожди ты! Идея классная. Делаем такую же передачу, как «Без галстука». Садим ведущую, обсуждаем те же темы. Неофициально об официальном. Все, как положено. В строгой юбке, пиджачок, минимум косметики. Только название. Представь: «Здравствуйте! В эфире программа «Без трусиков». Зритель только ради этого ящик включать будет!

Толик улыбался и вытирал вспотевшее лицо скатертью.

– Слушай, у тебя нельзя в душ сходить? У нас воды третью неделю нет.

Я разрешал, взяв с него слово не появляться раньше, чем пойдет дождь.

Жара плавил фланелевые рубашки на спинах и припекала юбки к колготкам.

Домашние питомцы, дурья, размазывались по полу. Температура неумолимо росла, подтягивая за собой в цене лимонад и мороженое. Душ был признан верхом цивилизации.

Охлажденный чай пили со льдом. В больницы поступали пациенты с солнечными ударами и обморожением горла. Вести об акрах лесных пожаров стали нормой.

В моей душе бушевало пламя страсти. Я искал встреч с Соней. Пожар требовалось тушить немедленно.

Позвонил товарищу по школьной парте. Генка Сыч был человеком отзывчивым. Будучи прорабом, всегда отзывал рабочих с объекта, если не получал вовремя смету. Получив, обратно возвращать рабочую силу не торопился. Подрядчики его недолюбливали. Но валидол в кармане на всякий случай держали.

Услышав меня, Генка обрадовался, пригласил к себе, а через десять минут явился сам.

– Ну, где она? – спросил он с порога.

– Дома, – говорю. – У себя.

– Я про бутылку, – обиделся Гена.

– А ты разве не принес? – почувал я нелад-

ное.

Прораб, не торопясь, оглядел кухню. Строительные работы не велись. Отзывать было некого.

– Хорошо, – говорит, – в понедельник можно и чаю выпить.

Гену еще никто так не обводил вокруг пальца.

Я достал варенье. Он фыркнул.

Отыскал печенье «Детское молочное». Гена закурил, но промолчал.

Обнаружил в холодильнике сало и майонез. Прораб опустил голову и тихонько завыл.

Мне стало немного легче. Не я один был подавлен.

* * *

Она была художницей. Жила одним только искусством. Слегка оттеняя его зарплатой военного. Муж-глубоководник бороздил нейтральные воды приграничных зон с четверга по сентябрь. И души не чаял в своей жене. Не чаял так, что забывался и гонял Соню вместе с чертями по всему подъезду. Обещая попутно выдернуть чертям гениталии. Многоборье заканчивалось визгами. Воображаемые нехристи сменялись реальными работниками милиции. Декорации переезжали в вытрезвитель. Затем театр одного актера понуро ждал своего единственного зрителя – жену. Занавес опускался. Поднимаясь дня через три снова.

Соня была непорочна. Как бывшая девственница. И, как истинный художник, она не могла себе позволить работать только с воображением. Требовалась натура. А дальше фантазия сама все корректировала. Но испробовав различные ракурсы, свет, позы, лубриканты, женщина начинала остро чувствовать свою ненужность.

Соня любила своего мужа. Но в ней оставалось еще много невостребованной любви.

– Глубоко заходит. Да, видать, редко, – туманно выразилась соседка насчет внимания глубоководника к своей жене.

Соня жила с раздвинутыми ногами души. При всем этом она была жутко стеснительной. Когда под натиском любви она в третий раз шагнула в чулках на свеженарисованную траву, ее искуситель услышал:

– Своими играми вы постоянно вгоняете меня в краску.

Она знала о красках все. Они были ее вдохновением.

– Краскам, – говорила Соня, опуская кисточку в банку, – как и цветам, нужна вода. Без воды акварель сохнет, гуашь черствеет, а масло остается маслом – жирным, вязким и неотстирываемым.

Быт угнетал Соню. Кухонное искусство

она считала колдовством.

Она кружила по комнате с голыми ногами, вырвавшими прямо из-под большой синей рубахи. Мужской. Я испытывал некоторое чувство собственности пополам с ревностью. Тогда мне казалось это забавным.

– А вы разве не ощущаете того же по отношению к своим книгам, Дени? – она всех людей вокруг себя звала на французский манер. – Ведь это тоже краски. Вашей жизни, любви, детства. Они тоже дышат. Принюхайтесь. Неужели не чувствуете?

Я чувствовал. Запах женского тела и собственных ног. Сбежавший кофе помог мне избавиться от носков в кухне.

Она появилась ровно через неделю. На этот раз я не выносил мусор в трико с оттянутыми коленками.

Красное полусладкое ненавязчиво возвышалось среди разбросанных фруктов. Сыр был разложен идеальным веером. Кто-то предусмотрительно зажег свечи. В голове случайно всплыла пара заученных фраз. В шкафу томились свежие простыни.

– Вы кого-то ждете, Дени?

Я не успел ответить.

– Давайте не будем открывать. Никому! Как в прошлый раз. Кто бы ни пришел.

Язык встал колом. Я чувствовал себя стажером по посеву рогов. Вспотевшие ладони несколько раз показали незаметный фокус с ускользающей бутылкой. Франция, страна любви, задрал юбку, плясала между висками. Наконец, фокус удался. Вино жадно бросилось на грудь Соне. Вино, расплзаясь по ткани, приняло очертания все той же Франции.

– А вы хитрец, – улынулась она и сняла рубашку прежде, чем я нашел другую.

– Вторник, – говорила она, – всегда оранжевый и бесстыжий.

Апельсин в ее руках послушно избавился от корки. Я хотел быть этим апельсином.

– Моя бабушка с детства говорила, что я должна безумно любить мужчин. Безвозмездно, не требуя взамен ничего.

Мне нравились слова незнакомой бабушки.

– Вы считаете меня развратной? – спрашивала она из-под одеяла. Я улыбался, не понимая вопроса.

Ночью она разгоняла мой притворный сон. Сдергивала с меня одеяло. В моей постели снова было тесно. Впервые это чувство было мне приятно. Луна, увидев, что у меня занято, багровея, скрывалась за облаком. Пару раз я замечал, что она подглядывает. Соня была хозяйкой положения. Моя фантазия и опыт меркли перед ее изобретательностью. Осознание, что я был у нее вторым,

не спешило стать аксиомой. Середина ночи и остатки вина уговаривали меня плевать на очередность.

Утро, просунув под штору меморандум солнечного света, вынесло приговор: среда.

Я выполз из-под теплой ладошки и, заглотив остатки сыра, ушел на работу.

Придя в библиотеку, я стал ждать вечера.

К обеду размышлял о побеге.

– Дугин, почему у вас Шукшин стоит в научной фантастике? Весь! Ведь это желтая рубрика.

– А сегодня все желтое, – говорил я влюбленно. – День такой: среда. Время единения и общности.

Послали в отдел корреспонденции. Клеить марки. Оттуда – к дворнику за бланками для писем.

Есапыч, обозвав блаженным, остервенело пылил метлой.

Перед закрытием чей-то голос спросил меня в темечко:

– У вас есть что-нибудь о четвергах?

– Честертон в художественном, – ответил я в столешницу. – Второй этаж.

– А что-нибудь про безудержную любовь библиотекарей и художников?

Я поднял глаза. Соня стояла в моей рубашке и улыбалась.

По дороге домой она собрала всех животных. У ближайшего фонтана я заставил ее вымыть руки. И пожалел.

Весь оставшийся путь солнце бликовало на наших мокрых волосах. Прохожие переставали ориентироваться, глядя на ее улыбку. Девушки на улицах стали обращать на меня внимание.

По дороге зашли к Степану, физику-теоретику. Поймали его за очередным экспериментом. Счастливая мышь, воспользовавшись заминкой, прыгнула в окно. В душевой читал нараспев собственную поэму Борис. Оказалось, ушел от жены. Не выдержал ее нервных срывов. Покидая дом, унес с собой чистые носки, томик Есенина и фразу, брошенную в затылок:

– Чтоб ты заблудился, алкоголик!

Ему были чужды институты семьи. Есенин на тридцатой странице бережно хранил записку.

Будучи поэтом, Борис всегда излагал свои мысли кратко и несколько витиевато.

О детях в яслях он говорил:

– Каторжата.

О свободе слова:

– Нам при рождении в рот положен кусок мяса. Хватит орать. Жрите.

Катаясь в метро, бубнил в воротник:

– Ползаем, как червяки.

Однажды на литературных чтениях после банкета, в гостинице нетрезвый Борис

ломился из своего номера в соседний, коло-
тя тапкой по обоям. За стеной спал не менее
пьяный Успенский.

Борис стучал и плакал:

– Эдуард Николаевич! Как вы можете так
пить? Вы же написали Чебурашку!

Среди всего прочего Борис не любил об-
щество. Он был заведующим диспансером
в психиатрической клинике, любил свою
работу, жену и еще двух-трех сослуживиц.
В пятницу вечером он осушал бутылку вер-
мута, дрался с местным слесарем, после чего
шел бросать кирпичи в автобус. Стихи он
писал исключительно в плохом настроении.

Размолвка с женой вдохновила его на оду.
Выскочив из душевой, он продекламировал
первые строфы. Соня оценила. Борис, не
торопясь, завернулся в полотенце. Я надел
второй ботинок, не успев снять первый.

Степан выбежал за нами в подъезд с чай-
ником в руках.

– Уже уходите?

– Не хочу, – говорю, – мешать. Еще на-
строение поднимется. Собью волну.

Соня хихикала.

– Жаль. – Степан с чайником в одной руке
задумчиво глядел на электроды в другой.

– Слушай, – говорит, – у тебя мышей нет?..

Мы уехали на лифте.

Всю дорогу Соня хохотала и бегала за го-
лубями. Я, сунув руки в карманы, пинал
винную пробку. В воздухе потрескивало
напряжение. В итоге Соня взяла меня под
руку и шепнула:

– Ты такой дурачок.

Мне казалось, что надо мной не смеялся
только ленивый.

В подъезд все же входили порознь. Кон-
спирация была выше обид.

Лифт не работал. Критик Малицкий не-
ожиданно застрял между этажами. Это было
странно при том факте, что живет он на вто-
ром. По подъезду суетливо бегала главная
по дому, делая вид, что ищет кошку. В хала-
те и накрашенная.

Я подошел к заклинившим дверям.

Малицкий, обмахиваясь веником из тюль-
панов, сидел на полу.

– Евгений Самуилович, – сказал я, – что
вы искали в лифте?

– Достойную литературу, – огрызнулся
критик.

Как ни странно, мне полегчало. В про-
шлом году жюри не допустило мои рассказы
к чтениям. Возглавлял отборочную комис-
сию мой сосед по подъезду, известный кри-
тик Евгений Самуилович Малицкий.

В этом году было попроще. Меня приня-
ли в Союз писателей. Правда, не отпускало
ощущение, будто к ноге что-то прилипло.

Я поднялся на свой этаж. Соня ждала. Раз-

деваясь, мы чуть не забыли закрыть дверь.

Ее худые плечи и острые колени пре-
вращали мою лачугу в Зимний. Я начинал
путаться в коридорах и стал бояться ре-
волюций.

Мы были невинны в своем пороке. Путь
назад не обсуждался. Диалоги нас утом-
ляли.

– Ты прекрасна, – шептал я.

– Как ангел! – звенел ее голос.

Кровать вторила нам сотней пружин.
Светло-темный комок наших тел распадал-
ся на части лишь к утру. Птицы на карнизе
бились за места в зрительном зале.

Так продолжалось с месяц или около того.

Как-то я спросил:

– Тебе не скучно со мной?

Соня оглядела комнату и ответила во-
просом:

– А ты хочешь позвать кого-то еще?

Червячок негодования заворочался в по-
лусне, требуя объяснений. Слова стали взвеш-
иваться перед вылетом.

Лето близилось к концу. Дожди хлеста-
ли по лицам, как обезумевшие пожарники,
разгоняющие митинги на площадях. В моей
ванной появилась еще одна зубная щетка.
В библиотеке стало невыносимолюдно. На-
чался учебный год.

Однажды Соня сказала посреди ночи:

– Голубое бесконечное небо.

Я протер глаза и выпутался из-под
одеяла.

Она сидела на подоконнике.

– Почему день не может быть таким же
бесконечным?

– Будет новый, – зевнул я. – Пойдем спать.

– Но завтра уже суббота.

– Ага, – говорю, – весь день наш.

Она крепко обняла меня, прижалась к уху
и зашептала часто-часто, скороговоркой, без
остановки, вздрагивая и трясясь:

– Деничка милый мой ведь это не наши
дни ведь мы украли их у себя же украли у
других людей проспали пролюбили их не-
благодарно подло мы любили и любим друг
друга и нас любят другие не чужие нам до-
веряют а мы обманываем врем и мучаем по-
тому что сами мучаемся и толкаем туда же
и за собой тянем не от слабости и равноду-
шия от бессилия и простить не можем себе
легкость эту и любимым прощение наше за
те дни которые мы ворует у них у себя друг
у друга Деничка любимый мой дорогой я
рвусь на маленькие кусочки каждому оста-
ется один такой кусочек ничего для себя не
осталось ни согреться ни закрыться ничем
как черновики как эскизы наброски перед
работой страшно без них с ними нечестно
нечестно страшно...

Слова Сони настораживали. Количество

вышитого пугало. Я, как мог, успокоил ее. Отвел в душ. Напоив чаем, уложил спать. Утром, стараясь не будить, оделся в кухне и вышел на улицу. На вечер я хотел приготовить сюрприз.

Но к вечеру Соня исчезла.

* * *

Только на второй день я полностью осознал: ее действительно нет.

Стоит ли говорить, что со мной происходило. Я напоминал песочные часы без песка. Ворочался по ночам, как маховик. Стал путать имена и пропускать остановки. Раскалялся во всех грехах. Оставлял открытой дверь. Кричал в окно имя. Проклял субботу. И упал на дно синей ямы.

Кто-то сказал: мужика на дно затягивает баба.

Худое тело в мужской рубашке мерещилось везде. Из комиссии вытолкали, еле вырвав из рук манекен. Телефон бесил чужими голосами. Друзья затаились в блиндажах. Ничего не подозревающий Толик прибежал с очередной идеей – открыть свое радио.

– Уже, – говорит, – название есть. «ШершеЛяFM». Как тебе?

Я взвыл и ударил Толика по лицу.

Критик Малицкий, попавшись на лестнице, со страху предложил место в следующем номере.

На работе не разбирал рубрик и придумывал новых авторов.

Безликие «Мифы и сказки» написал некто Бушменов. Янки при дворе короля сэра Артура Конан Дойля носились, как оголтелые, со своей круглой мебелью. «Жуки на булавах» обосновались в разделе энтомологии рядом с «Повелителем мух».

Старший библиограф вызвал к себе. Я потушил сигарету о «Так закалялась сталь» и пошел следом.

– Что у вас случилось?

– Морские узлы развязались. Команда просится на берег.

– Вы что, пили сегодня?

– Если можно, хотел бы продолжить.

– Ваша наглость и эрудированность в равной степени не знают границ. Вы на хорошем счету. Не портите себе репутацию.

– Счет и у меня хороший. Имею неотгулянную неделю отпуска.

– Да что вы все заладили! Нина из архива на месяц в истерике сбежала. Вы теперь... Кстати, это правда, что про вас двоих говорят? Вы действительно Нину обидели?

– Еще как! – говорю с шутливой интонацией. – Потом догнал и еще раз обидел.

– Не перегибайте... Ладно, черт с вами. Через неделю обоих жду на работе.

Я еще что-то пошутил про Нину и ушел домой. По дороге завернул в винно-водочный: к сердечным мукам добавилась голодная совесть.

А Соня не объявлялась. Синяя яма субботы росла и углублялась, растянувшись на несколько дней. Я перебрал все дни. Все цвета. Я искал. Как каждый охотник, я желал знать – где?.. Мой покой стал выражаться в безостановочном поиске. Вечный мой, вещей мой Сон. Я начал бояться, что неожиданно прыгну с ума, а затем с крыши. Хотелось быть под присмотром.

Борис, вернувшись к жене, ушел в творческий ступор.

– Судьба меня любит наполовину, – жаловался он, забыв про мои муки. – Или вообще не любит.

Была ненавистная суббота. Я передумал бриться. Мы шли за водкой.

– Никогда еще я не получал от нее подарков, – продолжал он.

– Смотри, – говорю, – бумажник.

– Пустой, – огрызнулся Борис.

Я нагнулся, подобрал.

– С деньгами!

– Фальшивые, – отмахнулся обиженный судьбой поэт.

– Настоящие! – убеждал я.

Борис помолчал, а потом ответил с плохо скрываемой злобой:

– По-любому, на них уже что-то купили.

Бутылка кончилась к середине ночи. Последний автобус уехал с кирпичом в салоне. Борис отряхивал руки. Я был подавлен, чувствуя аритмию сердца. Пьяному товарищу хотелось крови. Слово «суицид» выбросилось изо рта поэта.

– Не надо, – говорю, – у тебя семья. Не поймут.

– Плевать.

Мы стояли возле ветки метро. Борис целился попасть темечком между рельс. Издавка нарастал гул.

– Подожди, – говорю. – Стекольщики без работы останутся. Я кирпичи в автобусы бросать не буду.

– Тоже плевать.

Борис, как пловец, стоял наизготовку. Через минуту он матерился, сидя на шпале, и дул на разбитое колено. Гул подбирался ближе.

– Вылазь, дурак. Это решение слабаков.

– Считаешь меня слабаком – иди домой.

Борис лег рядом со шпалой.

Гул перерос в грохот. Все залило светом, и мимо прогремела колонна машин дорожной службы. От мокрого асфальта повеяло свежестью.

– Я тебе говорю – вылазь. Это новая ветка. Станцию еще не запустили. Пошли домой.

Мне невыносимо хотелось выть. Я хотел жить и видеть Соню. Я ушел домой.

Выть остался Борис:

– Я же говорил: судьба меня не любит. Не любит!

* * *

Моя же судьба предпочитала не вмешиваться в ход событий. Впрочем, как знать. Я ее не клял. Она не делала хуже. Не трогала она меня и после, оставив до утра в дворничкой незнакомого подъезда. В голове эскадрон скакал. Во рту – как после цыганской свадьбы.

Воскресное утро – словно будничные день в вымершем городе. Тишина перекрестков трезвила и вызывала агорафобию. Хотелось почувствовать надежный оплот ларька на другом берегу улицы. Тянуло домой. Подземные переходы хищно распахивали пасти. Светофоры никак не могли определиться с цветом.

Шахматная доска обрывком лежала на желтой дверце. Равнодушный таксист сбросил счетчик и отпустил сцепление.

– Дверью не хлопать, – процедил он сквозь «Мальборо». – В машине курят.

Город поплыл назад, проседая на ухабах. Столбы штрихкодом неслись по бокам. Северный ветер Владимирского Централ свистел в ушах, сквозя из магнитолы. Пиратская команда сошла на берег. Семь футов под килем и бутылка рома плескались в желудке, утягивая за борт.

– Да чтоб тебя! – любитель блатняка распахнул дверцу и вытолкнул на газон. – Пить учись, салага! – крикнул напоследок бомбила. Собачье «пойдем на улицу» лежало рядом, конфузливо прижимаясь к булыжнику.

«Не держи в себе, – шептал внутренний голос. – Давай, как Высоцкий: «до блевоты, до рвоты». Желудок сжался, и весь мой богатый внутренний мир украсил лужайку. Потом еще раз. Все же повторение пройденного не мой конек. Хватило бы и одного раза.

До дома оставалась пара кварталов, а на диван хотелось еще полчаса назад. Нелегка жизнь библиотекаря.

Солнце карабкалось по стенам домов, укорачивая тени. Обнимало стылые камни. Пролезало меж штор без мыла. Слепило хмельное сознание. Город, всхрапывая, просыпался.

За спиной громыхнул упущенный троллейбус. Дороги щедро делились с обувью пылью.

Газетные киоски раскрывали прессу на разворотах. Тюльпаны сгрудились вокруг памятника. Из пекарни тянуло горячим хлебом, ночная смена собиралась домой. Шмель кружил над цветами, огибая ценники. Где-

то на другом краю земли еще спала она.

К полудню родной двор раскрыл объятия. Шторка лифта по-отечески прищемила палец. Квартира опустошенно молчала. Пошагав на месте, стянул джинсы на пол. По паркету прозвенел недобитый аванс. Сон оказался глубок и недобр.

– Дугин, это правда, что вы отправили книгу в абортарий? Какой позор! Пятно на всю библиотеку.

– Правда, – отвечаю. – Жду, когда обратно придет, чтобы еще раз опозориться.

– Но зачем?!

– Как, зачем? Я же сплю. А захочу – в говно превращусь. Лови шматок!

Я во сне всегда такой загадочный. Пока не проснусь. Утро всех равняет, поднимает общество до моего уровня.

Я проспал до пяти. Общество вовсю голосило и готовилось ко сну. Воскресенье заканчивалось.

Обшарив комнату глазами, полез в себя с претензиями и жалостью. Зрачок зацепился за предмет, лишнее в мозаике бардака. Из женской сумочки выглядывал билет на поезд. Из Мурманска, как показал детальный осмотр. Сумочка стояла на аккуратно сложенной юбке. Не носом – лопатками почувствовал, как за стеной курит Соня.

* * *

Маленькая коленка острым углом смотрела на холодильник. Сигарета, как дерево в лесу, затаилась меж пальцев, испуская дымок цвета грусти. На переносице авторски восседали черные очки.

Я осторожно присел по другую сторону стола, стараясь не спугнуть этот призрак в мужской рубашке. За окном, не разбирая пути, шел дождь. У меня вспотели ладони. Безудержно хотелось в туалет. Я вежливо терпел.

– Всего этого могло и не быть, – медленно прорезала тишину Соня.

Оторвавшись, пепел каскадом покатился по обнаженной голени. Я кашлянул.

– Если женщина любит, она изменяет только один раз, – продолжила она. – Если любит мужчина, он остается с женщиной.

Я почувствовал, что любовная история закончится мелодрамой. Веселый огонек заплясал перед новой сигаретой.

– Ты уезжаешь? – спросил я очевидное.

– Нет. Я оставляю тебя.

Она сняла очки, и фиолетовое воскресенье всеми оттенками аквамарина заиграло на ее лице. Багровым ореолом от брови до скулы ее лежала печать мужского прощения.

– А ведь всего этого могло и не быть, – повторила она. – И на твоём примере я поняла, как люблю его. Мужчин нельзя обижать,

женщин – сам знаешь. Кем бы они ни были: художницами, проститутками или скромными труженицами архива городской библиотеки. Я случайно узнала. Но больше говорить об этом не хочу. Поступи, как мужчина.

Она встала, поцеловала, как ребенка, в лоб, и ушла, захватив юбку. Снова и навсегда.

– Больше не лезь на амбразуру! – бросил я в спину.

– А ты не подталкивай, – сказала она за порогом.

Мне остался лишь пепел. И сверху по паркету еще недолго раздавались шаги моего разбитого сердца. Около часа все смолкло.

Картина мира покачнулася. Правда, я стоял на ногах крепко. Я даже сел и налил чай. Завтра наступал понедельник. Чистый, новый. Завтра я обещал выйти на работу. После долгого забытья. Завтра возвращалась из отпуска Нина. Завтра я должен был искупить свою вину и уволиться из библиотеки. Все должно быть честно.

Я вдруг увидел себя, сидящим в кинотеатре. Фильм почти закончился, я ничего толком не понял, но знаю, что должен скоро

выйти. Всюду разбросаны пустые бутылки, обертки. И я сам жую какой-то поп-корм, испытывая при этом жуткий пепси-голод. Вот уже герой произносит долгожданные слова. Ты мысленно соглашаешься. А параллельно шагает мысль об очереди в гардеробе. И эта теснота, в которой лица не разобрать. Раньше мы все так любили наблюдать друг за другом через замочную скважину. Или в глазок. А теперь, наладив контакт, мы сами как будто распахиваем двери перед чужим носом. Зачем? Нам так не хватает публики? Чего в нас больше – духа или брюха? Нам важен финал или первое место в очереди за курткой? Мы слушаем себя или тех, кто все знает? И если мы можем вот так спокойно уходить из чьей-то жизни и легко приходить обратно, то, может, стоит замки сменить?

* * *

На следующий день я шел отпущенный и вроде бы прощенный. Через город перешагивала запоздалая радуга. В голове роились уже бесполезные библиографические знания. А за спиной задумчиво скреб метлой, царапая бетон, Есапыч.

Но не бетон он царапал, а мою совесть. Которая со временем, я надеюсь, станет чиста.

*Ижевск – Москва
24 февраля – 9 марта 2012 года*

КНИЖНЫЕ ХИТЫ

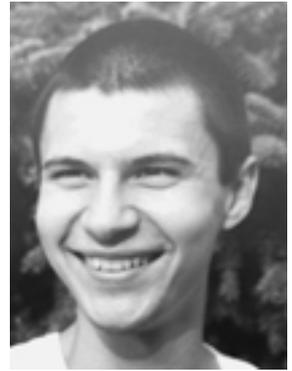
Вера Полозкова. Непоэзия. Москва: Гаятри, 2010.

«О чем пишет Полозкова? Это поэзия телесериалов. Стихотворно для продвинутых нимфеток и одиноких, мечтающих о встрече с «положительным» иностранцем студенток платных вузов – тех, что, разумеется, не смотрят «Рабыню Изауру» («фи, какой примитив!»), но фанатеют от «Секса в большом городе». Не стоит искать тут каких-то глубоких мыслей или выстраданных откровений. Ведь все это было, есть и будет в мыльных операх, которые, надо думать, Верочка смотрит чаще, чем читает книги», – написал о Полозковой Игорь Панин. «На наших глазах Полозкова проживает необходимый опыт – ей будет потом стыдно многих нынешних интервью и особенно записей, в которых она неумело и пылко защищается. Ей еще предстоит нарастить слоновью шкуру, без которой, как учил Бродский Лимонова, литература не делается. Но этот опыт ей поможет, и, если у нее хватит сил, мы получим поэта первоклассного, составляющего гордость отечественной литературы. От нас сейчас зависит этого поэта не засиропить и не заулюлюкать, честно и прямо говоря ему, где он прав, а где заигрывается в давно наскучившие игры», – написал о Полозковой Дмитрий Быков. Кто прав – поэт и публицист Панин или русский писатель, создатель проекта «Поэт и гражданин» Быков – рассудит время. Только вот что хочется добавить. С 2008 года Полозкова играет в спектаклях («Общество анонимных художников» в театре имени Бойса, «Стихи о любви» на сцене пермского Театра нового времени

«Сцена-Молот»), снимается в клипах. Последняя книга Веры Полозковой – переиздание книги 2008 года с тем же названием, только издатель поменялся. Как сказано у классика: «Александр Македонский герой, но зачем же стулья ломать?..».

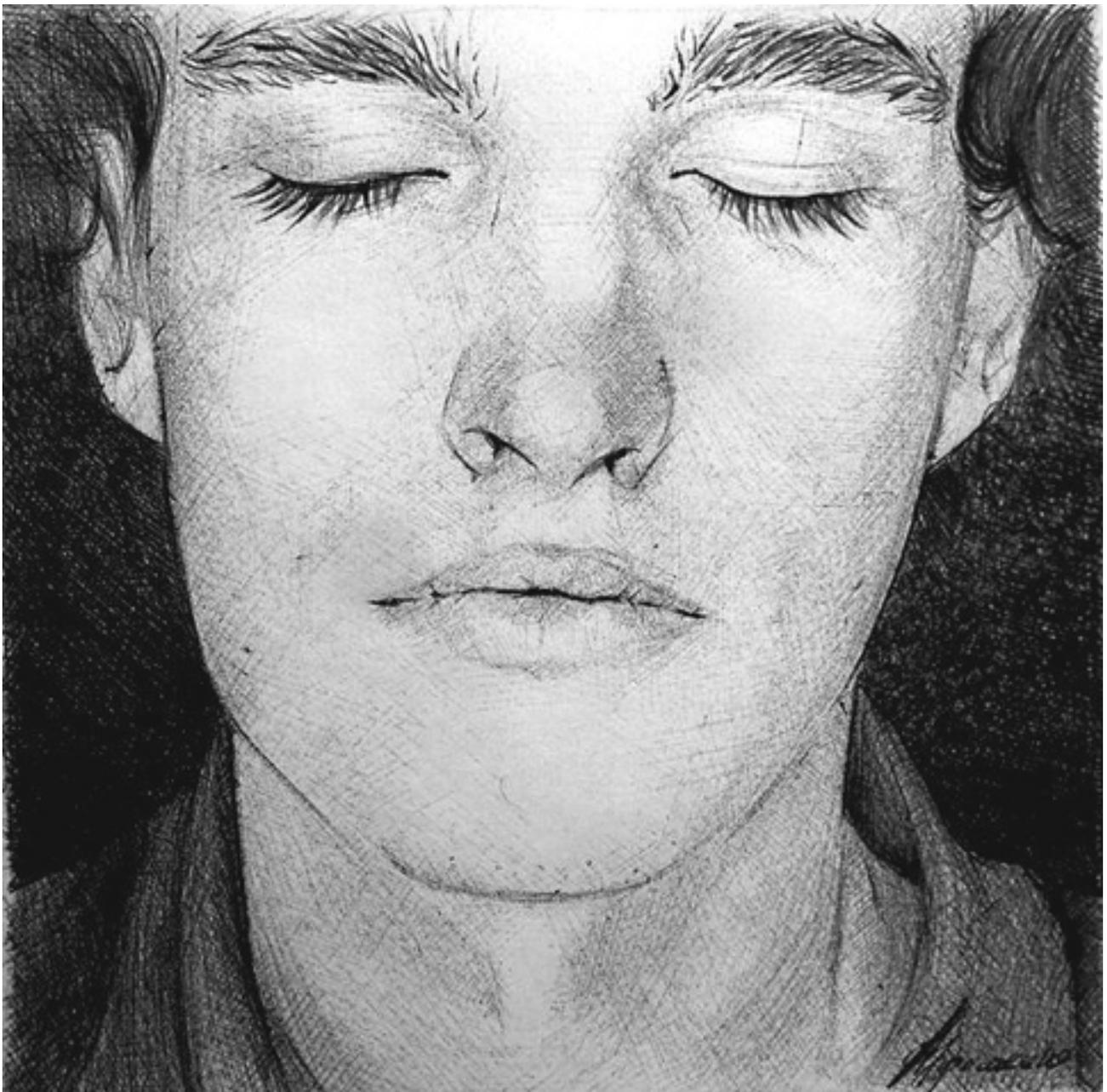
ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО

Александр АВРАМЕНКО

25 лет,
Днепропетровск

«МЕЖДУ МНОЙ И ТОБОЙ – ТИШИНА...»

Тишина. Бумага, шариковая ручка.

Ася ВАРЛАМОВА

26 лет,
работник киностудии,
Санкт-Петербург

ЧЕТВЕРО В ЭЛЕКТРИЧКЕ, НЕ СЧИТАЯ ФАНАТОВ

Путевые заметки

Фарфоровская

Первая электричка из Питера отправлялась в половине седьмого утра до «никому-неизвестной» станции, а вовсе не в столицу. Оттуда в сторону Москвы шла следующая и еще одна. Три пересадки с одной электрички на другую в течение дня – и ву-а-ля: ты на месте! Ехать «собаками» – кажется, так назывался этот способ передвижения. И какой в этом кайф? – спросите вы. А я отвечу: во-первых, у каждого человека хотя бы раз в жизни должна быть такая экстремальная поездка, и лучше, чтобы в ней было поменьше комфорта и побольше сложностей, а, во-вторых, можно не платить, убегая по вагонам от контролеров. И еще. Лучше бы повернуть такое дело до совершеннолетия. Закаляет!

Каждой из нас четверых – то ли к счастью, то ли к сожалению – уже исполнилось восемнадцать, а Наташе так и вообще уже лет десять как. Несмотря на свое хрупкое тельце, короткую прическу и огромный рюкзак за спиной, какие обычно носят подростки, она все равно держалась на все свои двадцать восемь.

Утренний путь – не больше двух километров – лежал от нашего общежития до маленькой станции. Мы вышли, когда на улице еще не было людей. Медленно светало. На станции было безлюдно. Слышались

звуки города, сигналы проезжающих вдалеке поездов, пела какая-то птица. Воздух был свежий, немного морозный, но уже не зимний. Нашей электрички на путях не было, но я уже видела ее огни.

Мы подняли с перрона свои тяжелые рюкзаки, перекинули их через спины и быстро погрузились. На весь вагон было только трое молодых людей. Я запомнила их имена. Их звали Паша, Игорь и Михаил. Мы сыграли в слова, их компания проиграла. В такую рань они уже успели выпить или, быть может, пили с вечера и не успели проспать.

Паша и его друзья оказались футбольными фанатами. Они сказали, что ничем не хотят заниматься в жизни, кроме своего «верного и честного дела». Им нравится «на собаках» ездить из города в город, болеть за свою команду, драться с фанатами других сборных, залечивать раны, полученные в драке, лечить теплым пивом сорванные во время игры связки и тренироваться перед каждой игрой: разогреваться, пробегать несколько километров, отжиматься, приседать, подтягиваться и целый день (страшно подумать!) не курить. Они знали – впереди ответственный момент: драка после игры! Этим они и жили уже не первый год.

Я смотрела на них, и мне казалось, что они потерялись на каком-то отрезке свое-

го пути. Наверное, им забыли рассказать, что достигать совершенства, уверенности и уважения можно другими способами. Не обязательно отдавать для этого свою единственную драгоценную жизнь под кулаки разъяренным фанатам – таким же потерянными, в общем-то, как и они сами. Если бы это было только хобби! Нет, люди кладут на это жизнь, дышат этим и другого мира знать не знают и знать не хотят. Они подсажены на адреналин как на героин. Правда, когда ты сталкиваешься с ними лицом к лицу, как сейчас, они оказываются спокойными, тихими парнями с проблемами и комплексами и при этом бывают даже очаровательными и застенчивыми. В этот момент начинаешь думать про их матерей. Неужели они так не любили своих мальчиков, что парни стали заниматься этим бессмысленным, никуда не ведущим дерьмом?..

В общем, Паша рассказывал про тренировки и про то, как толпа в сорок человек идет на такую же толпу. Это называется «стенка на стенку». И как они дубасят друг друга по всему, до чего может дотянуться кулак. Знаете, с таким восторгом нормальный человек мог бы рассказывать сюжет какого-нибудь блокбастера.

Я вспомнила эпизод из детства. Мне тогда было не больше шести. С нашей горки одной кучей спускалось человек двадцать взрослых мужчин. Они молотили друг друга и при этом кричали, рвали друг на друге одежду и не могли остановиться. Этот снежный ком, спускаясь все ниже, становился больше и больше. Мы с братом ушли домой, чтобы не попасть им под горячую руку. А через некоторое время в дверь постучали. Папа открыл и увидел на пороге мужчину. Мужчина был избит в кровь и еле стоял на ногах. Папа отвел его в ванную и дал ему чистую рубашку. Словом, драки я ненавижу.

Да, чуть не забыла объяснить, зачем мы встали в такую рань и поехали в Москву и что мы вообще в этой самой Москве забыли. Дина, Наташа и я – будущие режиссеры. Наши учебные короткометражки взяли в конкурсную программу фестиваля студенческого кино «Святая Анна». Не такое уж значительное событие, как кажется, зато всем участникам фестиваля обещали дать мастер-классы всякие именитые мастера. Когда Наташа узнала, что на фестиваль приедет сам Тонино Гуэрра, она, не задумываясь, начала собирать вещи:

– Не знаю, как вы, а я поеду.

– Я тоже, – сказала Дина – ее подруга и соседка по комнате.

– Ну, если вы едете, и я поеду, – решила я. – К тому же, мне есть где жить. И позову с собой Аню.

Так нас стало четверо.

Что бы мы там ни думали, но в первой же электричке пришлось заплатить по двадцать рублей за проезд. От контролеров убежать не получилось – упустили момент. Спать не хотелось. Хотелось впечатлений, смотреть за окном, вдохновляться дорогой, знакомиться. И еще хотелось есть. Я достала тетрадь и начала записывать все, что с нами происходит. Путевые заметки или что-то вроде того.

Малая Вишера

Чтобы пересесть на другую электричку, пришлось перелезть через бетонный забор – очень популярное место. Все пассажиры нашей электрички, следующие до Москвы, перелезали вместе с нами: и Паша со своими друзьями, и еще много молодежи. Все ехали в Москву. И все – «на собаках».

Следующая электричка оказалась не комфортнее первой. Те же скамейки, те же грязные окна, так же пахнет солеными огурцами, а в углу сидит компания пьяных ребят. Куда столько подростков направляется на электричке ранним утром? Может, и они фанаты футбола?

Наташа и Дина побежали на станцию, а мы с Аней сели возле окна, поставили рядом свои рюкзаки и ненадолго закрыли глаза. Начиналось самое интересное, но мы еще не знали об этом и просто хотели спать...

Ребята – человек двенадцать – выглядели, как сорванцы из книжки про Гекльберри Финна. Некоторые едва на ногах держались, но упорно лезли в электричку и занимали места возле окон, как будто, едва электричка тронется, они сразу уставятся на природу за окном. Черта с два! Они разлягутся на скамейках, заняв половину вагона, достанут из внутренних карманов бутылки с портвейном и будут пить до следующей пересадки.

Выглядели они ужасно. Аня предложила перейти в другой вагон, когда я заметила одного губастого парня. Он был младше остальных – гладко выбрит, в темных узких джинсах с красными нашлепками.

– Подожди, – говорю я ей, а сама всматриваюсь в Губастого, пытаюсь понять, что же меня в нем так привлекло, – они сейчас успокоятся.

Аня держит меня за руку, сжимает ладошку. Я смотрю на парня и думаю: как этот симпатичный мальчик с большими глазами сюда попал? Видно, что он тот еще добрячок, нет в нем пока еще этой изломанности в лице, в жестах. Как его занесло в компанию взрослых пьяниц, отчаявшихся сделать в жизни что-то решительно качественное? Хотя прожигают они жизнь, видимо, не зря – футбольные клубы, бизнес-корпорации

ими весьма довольны!

Еще одного я запомнила сразу: челка, зачесанная на бок, как у Гитлера, рваная синяя куртка и подтяжки. Сел, пока другие выбирали скамейки, уставился в окно и машинально начал бить себя по коленке сложенной ладонью. Так стучат музыканты, когда слушают плеер, – музыке в такт. Только вот наушников у него не было, а были только электричка, пьяные друзья, две девочки у соседнего окна (мы) и старушка в конце вагона.

Дина и Наташа вернулись, когда электричка начала отъезжать:

– Ух! Скорость не мой конек, – Дина тяжело дышала. Наверняка бежала.

Мы засмеялись. На смех обернулись несколько ребят. Они сидели на одной скамейке и смотрели фотографии на каком-то дешевом фотике. Наверное, отняли у кого-нибудь. Ребята с бандитскими рожами не произвели никакого впечатления ни на Дину, ни на Наташу. Они даже подумать не могли о том, что можно перейти в другой вагон.

Дина достала из рюкзака большую пластиковую коробку. Хлеб, свежие огурцы, в термосах – компот и кофе. Тем, кто никогда не ел в электричке, могу смело сказать: вы упустили свой праздник живота! Не знаю, почему, но в дороге, как и на природе, еда всегда кажется вкуснее. Мы откусывали кусок за куском от целой краюшки хлеба и запивали вишневым компотом. Котлеты на весь вагон пахли жареным луком.

Пока мы ели, мальчишки повесили на окно стяг Георгия Победоносца, достали, как я и думала, бутылку портвейна и пустили ее по кругу. Я едва выхватывала отдельные фразы, доносившиеся с их стороны. Действительно, они были футбольными фанатами и ехали на матч, как и наши предыдущие соседи по вагону – Паша и его друзья. Вряд ли эти тренировались. На них была грязная, рваная одежда, из-под которой торчали белые колени, пивные животы и руки, не знающие, что такое турник.

В этой компании был малыш, которого все называли Жека. Может быть, классе в девятом учится. У него одного была чистая куртка. Наверное, как самого младшего, его не брали на драки. «Пусть подрастет, – считали, – тогда и покажем, кто тут главный и чем нужно заниматься после уроков». Тем временем Жека, похоже, уже понял, что после уроков домой приходить не надо и уж, тем более, не надо выполнять домашние задания. После школы нужно быстро закинуть рюкзак в коридор и, хлопнув дверью, бежать во двор, где в каморке уже собралась братва и слышно, как разливают пиво. Может быть, к вечеру они выберутся на улицы города,

что-нибудь у кого-нибудь отберут, заломив руки, выучат еще одну кричалку для игры и снова напьются. Эти ребята точно знают, как надо жить, чтобы не чувствовать скуки и тоски. Жека так и делал.

– Ну, ты, блин, даешь! – Жека хлопнул по плечу смазливому парню. Тот выпил залпом четверть бутылки портвейна и жадно глотал воздух. – Мне бы оставил!

– Чего? – Смазливый дал Жеке по уху. – Мал еще пить, – засмеялся и протянул ему вторую. – Ладно, пей!

Жека долго не думал, запрокинул бутылку и начал пить. Пил он небольшими глотками. Боялся, видно, перестараться. Когда ты младше всех в компании, все время приходится тратить силы на поддержание своего авторитета. Нельзя поддаваться на провокации, нельзя быть слабее других и уж, тем более, отказываться от выпивки нельзя. Сочтут за лоха.

Как только Жека оторвал бутылку от губ, его схватили двое здоровенных парней, тоже изрядно выпивших, и закинули на полку, куда обычно ставят чемоданы. Жека кричал и даже немножко сопротивлялся, но на полку лег и даже заснул. Гул поутих. Все успокоились.

– Неужели вы думаете, что эти ребята едут драться за свою команду? – Аня была в недоумении. – С такой физической подготовкой их перещелкают, как орешки. Разве нет?

– Думаю, да, – отвечаю я, – если другие фанаты футбола такие, как наш предыдущий сосед Паша – спортивный и все такое. Возможно, большинство фанатов именно так и выглядит. Чем им заниматься в дороге? Конечно, пить...

– И драться, – Дина показала на ребят.

Мы подняли головы и увидели, как двое парней стоят в проходе друг напротив друга, а другие внимательно смотрят на них. Самый высокий достал из кармана фотоаппарат и нажал на кнопку:

– Раз. Два. Три. Начали!

Мы сначала не поняли, почему все так оживилось, как вдруг один парень заехал со всего размаху второму по уху! Все оживилось, начали кричать:

– Еще! Давай!

Второй размахнулся и изо всех сил ударил первого по животу. Самое странное, что первый даже не сопротивлялся. Он как будто рад был тому, что ему врезали. Пока шла драка, Высокий стоял на скамейке и снимал все на фото. Ребята смеялись и подбадривали этих сумасшедших. Должно быть, они все сумасшедшие, раз идут на такое: свой бьет своего. Драка закончилась, как только у первого пацана пошла из носа кровь.

Двое «драчунов» тут же уселись рядом и

обняли друг друга за плечи, как будто ничего и не было. Высокий подсел к ним, остальные облепили его и склонились над фотоаппаратом, комментируя каждый удар и выкрикивая футбольные лозунги. Из лозунгов я узнала: «мясо» – это «Спартак» («красно-белые свиньи»), «кони» – ЦСКА. А самые крутые – это, конечно, «Зенит».

Девчонки после этой драки захотели перейти в другой вагон. И мы ушли бы, пересели и спокойно поехали дальше, но я была против. Я стала выделять среди мальчишек личности. Для меня это уже была не просто толпа хулиганистых подростков. Уходить было в самом деле грех. Наблюдать за ними стало для меня удовольствием. Я такого в своей жизни еще не видела.

Когда все успокоились, к нам подседа девчонка. Сначала она сидела одна, но после драки подседа к нам. Должно быть, решила, что ехать в электричке одной небезопасно. Яркие рыжие волосы, курносый нос, меховая куртка и маленькая сумочка, как у хиппи. На вид не больше восемнадцати.

– Привет! Я Ксюша.

– Привет! – первой отвечает Аня. Аня всегда быстро откликается на новые знакомства. Она умеет дружить да и просто расположить к себе человека тоже умеет. Если бы вы провели с ней весь день, к вечеру у вас не осталось бы от нее ни одного секрета. Редкий дар, вообще-то.

– Аня. А это – Ася, Наташа и Дина.

– Привет, – говорим, – садись.

Наташа и Дина сдвигают рюкзаки к окну, достают термос и предлагают новенькой чай. Я вижу, что пацаны наблюдают за нами. Теперь мы стали объектом их внимания. Четыре человека немного, а вот пять – уже толпа. Пятеро молоденьких девушек.

– Мне одна нравится, – доносится голос из толпы мальчишек. – Как к ней подкатить?

Я смотрю на него, он смотрит на Ксюшу – новенькую.

– Иди, поздоровайся, – толкает его в плечо Высокий.

– Не, ну а че я скажу-то? – он сопротивляется.

На моем лице появляется улыбка, я прячу глаза, как будто ничего не слышу, и смотрю на Ксюшу, на ее румяные щеки. Может, тоже слышала?

– Да иди уже! Просто подойдешь и скажешь че-нить, давай! – Высокий продолжает уговаривать. Высокий тоже хочет познакомиться, только самому страшно первому, поэтому лучше послать друга.

Мальчишки такие ранимые. Только что дрались, как звери. Кровь, рваные футболки и мат на весь вагон – герои своей толпы. Но подойти к безоружным девчонкам, пьющим

компот из термоса и не таким уж красавицам, они не в силах. Мальчишки вообще чаще боятся красивых женщин, реже – студенток с невымытыми головами. Такие они, мальчишки.

– Здравствуйте! – Да, он это сделал! – Как, че ваще? Мадмуазель! – он стоял над нами и старался держаться ровно.

– Привет! – Ксюша улыбнулась.

– Чем занимаетесь? – самый неуместный вопрос для знакомства в электричке. Но он, видно, так волновался, что ничего более умного в голову не пришло.

Ксюша молчит, и мы молчим. Я понимаю, что он пришел познакомиться с той, которая ему понравилась, – с Ксюшей. Ксюша тоже понимает, что он обращается больше к ней, чем к нам, но продолжает молчать. Все мальчишки смотрят в нашу сторону. Это лучшее развлечение, которое они могли устроить себе в электричке. Такой адреналин, что и драк не надо! Я смотрю перед собой и все равно вижу, как на нас смотрят не меньше двадцати глаз одновременно.

– Я ваще познакомиться тут пришел... ну, это... как бы... – Он начал заикаться. А, может, и до этого заикался, просто мы не слышали.

– Да ничем, – прервала наше молчание Наташа. Наташе с ее характером все это было настолько неприятно, что она была готова буквально загрызть этого мальчишку, который нарушил наше уединение.

– Что вы злитесь, мадмуазель? – Он сел рядом с Ксюшей. Места на скамейке почти не было, но его тощей заднице хватило.

– Вы в школе учитесь?

Уж не знаю, почему он так решил. Может быть, ориентировался на Ксюшу. У нее действительно было лицо школьницы, ученицы десятого класса. Я хотела вставить веское слово, сказать, что мы уже закончили школу и теперь учимся в университете, но Дина опередила меня и только кивнула:

– Да, мы учимся в одном классе.

Это была первая живая реакция на его слова.

– Фууу, – донеслось из толпы, – педофил! Вали от них!

– Эй, чего врете!? – откуда-то сверху донесся голос. Это был Жека, которого закинули на верхнюю полку. Он все это время наблюдал за нами и за своими. Часовой. Он спрыгнул на пол и подошел поближе. – Вы врете! Я учусь в девятом классе, а вы уже бабушки.

Лучше бы он этого не говорил! На бабушек мы точно не походили, так что это было почти оскорбление. Заика почувствовал нашу обиду и принялся за объяснения.

– Это наш дурачок, – он дал Жеке подзатыльник. – Женей зовут.

– Ага, – сказала Ксюша, – понятно. Ты

еще про всю свою семью расскажи.

Вот уж не думала, что она может так уколоть. Парень ничего обидного не сказал и честно признался, что пришел знакомиться. А девчонки насупились, закрылись и разговаривать не хотели.

В какой-то момент мне вдруг захотелось дерзкого продолжения всей этой истории. Я как будто отделилась от девчонок, от электрички, от поездки и стала сторонним наблюдателем. Что будет дальше? Как все обернется? Доедем ли мы до Москвы или застрянем где-то? Может, нас побьют или пригласят с собой на матч, может, кто-то из нас возьмет и влюбится в одного из мальчишек и уже не сможет расстаться с ним. Или мы останемся в неизвестном пригороде Москвы. Может, будет погоня, и мы потеряем свои рюкзаки. Может, эти ребята захотят угостить нас портвейном, а мы почему-то не откажемся. В общем, мне было интересно. Принимаю позицию невмешательства. «Будь что будет», – говорю про себя, достаю блокнот и продолжаю записывать.

Трудно, но разговор продолжался. Жека тоже сел на скамью рядом, остальные пересели чуть ближе, перешептывались и подслушивали. Мальчишкам было интересно. Мне тоже.

Заику зовут Олег. Он не в первый раз едет в Москву, чтобы побить фанатов «Спартака» или ЦСКА, – не важно. Если ты не за «Зенит», ты – враг. А побить врага – милое дело. Святое даже!

Оказалось, что Ксюша занимается фигурным катанием, живет в Москве, а в Питер ездила к друзьям – таким же хиппи, как она сама. Она, может быть, и не откажется от косячка, но ни за что не станет встречаться с футбольным фанатом.

– А че тут такого? – Олег возмутился. – Мы какие-то кривые, что ли?

– Нет, – Ксюша была спокойна, – просто вы часто деретесь и много пьете. Это не для меня.

– Ясно, мадмуазель. – Олег вдруг решил, что шансов у него нет, поэтому быстро сдался. – Ладно, я курить. – Он встал и пошел в тамбур. Тут же на его место сел Жека:

– А я его заменю. – Жека улыбался. Ему было с нами проще, чем остальным. Он понимал, что слишком мал и вот у него-то шансов точно нет, поэтому совсем не волновался и в разговоре был открыт и честен. – Вы как к футболу относитесь?

– Ну, не так, чтобы очень, – говорит Дина.

– Да, – Жека кивает, как будто разделяет наше равнодушие. – У них у всех хронические болезни, поэтому мы тоже не очень.

– В смысле? – я записываю это в блокнот, перечитываю и не понимаю, про какие бо-

лезни он говорит.

– Ну... – он осекается. – У всех футболистов хронические болезни. Лучше быть фанатом, чем играть в футбол. Правильно? – он поворачивается к пацанам. Те улыбаются, смотрят на нас.

– Хотите, я вас с девчонками познакомлю?

Жека делает щедрый жест рукой, указывая на нас, как будто мы его личные девочки.

– Ты че там? Влюбился, что ли? – Парни стесняются, улыбаются, но от предложения отказываться не хотят.

– А что, я понравиться не могу, что ли?

Парни смеются. Насколько человек может поменяться в отношениях! Только что была безликая масса подростков, не знающих страха и боли. И вдруг перед нами – люди с теплыми глазами, стеснительными улыбками, готовые покраснеть от слов «любовь» или «симпатия».

Жека поворачивается к нам: – Это мои хлопцы, – показывает он на ребят. Мы уже растаяли от его простоты. Познакомиться? Да запросто!

Наверное, было бы неправильно сказать, что эти парни были дураками. В массе – да, но по одному это были личности. Вот, например, у Андрея, парня в тостых очках, дома жила белка. Но весной она убежала в лес. Этот здоровенный верзила, бьющий себе подобных только потому, что у них другие убеждения, готов был расплакаться у нас на глазах, потому что вспомнил, что у него была когда-то белка, а теперь ее нет.

У Вши есть младший брат, за которого он готов оторвать голову любому обидчику. На районе все знают, что младшего Вшу лучше не трогать. Зато самого Вшу могут побить старшики из другого подъезда, поэтому он всегда осторожен, если поздно возвращается домой. Было пару раз, когда его затаскивали в подъезд и избивали до полусмерти. Так он решил, что будет с теми, кто сможет за него постоять – например, с фанатами, не знающими страха в драке.

Верзила – высоченный парень с голубыми глазами. Раньше он занимался плаванием и даже побеждал на каких-то там соревнованиях, но после травмы ему пришлось бросить спорт. Его пытались усадить за теорию.

– Да кому эта теория нужна? Врубаются? – кричал он. Сразу было видно, как ему обидно: и за травму, и за сам спорт, в котором он не может больше участвовать. – Засуньте в жопу эту свою теорию! Мне что, после этого учителем физры быть? Да пошли они с этой физрой!

С его темпераментом он бы мог многого добиться в спорте. Жалко, что травма привела его к фанатам, где кроме драки, пьянок

и дурного адреналина ничего нет. Даже девушкой не обзаведешься приличной. Разве будет хорошая девушка встречаться с пьяницей, который мотается из города в город ради драк? Очень сомневаюсь.

Они подсаживались к нам по очереди, как будто мы были новоиспеченными психологами, дающими консультации в дороге. А здорово было бы иметь такого профессионала – дорожного психолога. Вот едешь ты куда-нибудь, сел в поезд, нашел дорожного психолога и рассказал ему все про себя. И у психолога работа, и тебе, глядишь, полегчало. Может быть, я бы даже поработала таким психологом. Столько историй в кармане, столько переживаний за человека. Что еще нужно?

Хорошо бы вот так ехать и болтать, но мальчишки всегда остаются мальчишками. Они, наверное, устали быть тихими и начали прыгать в вагоне, толкать друг друга и орать неприличные лозунги. Это называется «живой слэм»:

Сын уехал на футбол,
Мать глотает валидол!

Кричали они что-то вроде этого между куплетами песни «Ах, Самара-городок». Не знаю, как девчонкам, а мне их выступление понравилось. Я такого еще не видела, поэтому решила, что похлопать в ладоши в знак одобрения будет нелишним.

В этот момент электричка остановилась на пригородной станции. В вагон зашли люди, но дальше тамбура проходить не стали. Они с ужасом смотрели на происходящее, а двое молодых парней с большими рюкзаками встали напротив двери и сделали несколько снимков. Наверняка потом выложат Вконтакте и напридумывают всяких ужасов про то, как страшно ездить в электричке, как много драк и, наверняка, убийств происходит здесь: «Ни за что, ни за какие деньги не садитесь в электричку от Питера до Москвы!».

Из конца вагона донеслись крики. Пожилая женщина попросила не ругаться при ней матом и не кричать: она немолода, и ей сложно переносить дорогу.

Знаете, как бывает в фильмах, когда один человек встает против толпы? Его давят – интеллектом, силой, энергией, да чем угодно, но его обязательно подавляют. И я уже представила, как кто-то из парней подходит к этой старушке, хватает ее...

Но, видно, я все еще продолжала слишком плохо о них думать.

Олег первый сказал:

– Извините, бабушка.

Остальные поддержали. Вот так просто. Их нетрезвые голоса кое на что еще могли согдиться, например, сказать «извини-

те» – простое, теплое, честное даже. Они, и правда, извинились и расселись по местам, будто ничего и не было. Устали. Кое-кто лег на скамью и быстро заснул, кто-то положил голову на плечо соседу, словно маленький, а кто-то продолжал тихо-тихо, почти шепотом выкрикивать лозунги. Так тихо, чтобы никто, кроме своих, не мог расслышать.

Бабушка смотрела в окно, я смотрела на бабушку.

Бологое

Еще одна остановка. Мы выходим из вагона. На улице день. Мокро и слякотно. Появилось солнце – снег начал таять. В Питере не так уж много солнца, поэтому здесь, где никто друг друга не знал, где на скамейках сидели пьяницы и глотали что-то спирто-содержащее из пластиковых бутылок, где лица людей походило на одинаковые маски из пластилина, солнце было увидеть в тысячу раз приятнее.

До следующей электрички оставалось ждать сорок минут. За это время мы решили перекусить и выпить горячего чая. Хорошо, что на станциях всегда есть ларьки, где продают горячий чай в стаканчиках. Там же можно купить беляш, пирожок с картошкой, что-нибудь сладкое.

Наташа с Диной заказали сосиски в тесте, а мы с Аней – по пирожку. Пока мы пили чай, я всматривалась в лица прохожих. Вдруг среди них я увижу кого-то из тех парней? Не хотелось, чтобы они затерялись в суматохе. За это время они стали для меня чем-то особенным, дорогим. Без них, подумала я, будет страшная скукота ехать дальше: не на кого смотреть, не за кем писать и не для кого прихорашиваться. Для Наташи и Дины их компания была слишком опасной. А по мне – самое то для безумной поездки из Питера в Москву!

Но на станции я их не встретила. Может быть, их забрала милиция, или они решили поехать в другой электричке, или кто-то подрался и они остались на разборки? Я могла думать что угодно – только мне страшно хотелось их снова увидеть, снова ехать с ними в одном вагоне, записывать их лозунги, болтать о всякой чепухе и наблюдать, как они сладко засыпают, кутаясь в свои грязные куртки.

В вагон сели еще человек десять – все взрослые, серьезные, спокойные, прилично одетые люди с большими сумками и пакетами. Наверное, они ехали не в Москву, а в Тверь. Для Москвы они были одеты слишком просто. Так могла одеться какая-нибудь бабушка, собираясь на неделю на огород.

Когда вагон тронулся, я смотрела в окно на станцию, пока не кончился асфальт и не

началось заросшее поле. Вдруг мальчишки остались на перроне? Но их там не было. На перроне вообще никого не было. Все, кто хотел ехать, расселись по местам и тронулись вместе с нами.

Наташа, Дина, Аня спокойно уселись, достали игральные карты (вот уж чего я не люблю) и бутерброды. Ксюша просто села на скамейку рядом и спросила:

– Парни потерялись?

Вот кто тоже думал про ребят! Наверное, ей понравился Олег. Не красавчик, но страшно обаятельный и добрый. К тому же, проявил внимание, а девушке это всегда приятно.

– Потерялись, – говорю.

– Должны были сесть. – Ксюша была на этот счет спокойна. – У них игра, они ее ни за что не пропустят. Не в первый раз едут, знают, что делают.

– Надеюсь, – говорю, а сама делаю вид, что мне вообще-то все равно. Конспирируюсь. Никто не должен знать о моих чувствах. Никто не должен догадаться, как мне важно их присутствие. Не то чтобы я всегда скрываю правду, просто когда дело касается другого пола – тут я могила. Никому. Ничего. Никогда.

Электричка еле тащилась. Понятно, почему до Москвы «на собаках» ехать целый день – с утра до позднего вечера, а на поезде всего часов шесть. Наша электричка останавливалась у каждого столба и, не успев разогнаться, снова въезжала на станцию.

За окном я увидела крошечных деревянных собак – они были посажены на забор вдоль дороги. Мы ехали медленно, и можно было разглядеть, с каким старанием кто-то вырезал, раскрашивал краской и прикреплял к забору их мордочки. Все они были разных пород – вот сенбернар, а это лайка, а это колли, похожая на нашу соседскую Саманту. Они гордо держали свои головы и смотрели на людей в электричке. Я помахала им рукой.

– Еще немного, и я засну, – говорю вслух, чтобы отвлечь девчонок от игровых карт.

– Ешь бутерброды, – говорит Дина и pokrывает семерку пик.

– Не хочу бутербродов, хочу проветриться, прогуляться по вагонам. Нет? – говорю и надеюсь, что им понравится моя идея. Может, так мы встретим наших ребят. Мне бы на них хотя бы одним глазком посмотреть, хотя бы знать, что они едут вместе с нами, а не остались на станции куковать.

– Ну, уж нет, – сказала Наташа твердо. – Я буду здесь есть бутерброды, играть в карты и ждать нашей остановки. Никуда я не собираюсь.

– Ладно, – быстро согласилась я.

В эту минуту в вагон влетели люди – молодые и не очень, мужчины и женщины, подростки и молодежь. Они промчались мимо, как ураган. Сидевшая рядом с нами пожилая женщина сказала, видя наше удивление:

– Контролеры идут, а люди от них бегают.

Мои глаза загорелись. Ух ты! Вот она – возможность пробежаться по всем вагонам. И даже придумывать ничего не надо – просто бежать от контролеров!

– Бежим, – говорю, а сама уже хватаю свой рюкзак. – Бежим от них со всеми вместе! – Ни Дина, ни Наташа даже с места не двинулись, зато Аня и Ксюша быстро согласились. Мы схватили рюкзаки, договорились встретиться на этом же месте через пятнадцать минут, когда все успокоится, и побежали. Контролеры уже входили в наш вагон. Если вы думаете, что я видела в этот момент лица Наташи или Дины, вы ошибаетесь. В этот момент я уже бежала по вагонам, открывая двери, закрывая двери, хлопая ими, и снова открывая, и снова хлопая!

– Билетики предъявляем, – летел нам вдогонку женский голос.

И вот мы уже неслись через третий от контролеров вагон и смеялись, догоняя первых беглецов – большую веселую компанию. Я смотрела на тех, кто сидел по вагонам. Это были старики, женщины и мужчины в возрасте с сумками или детьми – те, кто как честные граждане купили билеты до места назначения. Им нечего было бояться, они по полному праву ехали в гости или домой.

Система перебежания очень проста, но подходит только быстрым и рискованным, потому что есть опасность остаться на неизвестной станции, куда следующая электричка может прийти через час, а то и два.

Ты бежишь от контролеров до последнего вагона. А в последнем вагоне ждешь, когда контролеры покажутся в предпоследнем. Как только они показались, ты должен покинуть вагон, а поэтому ждешь остановку: скорее, скорее... Контролеры приближаются, а остановки все нет. Контролеры совсем близко, а электричка и не думает останавливаться! Контролеры уже подходят и видят толпу людей у последней двери электрички – это зайцы, которых можно штрафануть. И контролеры ускоряются. Контролеры ускоряются, а электричка замедляет ход. Черт! Будет остановка или нет? И вот когда контролеры в двух метрах от тебя и им остается только протянуть руку, вагон, наконец, останавливается, и двери открываются. У тебя есть ровно десять секунд, чтобы успеть перебежать по перрону в третий вагон с конца! Ровно десять секунд! Ты не один, ты бежишь с такими же пятнадцатью, двадцатью людьми. Все бегут, и ты бежишь. Вы подгоняете

другу друга, а тот, кто прибежал первым, держит дверь, чтобы последний добравшийся не прищемил руку или ногу. И вот, слава Богу, все забежали. Самые быстрые бегут дальше, до четвертого с конца вагона, а некоторые «спортсмены» – и до пятого. Но обычно все вбегают в ближайшую дверь и переводят дух. Ты на месте, ты снова едешь, ты не опоздал. И ты обхитрил контролеров!

Все дело в том, что у контролеров есть закон – они никогда не ходят в обратную сторону. Если они прошли с начала электрички в конец, проверили все билеты, то обратно они уже ни за что не пойдут. Конечно, они видели, как толпа перебегает из вагона в вагон, и, конечно, этих людей можно оштрафовать, но есть закон, запрещающий им возвращаться обратно. И вот этот закон я люблю! Поэтому контролеры смиренно стоят у последней двери, ждут остановки и спокойно выходят, зная, что кое-кто их все-таки перехитрил.

Мы в таком запале убегали от контролеров, что не заметили наших фанатов. Они сидели в предпоследнем вагоне. Возвращаясь обратно, я увидела сначала Олега, рядом с ним сидел Антон Чикаго, который все время молчал, но я его запомнила по огромной нашивке «Chicago» на плече. Он был гладко выбрит, и только маленькие подростковые усики выдавали цвет его волос – черный. У окна сидел пухлогубый красавчик, дальше – Губа, Квадрат и Добрячок. Это я дала им клички по тому, кто с чем ассоциировался.

Моей радости не было предела, когда я увидела знакомые лица. Во мне будто что-то перевернулось. Это было похоже на то, как ты в незнакомом городе встречаешь одноклассника, которого не видел пять лет. Он повзрослел, изменился, и говорить тебе с ним, в общем-то, не о чем, но прошлое вас связывает, и ты узнаешь его среди тысячи незнакомых лиц, и ты счастлив, ты рад.

И все было бы как нельзя кстати, мы бы остановились, протянули друг другу руки, может быть, если бы не увидели, что рядом с нашими мальчиками сидят три девчонки. Одна блондинка, вторая брюнетка, а третья... Нет, не рыжая, просто блеклая какая-то. Совсем не красавицы, но парни их так облепили, будто большей красоты в жизни не встречали. Спрашивали у них что-то, те улыбались.

Черт подери! Какой удар в спину! Вот ждешь, ждешь момента, надеешься на что-то, пусть просто на человеческое общение, а тут раз – и нет ничего! Неужели вы думаете, что после такого я могла подойти к ним? Да, конечно, могла бы. Но не в этот раз. Слишком сильной была обида.

– Вот так новости, да? – Ксюша поверну-

лась к нам лицом. – Вы видели этих?.. Я даже представить не могла, что эти уродины могут им нравиться.

Ксюша говорила так из ревности. В ней бушевали похожие чувства.

– Да ладно, – говорю. – Черт с ними!

Мы прошли еще один вагон и снова увидели контролеров. Это были другие контролеры, но почему-то никто уже никуда не бежал. Все сидели на своих местах. Нам пришлось вернуться в последний вагон. Мы не знали, будет ли остановка и успеем ли мы выбежать до их прихода. Тогда Ксюша предложила пойти к фанатам из последнего вагона. Тогда, может быть, контролеры обойдут нас стороной, думая, что мы – их подружки.

Мы подсели на скамейку к трем парням с футбольными шарфами и нашивками и даже начали разговор, чтобы больше походило на правду. Эти трое успели рассказать, что тоже едут на игру, что в дороге не пьют и не общаются. Но так как мы «ничего такие», то они, в принципе, не против. Снизосли, знаете ли...

Когда подошли контролеры, мы твердо сказали: билетов у нас нет, платить мы не собираемся, потому что едем на матч с этими парнями. А парни... Парни достали свои билеты, которые купили на станции, и сказали, что видят нас впервые. Пришлось достать свои кошельки и платить по десять рублей. Было неприятно, что пришлось заплатить. И не в деньгах дело! Ведь цель поездки «на собаках» – суметь добраться бесплатно из одного города в другой. В этом вся суть! За деньги любой дурак сможет...

– Ну, вы и козлы! – сказала Ксюша, когда контролеры вышли.

Мы встали и пошли во второй вагон. Решили, что самое время вернуться к Наташе и Дине.

Наши любимые фанаты курили в тамбуре и не упустили случая подколоть нас.

– Надо было с нами оставаться, – Олег смотрел на Ксюшу. – С нами вам платить бы не пришлось.

– Вы всех дамочек так завлекаете? – Ксюша смотрела на Олега.

– Да ладно вам, – Олег понял, что мы ревнуем их к новым подружкам. – Эти кикиморы даже не знают, как меня зовут. Я не стал знакомиться.

В курилке к нам подошли еще двое ребят из любимой компании. Мы отлично пообщались, и они пригласили нас к себе. Но мы отказались. Не знаю, почему. Ведь общение снова наладилось, и видно было, как они нам рады. Но мы не остались.

Наташа и Дина доели бутерброды, допили компот, сложили в коробочку игральные

карты и завязали рюкзаки.

Скоро наша остановка. Последняя пересадка перед Москвой.

Тверь

Знать бы, чем занять себя на станции, где нет ни компьютеров, ни игровых залов, ни залов для отдыха – только туалеты, рюмочные и занятые скамейки. После неоднократных пересадок нам, честно говоря, хотелось поскорее оказаться в Москве. Рюкзаки давили на спины, во рту пересохло.

Вспоминаем друзей, Питер, который стал теперь чем-то далеким, думаем о Москве. Кто встретит, кто куда поедет ночевать, где будем встречаться, чтобы ходить вместе на фестиваль? Будем ли смотреть фильмы и к кому пойдем на мастер-классы?

Из всей нашей компании Аня мне ближе остальных, мы давно дружим, и если уж выбирать, с кем идти в разведку, то я, конечно, выберу ее. Мы с ней смеемся над тем, как обхитрили контролеров. Здорово бы так всегда ездить в разные города – бесплатно. И еще я подумала, что если у тебя хорошая физическая подготовка, ты в отличной форме и едешь налегке, то контролеры вообще не преграда – можно добраться на другой конец света. Аня хохотала надо мной: как быстро я бежала в своей большой коричневой куртке и с огромным рюкзаком – так быстро, что не заметила наших фанатов. Ну и что? Я волновалась! От волнения можно не заметить и корову, стоящую на пути.

Наташа предложила выпить чаю в ларьке и перекусить какими-нибудь пирожками. Да, подумала я, если за эту поездку я не наберу ни грамма веса – это будет совершенная мистика. Говорят, от переживаний женщины могут терять до килограмма веса в сутки, но, видно, это не про меня. Если бы я от переживаний теряла хоть грамм, я бы давно стала балериной.

В общем, ничего необычного мы не придумали. Выпили чаю, съели по пирожку и вышли в город по подземному переходу. До нашей последней электрички было не меньше часа свободного времени.

Город заливало солнцем. Люди, одетые в шапки и шарфы, морщились от яркого света, прикуривали сигареты, доставали бутылки с дешевым алкоголем и, наверное, ждали лета.

Я чувствовала первый весенний ветерок и мечтала. Представила, как было бы здорово оказаться здесь летом: без огромных рюкзаков, без обязательств ехать в Москву, без Наташи, Дины и Ксюши, но с Аней. Гулять по Твери, смотреть в лица людей, улыбаться незнакомым прохожим, взять напрокат велосипед и доехать до какого-нибудь моста.

Наверняка в Твери есть что посмотреть. Да, это маленький город. Скорее всего, большинство его жителей хотят уехать в Москву, или Питер, или просто какой-нибудь другой город. Но у *этого* города была своя история и своя энергетика, с которыми мы так и не познакомились.

На вокзале было много людей. Очередь за билетами стояла до самого выхода, а это не меньше двадцати метров. Хорошо, что мы твердо решили ехать дальше зайцами.

Почему-то после последней нашей встречи с фанатами я о них даже думать не хотела. Конечно, было бы здорово их увидеть, но думать о них – настоящее свинство. Они стали нашими любимыми соседями по вагону, но не смешно ли думать о соседях по вагону тогда, когда ты никуда не едешь. Одним словом, я ненадолго про них забыла, открыла текст и начала готовиться к зачету. У меня остался долг с прошлого семестра, и я решила не откладывать с этим делом, а готовиться в поездке, чтобы по возвращению сдать и забыть как страшный сон. Девчонки навалились друг на друга и заснули. Теперь я одна была сторожем нашего места, рюкзаков и времени.

Час пролетел незаметно. Я читала, а девочки после пятнадцатиминутного сна увлеклись разговорами про знаменитых людей. Наташа вспомнила, как к ней приставал барабанщик Шевчука, а Ксюша рассказала, что так понравилась барабанщику Арбениной, что тот бесплатно провел ее на концерт. Где и как это было – история умалчивает. Только Аня тихонько смеялась – она занималась йогой у Алаи Оли. Это было намного круче.

У выхода к нашей электричке стояли контролеры. Они заранее проверяли наличие у пассажиров билетов, которых у нас, конечно, не было. У входа на перрон мы снова встретили наших фанатов. Не знаю, где они были весь этот битый час: ни на вокзале, ни в переходе, ни у выхода в город их не было. Они стояли возле стены контролеров, как провинившиеся котята, и ждали своей участи – пустят их добрые дяди на электричку или задержат и сдадут в милицию. Парни поздоровались с нами нарочито громко, как будто хотели показать, что вполне адекватны и имеют знакомых среди пассажиров в лице приятных девушек.

– Привет! – Ксюша улыбнулась.

– Заберите нас с собой, – Квадрат успел где-то напиться. – Мы в ловушке!

Ксюша рванула вперед, но ее остановил милиционер:

– А где ваш билетик, девушка?

– Билетик? – Ксюша оторопела. Мы встали рядом, делая вид, что ничего не понимаем.

– Мы купим билеты в электричке у контролеров, – говорю я и тащу Ксюшу за рукав.

– Нет, девочки, так нельзя, – настаивает на своем милиционер. Фанаты смотрят на нас, как будто ждут нашей реакции – победим мы покупать билеты или останемся с ними ждать своей участи.

– Поторопитесь, – говорит милиционер, – у вас пять минут до отхода электрички. Хотите успеть – бегите.

Мы хватаем рюкзаки и что есть сил бежим в здание.

– Черт подери! – кричит Наташа. – И надо же было так вляпаться!

Фанаты кричат что-то вслед, свистят, и этот свист мне точно не нравится.

– Пять билетов до Лазарево, – протягиваю я деньги в кассу.

Мы попросили пропустить нас без очереди. Это не Москва, здесь еще могут выслушать просьбу и даже по-человечески уступить очередь.

– Пять билетов до Лазарево, – повторяет кассир. – Сто пятьдесят рублей.

– Сколько? – неодобрительно восклицаю я.

– А студенческие действуют? – Ксюша протягивает свой билет. – У нас у всех такие.

– Показываем, – спокойно отвечает кассир.

Лезем в рюкзаки, шарим по карманам, теряем время и почти одновременно складываем у окошка свои синие студенческие удостоверения.

– Другое дело, – женщина настолько невозмутима, что у нас лопаются терпение. Она как будто специально не замечает нашего сумасшедшего волнения. – Семьдесят рублей.

– Другое дело, – говорю я, протягивая сотенную бумажку. Получаю сдачу, пять билетов, хватаю рюкзак и бегу за девчонками.

Вот-вот электричка закроет двери, и мы останемся в Твери. Нет, даже представить не могу, что может такое произойти! Наши фанаты все еще стоят возле стены контролеров. Мы добегаем до них, показываем билеты и слышим что-то неодобрительное. Нам плевать, лишь бы успеть запрыгнуть в вагон. Влетаем на всех парах внутрь – успели! Осматриваем друг друга, все ли на месте, и улыбаемся. Электричка начинает шипеть и вот-вот двинется с места. Я думаю о ребятах, которые не смогут добраться до Москвы из-за своего упрямства. Не думаю, что у них не нашлось бы мелочи, чтобы купить билеты. Но дело принципа – ни за какие уговоры и ни при каких обстоятельствах не ездить за деньги. А все-таки было бы здорово снова увидеть их рядом.

Контролеры начинают двигаться к элек-

тричке. Сейчас они войдут и начнут проверять билеты. И действительно, контролеры заходят внутрь, а за ними... наши фанаты. Они быстро забираются в последний вагон, а я проверяю: никого не оставили? В открытую дверь отлично видно весь перрон. Нет, никого не оставили, все успели. Ура! Я радуюсь и ликую.

Странно, что меня вновь одолела радость. Знаете, это похоже на чувство, когда у тебя все дома и ты никого не ждешь. Ты знаешь, что все будет хорошо, что все свои рядом. А если что-то случится, то ты непременно сможешь помочь или просто поучаствовать в жизни того, кто дорог. Это приятное чувство. Оно не покидало меня еще долгое время после нашей посадки.

– Ну, что, куда сядем? – в вагоне почти не было свободного места. Оставалось только мечтать усесться впятером в одном отсеке. В середине вагона сидел молодой человек с плеером. У него были длинные, гладко зачесанные назад сальные волосы. Могу поставить пятьсот баксов, что слушал он что-нибудь из панк-рока – такой у него был видок.

Ксюша оказалась более находчивой. Она подошла к парню и сказала, что если он не встанет с этого места, то его облепят пять ослепительных красавиц и ему будет некомфортно ехать дальше. Молодой человек ничего не понял, он снял один наушник, что-то пробормотал, вскочил со скамейки и перешел в другой вагон. Так мы нашли себе место.

Разложив рюкзаки, мы прислонились друг к другу и без разговоров закрыли глаза. Я снова начала думать про наших фанатов. Они были рядом, совсем рядом – в следующем вагоне. Вот бы взять и сесть к ним, как ни в чем не бывало. Да я просто уверена, что на свете есть люди, которые могут вот так просто возобновить общение. Но почему-то не я. Не решившись подойти и заговорить, я осталась сидеть с девочками.

«Ладно, – думала я про себя. – Наверняка за четыре часа, которые отделяют нас от Москвы, мы успеем что-нибудь придумать, чтобы возобновить общение». Подумала и спокойно закрыла глаза.

За окном начало темнеть – в небе появились филетовый, синий, голубой цвета. Я достала свою тетрадь и стала записывать. Писала о фанатах, вспоминала лозунги, размышляла, как долго можно жить такой жизнью, записывала наши разговоры и просто мысли. Мне нравилось записывать свои мысли. В дороге они всегда обостряются и становятся чище, к ним не прилипает всякая мишура, навязанная социумом. Ты просто едешь, просто думаешь обо всем

и это «все» просто фиксируешь на бумаге. «Пройдет пара лет, – думала я, – и мне снова станет интересно. Какие-то подробности я обязательно забуду, что-то останется во мне жить, а что-то совсем исчезнет. И тогда я смогу открыть тетрадку, и снова заглянуть в прошлое, и снова оказаться в этой электричке рядом с девчонками: слушать стук колес, случайный разговор соседей, храп спящих, смех фанатов, смотреть в темнеющее фиолетовое небо и так же хотеть общения. Разница будет только в том, что я уже буду знать исход – доедем ли мы до Москвы, что еще с нами случится, что мы переживем за это время...».

Лазарево

Остановка «Лазарево». С этого момента мы снова оказываемся безбилетными пассажирами. В этот момент в вагон вбегают толпа не меньше тридцати человек. Я констатирую:

– Контролеры.

– Бежим? – Ксюша полна энтузиазма.

Я, не задумываясь, беру рюкзак и хватаю за рукав Аню. Дина с Наташей остаются сидеть на месте, они не собираются никуда бежать, просто заплатят деньги и поедут дальше. Но мы – ни за что. Мы бежим по вагону в конец электрички, а оттуда по перрону – снова в начало. Схема проверенная, уже испытанная. Повторяем все в точности, как делали, – и снова срабатывает.

Возвращаясь обратно, встречаем наших фанатов. Теперь они сидят среди военных моряков и одной барышни. На барышне цветной бант, короткая юбка и пиджак. Вполне приличная, если бы не бутылка пива в руке.

– Привет! – говорю. – А мы думали, вы так и остались на перроне. – Вру.

– Привет! – отвечают хором, как будто тоже рады видеть. – Залезли, как всегда. Не в первый раз, девочки, – они были на коне. В этом виде спорта обгонят кого угодно. – Садитесь с нами.

Ксюша встряхивает волосы:

– Может, и сядем, только девчонок найдем, а вы пока места посторожите.

Рядом с ними как раз было место для пятерых – для Наташи, Дины, Ани, Ксюши и меня. Сядем рядом, будем спокойно ехать до Москвы, болтать о том-о сем, а я запишу что-то новое. Всегда думаю о том, как бы записать. Даже мимолетная мысль может развиться во что-то глобальное и масштабное, если эту мысль точно сформулировать и вовремя записать.

Короче говоря, всеми правдами и неправдами уговаривали мы девчонок перебраться в соседний вагон к фанатам. Главным и ос-

новным аргументом было то, что с ними мы можем не бегать по вагонам и не платить контролерам, потому что фанаты все равно едут без денег и выгнать их никто не может, а если мы будем рядом – нас тоже никто не выгонит.

– Нам и здесь хорошо, – сказали они. И мы остаемся.

Вот, дурочки! Наверное, стоило схватить свои сумки, плюнуть на девчонок и пойти к ребятам. Они – такой ценный материал для моей дорогой тетради! Ведь общение с теми, с кем ты никогда дела не имел, – это такой замечательный опыт. Но нет, слабость характера или лень, а, может быть, и то, и другое заставили меня остаться.

В вагоне включили свет. За окном стало совсем темно. Мы приближались к Москве. На одной из станций снова вошли контролеры.

– Будете платить? – спрашиваю девчонок.

– Вы уже целое состояние проехали, наверное, – смеется Ксюша.

– Может, все-таки сядем к ребятам в соседний вагон, чтобы контролеры нас оставили в покое? – спрашиваю, а сама плохо верю в то, что они сдвинутся с места.

– Ладно, – и Наташа достала рюкзак с верхней полки...

– Эти и эти, – Олег показал на нас, – с нами, их не трогать.

Контролеры улыбнулись, понимая, что спорить с толпой фанатов бесполезно. Но попросили нас доехать до следующей станции возле дверей – доехать до остановки, а потом можно вернуться обратно.

– Зачем?

– Мы вас оставим, только и вы нам помогите. Мы же должны создать видимость работы.

Среди контролеров был симпатичный молодой человек. Он так искренне интересовался, куда мы ехали, что скрыть правду нам не удалось. Мы рассказали, что едем на фестиваль студенческих фильмов, что с фанатами познакомились утром в другой электричке, что уже весь день едем вместе и что так мы путешествуем впервые. Он внимательно слушал и улыбался.

– Мама отпустила? – спросил, дав понять, что мы еще маленькие, а он уже взрослый дядя, несмотря на свой моложавый вид.

– Мама?! – Ксюша усмехнулась.

Электричка остановилась, контролеры вышли, мы вернулись на место.

Фанаты сидели рядом, болтали о чем-то – я перестала вслушиваться. Первым подошел Жека. Он успел выпить и был рад поболтать. Какое, наверное, это было приключение для пацана из девятого класса: со взрослыми парнями прокатиться в электричке из одного города в другой, напиться,

пока не видит никто из взрослых, окунуться в мир бесшабашного веселья, выйти из-под контроля, и все это за какие-то трое суток!

Самое замечательное для Жеки заключалось в том, что это было только начало. Он рассказал, что у него есть старший брат и мама, а папу он не помнит, что учится он в девятом классе, хотя должен был бы учиться в десятом, но все этот проклятый четвертый класс. Оказалось, что среди этих взрослых фанатов – друг его старшего брата, а сам брат уже в Москве, и когда Жека туда приедет, брат возьмет его под свое крыло. Только в дороге его поручили друзьям. На футбольные матчи он уже ездил. Жека любит подраться после матча, он чувствует прилив адреналина и желание врезать кому-нибудь. Он считает, что тот, кто против его футбольного клуба, – и не человек совсем, а дегенерат, которого надо бить, чтобы научить уму-разуму. Жека хочет вырасти и заниматься финансами, но в него мало кто верит.

Пока Жека рассказывал, я кое-что записывала в тетрадь.

– Ты про меня записываешь? – спросил он.

– Да, чтобы не забыть, – отвечаю. – Ты будешь героем моего романа.

– О, – он удивился и, кажется, обрадовался, – круто! Запиши тогда еще кое-что. – И он начал рассказывать про свою девушку, про первый поцелуй и всякое такое. Только, мне кажется, он отчаянно врал. Заливал что есть сил и все время смеялся.

Электричка двигалась к Москве, за окном было темно. Все ждали прибытия. Наташа слушала плеер, а Дина слушала Жеку, потому что ей тоже было интересно, как у пацанов в девятом классе случается любовь. Ребята тоже заинтересовались. Глобус и Куб пересели на наши скамейки. Дина сначала была против, но потом смирилась – вряд ли она смогла бы выгнать со своего места здоровых парней. Все-таки мы немного их остерегались. Несмотря на милые улыбки и беззаботные лица, они запросто могли в любой момент выкинуть что-то неординарное. Одна только драка до первой крови чего стоила!

Губа наклонился надо мной и уставился в тетрадь:

– Может, ты в ФСБ работаешь?

– Может, и в ФСБ, – говорю, – а что?

– А то, что нас, может, милиция разыскивает, а ты тут записываешь за нами!

Я, признаться, не ожидала, что они будут возмущаться по поводу моей писанины. Это, конечно, могло показаться странным: незнакомая девочка всю дорогу записывает что-то в свою тетрадь. Но мне, наверное, было бы, в первую очередь, интересно.

Губа вырвал тетрадь из моих рук и, вернувшись на место, попытался ее читать. В этот момент я была ужасно рада своему неразборчивому почерку – в электричке пишешь быстро, неаккуратно, чтобы ничего не упустить. Все вместе они разобрали пару предложений, но на большее у них не хватило сил и желания. Акакий выхватил мою тетрадь у Губы и громко сказал мне:

– Не надо это писать!

Люди в электричке обернулись.

– То, что ты делаешь, мы называем «стучать», – и он открыл окно. – Мне это совсем не нравится!

С этими словами моя тетрадь полетела за окно на заснеженную землю. Она приземлилась, а электричка сделала плавный поворот направо. Мы продолжали ехать.

Я растерялась. Если бы я только могла, я бы вскочила с места, схватила его за шиворот и вытрясла из него всю душу, честное слово! Как он мог выбросить то, что я с таким старанием копила во время нашей поездки?! Но это случилось. На меня смотрели десятки глаз и ждали моей реакции. Я видела, как люди ждут развязки: ждал Акакий, ждали Губа и Жека – все они ждали, что будет дальше. Но я собрала в кулак всю свою волю, улыбнулась и спокойно сказала Жеке:

– Ну, не будешь ты теперь героем романа...

И выдохнула.

Вы бы знали, чего мне стоило произнести эти слова с таким видом, будто в окно полетела старая пуговица от кофты, которую никто никогда больше не наденет, а не драгоценный материал, который я, скорее всего, больше нигде и никогда не смогу получить.

Люди начали медленно пробираться к выходу. Мы подъезжали к Москве, до города оставалось пятнадцать минут. В эти минуты я увидела в мальчишках новое – жесткое, неадекватное, чужое. Их лица, страшные при первом знакомстве, красивые и милые сердцу после второй электрички, снова стали чужими после истории с тетрадью. Как все вдруг может поменяться, какими разными могут быть для человека одни и те же люди!

В этот момент я почувствовала острое желание поскорее выбраться из этой железной банки, оказаться на улице, почувствовать свежий воздух. Мы все устали от дороги. Пора остановиться.

До самой Москвы мы молчали. Я не проронила ни слова. Мальчишки отсели и занялись своими делами. Между нами как будто выросла стена – большая, высокая, кирпичная, серая.

Я ехала и представляла, как моя тетрадь мокнет в сугробе. Вот подул ветер, и лист

перевернулся, буквы разлетелись на ветру, страницы рамзюкли, с угла потекли синие чернила. Снова ветер – и буквы улетают со следующей страницы. Может быть, кто-то найдет ее и поднимет? Может быть, кто-то будет рад ее найти?..

– Счастливо оставаться, – Ксюша вышла из электрички первой. За ней Наташа, Дина, Аня и я. Мы поставили рюкзаки на землю.

– А-а-а-а-а-а-а-а! – закричала я. В электричке сдержалась, а тут не смогла.

Что Москва? Меня переполняло чувство отчаяния. Мне казалось, что я успела сделать столько важных заметок – про мальчишек, про себя, про нашу дорогу. И вдруг в один момент все потеряла. Вспомнился один знакомый, который говорил, что записывать все надо в голову. Голова – единственная записная книжка, которую потерять очень сложно. У него, между прочим, в голове хранились даже номера телефонов.

«Память надо тренировать», – сказала я

себе.

Я знала, что мальчишки сейчас разбредутся кто куда, а завтра у них «сходка» – они пойдут на матч. Если честно, мне все-таки было немного жаль, что мы больше с ними не увидимся. Не смотря ни на что, я хотела, чтобы они стали частью моей короткой жизни в Москве. Я бы с радостью побывала вместе с ними на матче или просто сделала бы несколько фотографий с места событий. Мне не хотелось упускать их из виду...

Я смотрю на их удаляющиеся спины. Они становятся все меньше и меньше, пока не исчезают за мостом.

«Пока», – думаю я про себя и отпускаю их.

На улице нас встречает Игорь. Мы будем у него жить. Мимо проходят люди. Один из прохожих останавливается и спрашивает:

– Прикурить не будет?

– Слава Богу, не курим, – отвечает Игорь и улыбается.

– И откуда такие, блин, взялись!

Это Москва.

КНИЖНЫЕ ХИТЫ

Наиля Ямакова. 15.30. Санкт-Петербург: Геликон, 2012.

Тридцатилетняя выпускница программы «Открытый мир» при Библиотеке Конгресса США в номинации «Лидеры в сфере культуры» Наиля Ямакова выпустила очередной сборник стихов. Известный поэт Александр Кабанов написал о книге Ямаковой: «Я всегда радуюсь, когда появляется человек со своим голосом, своей эстетикой – узнаваемый, сопереживаемый, дерзкий и чувственный. Даже ошибки и какие-то неровности у такого поэта превращаются в достоинства, ибо именно вдохновению свойственно ошибаться. Наиля Ямакова не конструирует стихи, не боится быть неправильно расшифрованной. Она соответствует своим стихам. А для нынешней поэзии такое соответствие – редкость. С чем я и поздравляю автора и читателей этой книги». Стихи молодой поэтессы вошли в хрестоматию по литературе для старшеклассников «Шедевры русской поэзии второй половины XX века». Всего состоялось около пятидесяти публикаций ее стихотворений. Она лауреат премии Российского сетевого литературного конкурса, вошла в лонг- и шорт-листы Независимой литературной премии «Дебют» 2004 – 2006-го, в 2006 году приняла участие в фестивале «Территория». Послушайте:

Сокуров снял про Фауста кино,
и смерть любимых так же неизбежна.
Пусть человек не властен над судьбой,
но властен – хоть немного – над собой.
И небо звездное у нас над головой
по-прежнему бездонно и безбрежно...

Анастасия МАЗИНА

21 год,
студентка,
Санкт-Петербург

Руки

Привыкаем жить, как надо, мы давно уже не дети,
Но укрыться невозможно мне от глаз твоих бездонных.
Ты, конечно же, увидишь и, конечно же, заметишь,
Потому что различаешь полутени, полутоны...

Игорь Приклонский

Антон ЛУКИН

26 лет,
село Дивеево,
Нижегородская область

«АЛЕША ХОРОШИЙ!..»

Рассказ

Алексею Симакову или просто Алеше, как все его называли, было тридцать семь лет. Он был не от мира сего – слабым на ум. Слов знал немного, говорил плохо, с задержкой, чаще объяснялся жестами, когда хотел что-то сказать. Был безобидным, наивным и добрым, как ребенок. Всегда всем пытался чем-то угодить, предложить свою помощь: очень хотел быть нужным обществу. В деревне его жалели и любили за спокойный характер.

Зимой с утраца выйдет с ломом – и к магазину лед отбивать или снег кому где почистить, хоть никто и не просит.

– Алеша хороший! – утирал он перчаткой лоб.

– Хороший Алеша, молодец Алеша, умница, – хвалили его бабы.

– Хороший, – кивал он головой.

Каждый день он заезжал в гости к старику Кондрату. Вот уже второй год пошел, как тот схоронил жену Агафью. Добрая души человек была, как Алексей, всех любила и жалела.

Скучно старику одному, совсем раскис да еще ослеп на один глаз. Тяжело. И поговорить не с кем. Выйдет, бывало, во двор, сядет на завалинку и сидит весь день, на небо посматривая. Молчит. О чем-то думает. Алеша зайдет, воды натаскает да скотину покормит. Умом не велик, а работать умел. Натаскает из колодца воды в избу, присядет рядом на завалинку и тоже молча на небо

укажется. Забьет Кондрат табаку, закурит, прослезится. Правый глаз его почти ослеп и всегда слезится. Вытрет его аккуратно уголком платка, вздохнет тяжело и давай рассказывать какую-нибудь историю из жизни. Алеша сидит, слушает. А Кондрат мог часами рассказывать о своей долгой рабочей жизни. Поговорит, и на душе легко. Пускай Алеша и плохой собеседник, больше молчит, но все же приятно, когда тебя слушают. А слушать Алеша умел.

Жили они с матерью вдвоем. Отец погиб на фронте в сорок четвертом году. Алексею тогда одиннадцать лет было. Есть у него еще брат Макар, что на пять лет младше, но тот уже женат и давно живет в городе. Детьми обзавелся. Лизка и Нюрка. Славные девчата, смешные. Лизка тихая, скромная, на маму больше похожа и глазами, и характером, а вот Нюра, та – копия Макара, заводная, любопытная, ни секунды на месте не сидит. Давненько Алексей брата не видел, соскучился по нему и с племянками давно не играл. Любил он детей, и они его любили. И животные тоже любили – никакая собака сроду не гавкнет. Все-таки умеют звери распознавать добрых людей. Умеют.

В том году уже по осени к ним в деревню заглянул цыган. Мужчина лет сорока пяти с маленьким мальчиком на руках. Сам бошой. Ребенку годков пять: смуглое, худое лицо, глаза большие, испуганные. Было видно, что он голоден. Они заходили в каж-

дый двор, просили помочь, кто чем может, но многие отказывали. Многие недолюбливают попрошаек и цыган. Особенно цыган. Хотя они такие же люди, и случается, им тоже бывают нужны еда, питье, крыша над головой.

Алексей сидел за столом и хлебал щи, когда в дверь постучали и на пороге показался цыган.

– Добрый вечер, – произнес тот и даже слегка поклонился. – Помогите, люди добрые, ради Христа, чем можете, любой помощи будем рады.

Мать протянула ему кусок хлеба с салом, угостила мальчика молоком. Гости вежливо поблагодарили и отправились дальше. За окном уже темнело.

– Ма, – посмотрел Алексей на мать.

– И не проси даже, – ответила женщина, – на ночь не пушу. Обворует еще.

Алексей догнал цыгана уже на конце деревни, дал ему еще немного еды и снял с себя сапоги. Тот надел их на измозоленные, сбитые ноги и поблагодарил от всего человеческого сердца. Видно было, что цыган тронут такой заботой.

– Алеша хороший! – только и сказал ему Алексей.

Долго потом мать бранила его за сапоги. Неприятно было. Алеша не любил, когда его ругали. И всегда, виноватый или нет, уводил глаза в сторону и молча кивал. Но поделаться с собой ничего не мог. Жалко ему было цыгана и кроху на его плечах тоже было жалко.

Как-то летом, когда Алексей топил баню, мать получила от Макара письмо, в котором сообщалось, что тот через пару дней приедет с Лизкой. Сам – на ночь, а дочь собирался оставить на месяц. «Сам бы задержался подольше, но не могу, работа не отпускает. Даст бог, вырвусь на недельку ближе к осени. Лизка пока погостит у вас с месяцок, потом заберу. Нюра едет отдыхать в пионерский лагерь».

– Вот так вот, – прочитала Алексею мать письмецо. – Может, Лешенька, в город поедешь?

– В город?

– В город. С братом. Поживешь с месяц у него. На город хоть посмотришь. В кино сходишь, в музей какой, на троллейбусе прокатись. А Макар за Лизкой поедет, и ты с ним обратно.

Алексей призадумался, взглядом уставился на потолок. Когда о чем-нибудь размышлял, он думал подолгу и смотрел вверх. В городе он, и правда, ни разу не был, а хочется или нет ему в город, никогда не задумывался. Наверное, там все-таки интересно, в городе, и брата давно не видел, соскучился. Хоть поживет с ним.

– Алеша хочет покататься на тро...

– На троллейбусе, – помогла мать.

Алеша кивнул головой.

– С Макашкой я поговорю. Город хоть увидишь, – и женщина обняла сына со всей материнской нежностью и заботой. – Город увидишь...

Алексей стоял на остановке и ждал автобуса. Переживал. Никак не мог дожидаться встречи с братом. Мать осталась дома. Наконец, автобус подъехал, из него вышли Макар с Лизкой и Степка Селезнев – тот в райцентр катался.

– Алешка! Алешка! – бросилась ему на шею Лизка. Тот поднял ее на руки и несколько раз подбросил к небу. Подошел Макар, обнялись. У Алексея выступили слезы. Он поцеловал брата и грубыми пальцами потер глаза. Самым тяжелым были для него прощанья и долгожданные встречи. Алексей всегда нервничал, но потом быстро приходил в себя.

– Ну, здравствуй, брат, вот и снова увиделись, – улыбнулся Макар. – Как с матерью поживаете? Не хулиганишь тут?

– Нет, – замотал он головой, – Алеша хороший!

Макар засмеялся.

– Хороший-хороший.

– И Макарушка хороший!

– Ну, – улыбнулся, – стараюсь.

Лизка держалась за дядину широкую ладонь и покачивала его руку. Тот закинул ее к себе на спину. Слушая Макара, который всегда любил поговорить, они отправились в деревню.

Мать к тому времени уже накрыла стол. Долго обнимала и целовала сына с внучкой. Есть все же радость в жизни! Есть. Живешь обычной, тихой жизнью, вроде бы все хорошо, спокойно. А приедут погостить, пусть даже на ночь, до боли родные тебе люди, и такая радость на душе сразу – плакать и смеяться хочется. И понимаешь, ради чего живешь. Ради вот этих мгновений!

Женщина плакала, но то были добрые слезы, слезы радости. Потом сидели за столом, пили чай и слушали Макара, который рассказывал про городскую жизнь, про цирк, куда он недавно ходил с семьей. Лизка перебивала его, говорила, что видела тигров и медведей. Алеша смотрел на брата, представлял себе полосатых, огромных тигров и никак не мог понять, как медведь может кататься на велосипеде. Переспрашивал брата, но тот лишь улыбался и говорил, что в жизни, мол, все бывает.

Потом братья отправились на пруд порыбачить. Лизка тоже с ними пошла. Эх, и любил Макар рыбалку, все детство провел на пруду с удочкой. Алеша сам никогда не ловил, но любил подолгу сидеть на берегу с

рыбаками и молча смотреть на поплавки. А с первым уловом подолгу кружился у ведра и, вытащив рыбу, поглаживал ладонью серебристую чешую.

– Хорошая рыба!

Мужики смеялись.

Макар медленно оглядывал пруд, думал, вспоминал далекие деньки. В небе проплыли пушистые облака и отражались в воде.

– Овечки плывут, – улыбнулся Макар. Он всегда их так называл. Алеша покачал головой. Размотав удочку, Макар закинул ее в воду. Сидели молча, посматривали на поплавок. Алексей мог сидеть так подолгу, но Лизке стало скучно. И, оставив Макара, они отправились ловить кузнечиков.

Макар поймал несколько окуньков. Слабо клевало. Поутру нужно идти. День пролетел незаметно. Вечером поужинали, поговорили немного. Легли спать. Утром Алексей с Лизкой ушли к дубу, что рос возле дома Воробьевых. На старом дереве висели качели. Воробьев-старший еще по весне смастерил их для своих проказников. Алеша раскачивал племянницу, которая весело смеялась, взлетая вверх. Легкий теплый ветерок играл ее косами.

Пройдясь немного по деревне и заглянув на луг, где паслось стадо, они отправились к дому. Лизка остановилась у плетня и стала срывать ромашки – хотела нарвать отцу букет в дорогу.

Алеша зашел в сени. Из избы доносились голоса.

– Да пойми ты, не могу я его взять с собою, не могу, – слышался голос Макара.

– Ишь ты, не могу... А ты через «не могу», – наседала мать.

– Да куда я его повезу? Ты посмотри на него, люди потом говорить начнут...

– А, ты уже брата стесняешься?! – закричала мать.

Немного помолчали.

– Пускай город немного посмотрит. Ведь

дальше Осинówki нашей никуда не ездил. Чай, ему тоже хочется, интересно все же. А за Лизкой поедешь и обратно привезешь.

– Да не могу я, мам, не могу...

– Вот заладил свое «не могу»!

– Ну, куда я его возьму? Он же дите. В город одного не отпустишь, мы с Варькой с утра до вечера на работе, нянчиться с ним у меня времени нет. Ну, чего он в квартире один сидеть будет? Нет. Ближе к отпуску спишемся, посмотрим. Сейчас – нет...

Алеша вышел во двор и уселся на скамейку, обхватив голову руками. По щеке его покатила слеза. Он тихонько замычал. Внутри все плакало, душа рвалась на куски. Было больно. Подошла Лизка и показала букет.

– Красивый?

Алексей поднял голову, посмотрел на племянку.

– Это я папе нарвала. Красивый, правда?

Алеша кивнул головой, обнял Лизу и заплакал. Он крепко прижимал ее к себе и вытирал слезы, чтобы та их не видела.

Ближе к обеду Макар попрощался с матерью и отправился к остановке. Алексей с Лизкой отправились его провожать. Всю дорогу тот что-то рассказывал и над чем-то посмеивался, но Алексей его не слушал. Он шел молча.

– О чем задумался? – поинтересовался брат.

– Алеша плохой.

– Почему плохой-то? – улыбнулся Макар. – Натворил, что ли, чего?

Алеша промолчал. Подъехал автобус. Быстренько попрощались, и Макар уехал. Алексей взял Лизу за маленькую ладошку, посмотрел немного на пыльную дорогу, на удаляющийся транспорт и отправился с ней в деревню. Тяжело было на душе. Больно. Он печально вздохнул и опустил голову вниз:

– Алеша плохой. Плохой Алеша.

«...Если вам требуются искусство и литература, то вы должны почитать греков. Ведь для того, чтобы родилось истинное искусство, совершенно необходимым рабовладельческий строй. У древних греков рабы возделывали поля, готовили пищу и гребли на галерах, в то время как горожане предавались стихосложению и упражнениям в математике под средиземноморским солнцем. И это было искусство. А какой текст может написать человек, посреди ночи роющийся в холодильнике на спящей кухне? Только вот такой и может. Это я о себе».

Харуки Мураками

Александр КОЛНОГОРОВ

26 лет,
студент,
Глазов

ЭТЮД Рассказ

Мы лежали в теплой постели под толстым ватным одеялом. Она положила голову мне на плечо и молчала. Я обнимал ее одной рукой и смотрел в потолок.

– Как у тебя сегодня день прошел? – вдруг спросила она.

– Нормально. Тебе действительно интересно?

– Конечно. А почему мне не может быть интересно?

За окном весь день шел сильный дождь. Я посмотрел на часы. Было без четверти двенадцать. На улице залаяла собака.

– Нормально.

На самом деле я сегодня опять опоздал на работу, затем отправился чем-то в кафе, куда я хожу обедать, и под вечер порвал подошву ботинка и пришел домой в сыром носке.

– Нормально, – еще раз повторил я. – А у тебя как?

Она ответила не сразу.

– Может, тогда просто помолчим?

– Ты же сама первая спросила!

– Ну, и что. Если ты не хочешь разговаривать.

Дождь все лил, не переставая. На улице опять залаяла собака.

– Паршивый сегодня день, если честно, –

сказал я.

– Ужасный. Я еще подошву порвала где-то. Все ноги промочила.

– Да ну! Вот ведь бывает.

На кухне включился холодильник.

– Расскажи что-нибудь.

– Ты мне руку отлежала.

– Ой, извини! – она привстала.

– Да ничего. Лежи.

Она легла обратно.

– Слушай, а тебе этот холодильник спать не мешает? Он когда включается, я вздрагиваю постоянно.

– Привык уже. Когда уснуть не могу, только и жду, когда он включится.

– Зачем это?

– Ну, чтобы потом, когда он выключится, пять минут в тишине полежать.

– А-а.

– Да и не скучно с ним. Когда работает, кажется, что я не один дома.

– Здорово.

Холодильник выключился.

За окном несколько раз прогремело.

Она вздохнула.

– Собака почему-то больше не лает, – сказала она.

– Уснула, может?

– Как она уснет! Такой дождь! Наверное, сидит под кустом и мокнет. Еще гроза сейчас начнется.

– А, может, ее просто выгуливали, она и лаяла, а сейчас завели домой?

– Хоть бы так и было.

На улице сверкнуло, и собака опять залаяла.

– О чем ты думаешь?

– Ни о чем, – ответил я. – А ты?

– Думаю, почему собаки лают. Они ведь наверняка что-то этим сказать хотят. Вот когда человек что-то говорит, если даже непонятно что, допустим, на иностранном языке каком-нибудь, – все равно понятно, радуется он или сердится, доволен или нет. А собака просто лает, и непонятно, хорошо ей или плохо.

– Ага.

– А еще думаю, почему у тебя нога из-под одеяла торчит.

– Не знаю, я привык так. Когда под одеялом жарко, а без него холодно, я ногу высовываю – и нормально.

– Понятно. А я вот не люблю, когда одеяло внизу скатывается, у ног. А сверху нет его. Хочешь укрыться, хватаешься за него – а там пододеяльник один. Одеяло все внизу, скаталось. Очень неприятно.

– Ага.

– А ты что не любишь?

– Когда ответственности много. Людей злых не люблю. И помидоры.

– А я изюм не люблю, а виноград люблю!

– Я тоже.

– А еще не люблю рано утром вставать, когда куда-то идти надо, куда не хочется. А если никуда не надо или хочется, то люблю.

– Точно.

Я посмотрел на нее. Она водила пальцем по моей груди и беззвучно, одними губами напевала какую-то песенку.

– Можно, я тебя поцелую? – спросил я.

Она удивленно взглянула на меня.

– Конечно, можно, зачем спрашиваешь?

– Только по-настоящему.

– Можно, – сказала она, привстала, провела ладонью по моей щеке, закрыла глаза и поцеловала меня в губы.

– Так?

– Так, – ответил я.

Она опять легла мне на плечо.

– Знаешь, а я бы, наверное, женился на тебе.

– Глупости ты говоришь.

– Ничего не глупости!

– Глупости. Может быть, в другое время, в другой ситуации...

Было слышно, как дождь постепенно стихает.

– А ты бы согласилась?

– Да ну тебя.

– Ну, согласилась бы или нет?

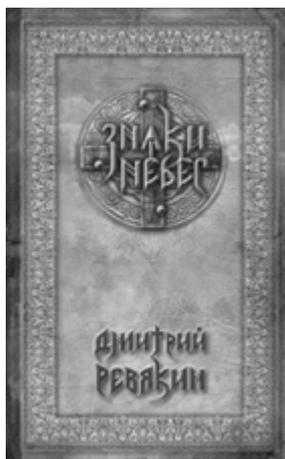
– Может быть.

– В другое время и в другой ситуации?..

Она ничего не ответила.

Мы просто лежали и молчали. Когда я посмотрел на нее, она уже дремала. Я взглянул на часы. Половина первого. Нам оставалось быть вместе еще десять минут.

Продлевать я не стал.

КНИЖНЫЕ ХИТЫ

Дмитрий Ревякин. Знаки небес. Москва: Азбука, 2012.

Основатель легендарной рок-группы «Калинов Мост» Дмитрий Ревякин выпустил книгу под названием «Знаки небес». – сборник авторских стихов, которые никогда ранее не звучали и не публиковались. В книгу вошли стихотворения, написанные в разные годы. Ревякин сам редактировал и компоновал книгу. Это для музыканта новый опыт: стихи, вошедшие в сборник, он задумывал именно как стихи, а не как тексты песен. «Я очень счастлив тому, что книга «Знаки небес» наконец опубликована. В нее входят стихотворения, которые были написаны в период 2005 – 2008 годов. Оформлением занимался мой друг Володя Распутин. На мой взгляд, вышло очень здорово. «Знаки небес» – это именно то состояние художника, о котором можно сказать: «Пишется тогда, когда нет возможности не писать».

Сергей ЖУРАВЛЕВ

22 года,
фотограф,
Ижевск

Карима

И ночной порой, когда тающий луч пунцов,
Побегут по кругу мысли вперегонки.
И глаза закроешь. И припомнишь ее лицо.
И протянешь руку коснуться ее щеки.
Наталья Дроздова

ПОЭЗИЯ

Григорий СТАРОВОЙТОВ

22 года,
студент,
Санкт-Петербург

«ЧЕЛОВЕК – ЭТО ПРОБНАЯ ВЕРСИЯ БОГА...» Стихотворения

«В соседнем доме...»

*В соседнем доме окна желты,
По вечерам – по вечерам
Там угощают сингл молтом
Изящных дам.*

В соседнем доме люди сини
И могут пить пока,
Свои не разгибая спины
Над фляжкой коньяка.

В соседнем доме ноги длинные,
Одеты в сетчатый чулок,
И терминал оплаты видно
Меж стройных ног.

В соседнем доме рожи красны,
Сменяет вишня цифру семь –
И ночь с бандитом безопасна,
И спорить лень.

В соседнем доме свет погашен,
Не проскользнет фотон.
То ли там скучно, то ли страшно –
Так и живем.

* * *

Плыви в рассвет, плыви в закат,
Покинь разохшийся фасад
Дворца над дряхлою рекой,
Поймав Борей или пассат,

Плыви в закат, плыви в рассвет,
Оставь сизифов камень лет
Под серой невскою волной,
Вскинь руки, встав на парапет,

Открой глаза, шагни в поток
Иного света, где росток
Хмельного солнца в пряной дымке
Жизнь дарит смыслу между строк.

Бар в Нептуно

Как в любой другой вечер, здесь просят ром
И девочек без особых принципов.
Посыльный Родригес поглядывает тайком
На бедра Матильды. Стирая границы
Печали, седой кокаинщик-старпом
На пальмовых листьях видит Айдахо,
Где велодог не взведен под столом,
Где не «Куба либре!», но только «Йаху!»
Безраздельно владеет открытым ртом.

* * *

Человек – это пробная версия Бога,
А попробовать можно не так уж много:
Будь вы по паспорту хоть Эф Ницше,
Попытки взлома караются строго –
Забанят с пометкой «духовно нищий»
И мелким шрифтом: «В Эдеме лишний».
Известно, что функции пробных версий
(См. пятитомник справочных лекций)

Были обрезаны, вернее, урезаны
После ряда отцовских инспекций –
И с тех пор предаемся аскезе мы,
Абонентскою платой истерзаны.
Так не жди раздачи бесплатных ключей!
Подхватишь троян от господ-басмачей,
И руки костлявой одарят халявой.
Рай не наш и не ваш. Он ничей.

* * *

Как-то юноша-затворник
По халатности преступной
Чрезмерно стал доступный
Для влияния извне

И, проснувшись утром рано,
Обнаружил с удивленьем,
Что по недоразуменью
Непорочность потерял.

Он заглядывает в кухню,
Шарит в тумбочке руками
И в гостиной под коврами
С зажигалкй ползать стал.

Нету в спальне! нету в ванной!
Не найти нигде пропажу,
Посмотрел в кармане даже
И на собственной спине!

В общем, речь к чему веду я...
Коли вы, собой рискуя,
Приглашаете остаться
Незнакомых вам людей,

Будьте внутренне готовы,
Что интимные альковы
Может запросто нарушить
Эротический злодей...

Коммунальная космогония

Жир блестит на сковородке,
как созвездье Андромеды,
Прожигает ткань комета,
воспарив от зажигалки,
И, рождаясь между делом
в коммунальной перебранке,
Утверждает миг начала
над безмолвием победа.
Больше нет бесплотных духов
в замусоленных халатах,
Это боги-олимпийцы
спорят в ярости пунцовой,

И обильные проклятья
воздух делают свинцовым
И несут зевакам гибель,
как Гаврош на баррикадах.
Кульминация конфликта
впереди маячит где-то,
Концентрация посуды
в стратосфере на пределе.
Но внезапно все стихает –
светит лампа еле-еле,
Оттенья лица, жесты
и перчатку из вельвета.

* * *

Жил-был человек по имени Николай,
Он брился гладко и носил жилет.
Его мать еще не преклонных лет
Любила сына. Как-то раз в сарай,
Где лежат штабелями сырые дрова,
Пахнет лаврухой и прелой травой,
Она девку послала за банкой с айвой
Или чем-то таким. Был канун Рождества,
И свечи горели, и весь дом хлопотал,
Николай пропадал по своим делам.
Одноглазая странница про Валаам
Пела хозяйке, презренный металл
Считая в кармане. Чу! шорох гардин –
Это девка зашла и в глухой тишине
Сказала: на смазанном мылом ремне
Подвесил себя молодой господин.
Уж не знаю, кричала ли бедная мать,
Не знаю, что лилось из выцветших глаз,
Но если я здесь завершаю рассказ,
То, значит, и вам не следует знать.

Улисс
(сонет)

Крича в январь, по закоулкам хмурым
Бежал домой, боялся не успеть
Твоих волос заржавленную медь
Коснуться пальцами. Сутулые фигуры
Ползли вдоль стен, над окнами амуры
Телами рыхлыми мешали подсмотреть
Луне, прорвавшейся сквозь облаков камедь,
Как молодой дурак спешит к какой-то дуре.
Но вязнут ноги в сутолоке будней,
А чьи-то руки держат воротник.
Дождись меня, я добреду к рассвету,
Сквозь форточку пускай мой пьяный крик
Пройдет – ему, как и стилету,
Нужна лишь щель в твоей броне нагрудной.

Валерия МОРДАЧЕВА

25 лет,
журналистка, актриса,
Севастополь

«Я – ПЛАКУЧАЯ ИВА, ХМЕЛЬНАЯ АКАЦИЯ...» Стихотворения

раньше казалось, взрослеть –
офигеть как:
есть среди ночи, курить натошак,
чтобы бабла завалилось
не жетон на метро и пятак,
а *пресс бабок*.
чтобы шла вся такая:
платье и каблук,
а следом – табун, косяки,
все сплошь мужики,
высунут языки,
лизжут пятки
и не за бабки.
раньше виделось: огромнейший штат,
сорок своих ребят,
все глаза вылупят,
комментят, флудят,
за тебя и на дыбу, и в ад.
«офигеть как» – это не взрослость,
не табун и не штат,
а твой спелый и сочный зад,
что пружинит упруго,
когда шлепаешься спереди
в тачку друга,
когда красная смородина и сосиски
прут нас круче, чем косяки и виски,
когда бердск и какая-нибудь колывань
значат больше, чем вздохи всех петь и вань,
всех вливаний, подлизываний и обнимань.
потому: ешь смородину, друг!
пока ты одинок,
пока зад упруг,
пока бабок нет.
нафиг надо взрослеть!

вот когда у тебя ножки тоненькие,
как две палочки,
ты не можешь кататься на велике,
скакать на скакалочке,
влезать на акации
и играть в салочки.
а потом у тебя грудь не растёт совсем,
пацаны лифчики расстегивают всем,
а тебе нет.
у тебя в рюкзаке яблоко на обед,
достоевский и моэм сомерсет,
тебе тринадцать гребаных лет.
а когда, наконец,
и мясо есть на костях,
и лифчиков целых шесть,
ты не можешь решить,
что тебе выпить, что съесть,
поехать куда или тут осесть,
что еще посмотреть и прочесть.
«будь она проклята, эта взрослая жизнь» –
думаешь ты и идешь на акацию лезть.

у меня ничего не болит
выходишь вечером
вытянуть пару сиг
на балкон,
внизу спит и повизгивает
твой спальня район,
нежные девы-десятиклассницы
греют на лавках задницы,
левой рукой потрясывая коляски,
где спят младенцы,

правой – стеклом лязгают.
щеголяют в патлах стразами.
пофиг, что формы уже расползаются,
складываются гусеничкой
под водолазкой.
зажимая в сосиско-пальцах
клубничный «кисс»,
она хаает бездарных
российских актрис,
ей плевать на три текста
и один пресс-релиз,
ей накласть на маленький лид.
у нее ничего не болит.
она любит свой целлюлит.
позавидуй ей и заткнись.

чо такая дерзкая?

а теперь слушай сюда, цыпа:
я тебе не девчуля с массива
и не губастая рыба.
если я для тебя, принца,
не больно красива,
не напялила платяице
или что-то не так спросила –
ты же у нас босс,
у тебя в кулаке мощь и сила,
запихни их в карман себе и адъес.
я не то чтобы такая крутая,
как дикий плющ,
просто не выношу,
когда при мне несут чушь,
я не верю в случай
и родство душ,
мне вообще не особо-то нужен муж.
нет, я могу, конечно,
напялить шпильки и кружевное жабо –
мне нифига не слабо.
только даже если свернусь клубком
у тебя под боком,
то не стану твоим ребром.
так что если ищешь такую,
что будет штопать носочки,
пока ты спишь,
слушать, как ты дышишь,
и тебя, лося, называть «малыш» –
это, прости, не ко мне,
поищи себе тихую мышь.

по выходным на остановке

у урны, куда выбрасывают билеты,
работает проститутка света.
как надо одета,
все чин по чину:
туфли зеленого цвета,
малиновые лосины.
за киоском дежурит
сутенер рамик,

в прошлом – мелкий жулик,
а нынче вон как подрост:
двести сразу себе,
сто – свете в нос.
вот выплевывает
тебя троллейбус
в очередной раз
в соплях и растрепанной туши.
денег нет.
время – двенадцатый час,
никотиновый голод писец душит.
света говорит: «щас».
достает из синей сумочки
пачку «парламента»
или, может, «кента»,
вкладывает ее всю тебе в ручку,
как подружка:
«заработаю седня.
а тебе щас нужно».

шура

за нашим торговым центром
бесконечная «дикая роза»,
бурная «санта-барбара»:
вчера рыдала
девчонка из бара,
сегодня орет в трубку
кассирша кинотеатра.
дрожат эскалаторы
от агрессии каблуков,
наживаются «vov» и «парфюмика»
на размазанных карандашиках
по вине мужиков.
сiju и читаю в курилке
очередную
(на их взгляд) муру.
«ой, есть сигарета? я щас умру».
конечно, я тут с набоковым
никаким боком к ним,
просто прикуриваю
и думаю: вот дура.
не то, что моя тетка шура.
поперся на реку муж ее
с трактором,
вернулся датый пешком.
она его раз по затылку
хряснула топором,
села на первый паром,
и теперь в италии репетитором.

обещай мне, что когда я морщиться

и сохнуть начну,
ты накинешь мне камень на шею
и живо пустишь ко дну.
вот едва запах колючих лекарств почувешь,
если хоть раз спрошу:
«где ты сегодня ночуешь?»

или записку увидишь
«вторник. два тридцать. к врачу».
может, я даже у моря жить захочу.
заведу шавку мелкую,
как вша,
но с глазами злющими и большими,
как два ковша.
чтобы соседей обкладывала лаем
(я же буду глухая),
только для виду скажу пару раз «ша!»
клятву мне дай,
что я тут же отдам концы,
если от разных комплектов
на мне будут лифчик и трусы,
если у меня вырастут вдруг усы.
в день, когда я поеду на рынок
к пяти утра,
всыпь мне в напиток с цикорием
ложку яду,
жди, пока охну, вдоль стены осяду,
сядь рядом
и скажи: «там на сорок копеек дешевле,
но нафиг надо».

твоя философия, одинокий рейнджер,

мне так близка
до соприкосновения твоих губ
и моего соска.
только когда нам будет
около сорока,
я буду пить текилу в мексике,
а ты пиво в районе бердска.
наши физиономии будут выглядеть
одинаково мерзко.
нос вздернут дерзко,
голос резкий,
щеки цвета колбасной нарезки.
а пока я целую твои ключицы,
тонкие велосипедные спицы,
до пяти утра нам не спится,
мы презираем ручную синицу.
и черт знает,
сколько это продлится.

«Проблема новосибирских и не только поэтов, как мне кажется, в том, что мы разучились разговаривать. Потому что слушатель тоже разговаривает с поэтом, пока тот на сцене: глазами, ушами, ртом кривится или причмокивает. Почему на слэмы или поэтические вечера ходят сами поэты или их близкие друзья? Да потому что обычный человек с улицы чувствует себя либо напрочь забытым, либо публично униженным... Когда осенью «Негромко» организовали встречу «Стенка на стенку», Борис Гринберг посето-

я устала путать

имена и дома,
вспоминать их пьяная
или впотьмах,
на каждый взмах
отвечать вздохом,
выдавливает «ах».
это мой промах,
что ты один в козырях,
в дамках.
весь мой звук изолирован,
спрятан в нутро.
я качусь по выкидышам эскалаторов
в недометро
в самое скверное утро
в самом дешевом бистро.
и хватаюсь за что придется:
за угодливость улиц
и блины лиц,
но у этого города
даже нет своих собственных птиц,
всего пара древесных колец,
ни богов, ни жриц,
ни фи́га, ни яиц.
подползают на полусогнутых,
но никто не падает ниц.

выпускной – аэропорт – питер

каждый вечер ты говоришь мне:
«смывай тени».
так давай вопреки вывертам и лени
решим, кто в чьей тени.
я приготовила спички, вот твоя – тyani.
хоть на час правила свои отмени:
подруга, жена, соратница –
я точно не они.
у меня другая функция,
иная локация.
я – плакучая ива,
хмельная акация.
я люблю, когда ты трогаешь
мои узлы и почки.
целуй срочно.

<http://siburbia.ru/culture/alma-maternaya/>
вал на то, что вот, мол, молодые совсем не знают старшее поколение поэтов, а те, в свою очередь, думают, что стихов сейчас никто не пишет. И поэтому-де надо чаще встречаться и читать. Да мы и слушателей своих не знаем, куда нам поколение 80-х цитировать. И пока мы их не знаем и знать не хотим, они будут слушать Стрыкало, пялить сериальчики и лайкать в соцсетях «Гражданина поэта». Просто потому, что мы, такие близкие и прекрасные, закрыли глаза и шепчем о себе и себе же под нос».

Валерия Мордачева

ПОЭЗИЯ

Петр БЕРШ

20 лет,
студент,
Санкт-Петербург

«Я ЗА ЭТОТ ГОД ПОДУСТАЛ НЕМНОГО...» Стихотворения

* * *

приходи ко мне вечером
прямо домой
в тот момент когда «гречневый»
хмурый и злой
когда воздух изменчив
и пахнет травой
я зажгу тебе свечек
мерцающий рой

я прочту тебе письма
шестнадцати лет
про прозрачную высь
и чужой силуэт
про танцующих лис
и парады планет

приходи ко мне вечером
выбросить вниз
мой обратный билет

* * *

Плохая память отучает от вранья,
Плохая водка отучает от веселья.
«Нужна квартира без комиссии. Семья».
В году как минимум четыре новоселья.

В году как максимум два раза вижу мать –
Кажусь себе уродливым и голым,
И чаще просто хочется поест и спать,
Чем что-то жечь в чужих сердцах глаголом.

«Несправедливопокинутым»

ты любишь лис, а я люблю портвейн,
ликеры, водку, пиво, ром и виски,
убийства, матюки, большие сиськи,
карикатуры близких мне людей.

ты любишь лис, а я люблю хип-хоп,
Алехина, тоску, п...ец и вопли,
кофейни, подоконники и сопли,
Афишу, Русский репортер, f5 и Сноб.

ты любишь лис, а я люблю кино,
немецкое кино в пустой квартире,
и притворяться папой в «детском мире»,
и корчить рожи в пыльное трюмо.

ты любишь лис, я все давно просек,
но не могу понять, кто тебе нужен.
я мог бы стать тебе отличным мужем,
ведь знаю про тебя почти что все.

* * *

хоть в собор иди исповедаться
да с собой вот знаком не очень-то
я к тебе подышать присоседился
не хотел ничего порочного

* * *

у меня ничего ниоткуда не изливается,
вырывается, обжигается тоже не у меня.
а живу я так, как будто лежу
под капельницей,
провожаю взглядом по трубке движение дня.

* * *

лето пахнет шавермой
олд бобби и кока-колой
какой-нибудь клубной стервой
моей опустевшей школой
мазутом на солнце и пылью
удушливо-прелым также
как пахнут мои эспадрильи
а иногда и гаже
лето пахнет посудой
помытой лосьоном Фейри
свежепоставленной грубой
дачной дубовой дверью
чужими пахнет цветами
в метро и на остановках
анисовыми парами
над подоженной стопкой
пахнет нагретой кожей
твоих беговых кроссовок
разный быть запах может
наших ночных тусовок

и можно не быть поэтом
летом дела их плохи
ведь запах не главное летом
главное летом – вдохи

* * *

ты прости меня если что не так
если снова бездумно порю горячку
и в глазах без сна распустился мак
из помятой пустой сигаретной пачки

не черти крестов не рисуй мишень
с малолетства обучены метить в сердце
тысячи других славных барышень
метить в сердце судить и плевать в детство

и когда зима заскрипит дверьми
а не снегом нечищенным у порога
ты тогда прости меня и пойми
я за этот год подустал немного

* * *

хватит по клубам шарахаться
хватит читать журналы
лучше по вене бахнуть
и счастье повалит валом

не стоит включать приемники
не стоит строчить знакомым
сиди учи экономику
мечи на цепь перековывай

развяжи эту глупую бабочку
перестань писать в редколлегиях
поменяй в туалете лампочку
и сиди сберегай энергию

не крути на часах пожалуйста
пояса или время летнее
а сиди в интернете и с твит-листа
узнавай себе светские сплетни

дома лучше гораздо тепло уют
выходить совсем тебе не к лицу
а то мало ли что подумают
оппозиция ведь на улицах.

* * *

я завтра стану тамадой
а ты откроешь магазин
владимир вечно молодой
достанет русских из грязи

мне завтра надо на завод
наноприщепки мастерить
и свежей влагой сточных вод
леса и пашни напоить

ты завтра рано не вставай
готовься к ужину в обед
дели с ментами каравай
передавай ментам конверт

нам завтра некогда присесть
мы так лояльны и мобильны
как хорошо что завтра есть
как хорошо что все стабильно

* * *

я хочу быть в очках
порости бородой
неглубокую шапку
надеть на затылок

чтоб в коротких штанах
наблюдать за толпой
и не пить разливного
а пить из бутылок

актуальный рюкзак
волоча на спине
чтоб бороться с режимом
приехать на митинг

и попасть в автозак
на гостином дворе
и с айфона картинку
об этом затвитить

я хочу рисовать
я хочу молескин
варить кофе с собой
увлекаться наукой

хочу так одеваться
чтоб до самых сединок
походить на моделей
последних лукбуков

ПОЭЗИЯ

Дарья ШПАТАРЬ

23 года,
студентка,
Санкт-Петербург

«КАЖДОЕ УТРО ЕЕ БУДИТ СОЛНЦЕ...» Стихотворение

каждое утро ее будит солнце.
она всхлипывает от насморка
и проходит к компьютеру:
друзья, музыка, шум винчестера –
и уже, вроде как, не одиноко.

обязательно ставит чай.
обязательно забывает о нем
и пьет потом очень крепкий,
подсыпает сахар и морщится:
мол, снова какая-то дрянь...

не одевается. если одна.
и ей это очень нравится.
ей нравится бардак из одежды,
тетрадок, книг, техники.
обязательно на столе
наблюдается чашка.
(когда жила с мамой,
их обычно стояло больше).

она морщится, если утром – дела.
и если не получилось побыть одной.
она не терпит утром слова:
«вставай. подъем. надо. должна...».
пора бы себе позволить жить с кем-то
и просыпаться от нежного поцелуя
в шею. несколько раз. и шепота.
но это такая долгая история,
не для этого разговора. но она,
действительно, любит будить
и подавать к постели попить:
«ты будешь чай или мне кофе сварить?».
не любит уходить первая из квартиры.

любит провожать и оставаться одна,
даже если нечем заняться. хотя
иногда хочется резко бежать. первой.
надевать мятые джинсы, футболку, свитер,
быстро почистить зубы,
открыть пошире глаза,
взглянуть на время, зависнуть за чаем
и, наверное, как всегда,
хоть немного да опоздать.
главное, чтобы желудок не плакал.
иначе бьет резко по тормозам и остается,
либо давит на газ и несется туда,
где может побыть одна, пообщаться с болью
(обычно такой разговор
превращается в нецензурный).

вот и живет она. наедине с нецензурой.
не подходит под шаблоны красот, приличий,
общений, каких-то женских черт
и увлечений.
так же проще: не заботиться ни о ком
(а хочется!),
не принимать заботу,
не принимать замечания (а надо бы!).

она ждет того, кто сможет тактично
подобрать ключ и открыть
ее славный мирок,
вливать в него, дополняя, свой
и надолго остаться.
и тогда она утром, подавив зевок,
принесет чашку чая
и разрешит смотреть, как от боли порой
лежит злая.

2010 год

ПОЭЗИЯ

Дарья ВОЛОДСКИХ

25 лет,
художник, переводчица,
Ижевск

«ИНСТИНКТ ЗАВОРАЧИВАТЬ СТРОКИ В ПЕТЛЮ...»

Стихотворения

* * *

Рассветный поезд. Люди соревнуются
В количестве предутренней тоски.
Печаль дежурно надо мной волнуется –
Здесь у меня свои проводники.

Мои сопровождающие в комнате,
Захлопнутой глазами на замок.
Соседи спят, из тела что-то скомкали.
Рассвет не разбудил меня. Не смог.

* * *

Инстинкт заворачивать строки в петлю
И вешать на шею с пометками «бусь».
Нектар моей грусти сосущую тлю
Растенья мои до себя не допустят.

Ведь мой дальтонический взгляд не умел
В оттенках событий заметить всего лишь,
Что серому близки и копоть, и мел,
Смотря какой цвет ты охотней позволишь.

* * *

Тетрадь – это платье непознанных строк,
Прикрытие чувств наготы.
Скрывает обилие внешних пестрот
Стыдливого взгляда черты.

Бумажная клетка – струящийся шелк
Без грубого ворса из букв.
Податлива мыслям, не знавшим еще,
Как страшен прочтения звук.

* * *

Софитам моим не пополнить все же
Ряды ваших вечнозеленых солнц.
Слой затхлости вязкой – мой брат по коже,
Смерть – ежевечерний бодрящий сон.

Порожистой лестниц не знаю подъема.
Роняешь на небо – низвергнись и сам.
Любви бы: не каменной, но неразъемной,
Следов бы твоих в моей жизни лесах.

* * *

Рта твоего
Сломанный круг.
Ни у кого
Нет твоих рук.
Вешней травой
Гляну на свет:
Ни у кого
Глаз твоих нет.

Белой водой
Реки встают.
Я над тобой
Спину склоню.
Шепот во сне,
Вой наяву.
Рук твоих не
Будет ни у...

* * *

Помоги мне привыкнуть к тому, что я есть.
Я боюсь своих рук и того, что в них сжато.
Если хлеб отдам ближнему, о Провожатый,
Значит ли то, что я не хочу больше есть?
Что мне может быть выше, чем стопы людей?
Я с крыльями и то не взлечу им по пояс.
Я в ногах у толпы навсегда успокоюсь.
Протянув руки вверх, покормлю голубей.

* * *

В моей душе, больной душе ребенка,
На стенах как источник красоты
Засохшей краской бережно и тонко
Неярко нарисованы цветы.
Там капли вниз бросаются из крана
Как тихий образец невинных слез.
Искусственная жизнь – мне слишком рано
Испытывать лишения всерьез.
В порыве грусти осень сыплет листья,
Где яркие слова сошли на нет.
Печаль – неловкий взмах щетинной кисти,
И радость – лишь рисунок на стене.

* * *

Я третий этаж двухэтажного дома,
Я палец шестой пятипалой руки.
Неведомый мне и другими ведомый,
Мой разум еще у истока реки.

Привычно, знакомо.

Рождалась раз двадцать,
Вставала на ноги и шла по воде.
Потерянным в вере придется расстаться
С тем чувством, что воздух бывает везде.
О люди, да где вы оформили визы
Границы приличия пересекать?
Тот факт, что стояли уже на карнизе,
Не значит, что вы научились летать.

* * *

О, вечерняя муза копченых свечей,
Что царапаешь слух
простудившейся дудкой?
Не клади сюда взгляды,
мне сделалось жутко
От твоих незаваренно-чайных очей.
И хотя бы от капли подобной воды
Рассыпается грифель пластмассовых перьев
На белесый листочек строками о первом
Превращеньи огня в обесцвеченный дым.

* * *

Впадают в раковину сотни родников,
А дождь идет который день слева направо.
Не добавляйте моей радуге цветов.
Она и черно-белой быть имеет право.

Все горло, грязное от голоса, в пыли,
Но не делись своим дыханием со мною.
Суда бумажные взлетели – на мели,
Осели в небе, как столкнулись со звездой.

Я спровоцировала памятью любовь,
Но мой прогноз был для нее уже просрочен.
Впадают в раковину сотни родников
...и зарастают тиной
в трубах водосточных.

КНИЖНЫЕ ХИТЫ

Борис Гребенщиков. Аэростат 4. Вариации на тему Адама и Евы. С.-Петербург: Амфора, 2012. Вот что сказал об этой книге автор: «Какая же радость, что до сих пор существуют такие группы, музыка которых – отдельная вселенная, и мы можем вдыхать ее воздух, и восторг будет наполнять нас, как теплый газ наполняет аэростат для нового полета. Я рад, что имею возможность поделиться музыкой с читателями этой книги. Потому что музыка – как солнечный свет: она принадлежит всем, право на нее есть у всех, и пока она существует на земле, дверь в мир чудес остается открытой. Остальное зависит только от вас. Конечно, каждый выбирает себе мир, в котором живет, и слышит только ту песню, которая есть в нем самом, но если вслушаться внимательно, понимаешь, что песня эта – безгранична. Чем больше музыки слушаешь в жизни, тем больше узнаешь в чужих, казалось бы, нотах и словах свою собственную душу. Вдруг понимаешь, насколько мы больше того, что думали про себя. Для этого нам и нужна музыка – чтобы с ее помощью расширить себя до размеров Вселенной».

ПОЭЗИЯ

Злата СЕРГЕЕВА

17 лет,
школьница, призер конкурсов
«Юношеская восьмерка в России»
и «Письмо Президенту»,
обладатель гранта «Одаренные дети»,
Ижевск

«ПОЙМАЙ В ЛАДОШКУ ЛИСТ ЛЕТЯЩИЙ...»

Стихотворения

Поймай летящий лист...

Поймай летящий лист березы,
С березы падающий лист.
Он чуть холодный, будто слезы,
Он нежен и по-детски чист.

Его последние мгновенья...
Вот-вот уснет он навсегда.
Но ветер в тихом упоеньи
Кружит, несет его. Куда?

И вот уже надежда тает
Покой в альбоме обрести.
Никто не хочет, не желает
От гибели его спасти...

Уж так задумано в природе –
Листве рождаться каждый год.
Ты пожалей то, что уходит,
Но юной жди весны приход.

Поймай в ладошку лист летящий,
Его паденье удержи.
Почувствуй взгляд его молящий,
На землю тихо положи.

Пусть солнце яркими лучами
Его коснется чистоты...
Осенне-желтыми волнами
На землю падают листья.

Разноцветные веснушки

В голубых веснушках солнце
Улыбается из лужи,
В голубых веснушках небо
Отражается в воде.
В голубых веснушках счастье
Нам, конечно, очень нужно.
В голубых веснушках радость
Просыпается во мне.

Отчего же голубые
Чуть колышутся травинки?

Отчего же вдруг лазурным
Стал ромашковый ковер?
Оттого, что у дорожки,
У извилистой тропинки
Голубой, небесной краской
Покрывали мы забор.

В золотых веснушках света
Ходят взрослые и дети,
В голубых веснушках краски
Лужи, солнце и цветы.
Расскажи друзьям, что счастье –
В пестром, радужном букете
Из веснушек разноцветных
Небывалой красоты!

Я – цыганка

Я – бывавшая всюду цыганка,
Нет дороги мне больше назад.
Я – цыганка: прямая осанка,
Подведенные черным глаза.

Дождь ли, ветер – по миру иду я.
Карты в руки – гадаю я всем.
Там, где хочет, цыганка ночует,
Не решаю чужих я проблем.

И под кашель старинного бубна
Я танцую и в холод, и в зной.
А идти в одиночестве трудно.
Хорошо, что хоть бубен со мной.

А в грозу... Эх, бывало, забьешься
В усыпляющий поезда шум.
Не поймешь: то ли плачешь, смеешься
От нахлынувших на сердце дум.

Я – идущая вечно цыганка,
У меня колдовские глаза,
Грациозно-прямая осанка.
Нет дороги мне больше назад.

ИСКУССТВО ФОТОГРАФИИ

Иван КУЗНЕЦОВ

22 года,
фотограф,
Санкт-Петербург

Луч

Я пришел к тебе с приветом,
Рассказать, что солнце встало,
Что оно горячим светом
По листьям затрепетало;

Рассказать, что лес проснулся,
Весь проснулся, веткой каждой,
Каждой птицей встрепенулся
И весенней полон жаждой;

Рассказать, что с той же страстью,
Как вчера, пришел я снова,
Что душа все так же счастью
И тебе служить готова;

Рассказать, что отовсюду
На меня весельем веет,
Что не знаю сам, что буду
Петь, – но только песня зреет.
Афанасий Фет

Ирина ПРОКОШЕВА

29 лет,
Ижевск

МЫ

Драма в семи действиях

...И болезнь наша называется тело.

Действующие лица:

Я

Лирик

Зануда

Прозаик

Художник

Женщина с рыбой

Читатель (в течение всей драмы сидит на краю сцены и читает подшитые листы. В конце каждого действия перелистывает страницу).

Действие первое

(Я сидит в кресле. Лирик ходит туда-сюда по комнате и декламирует).

Лирик: Как мало слов, чтоб чувство описать,
Как лист бумаги пуст
и как перо прилежно!

Я не писать хочу – хочу отдать

Все, что во мне возвышенно и нежно.

Я: Удивительно: написал стихотворение о том, что ничего не написал.

Лирик: Удивительно, как можно быть таким бесчувственным!

Я: Поэт должен писать о... о... высоком. Например: «Мне счастья нет в безумном мире...».

Лирик (морицась): Это очень плохая поэзия.

Я: Зато высокая.

Лирик: Лирика говорит о любых вещах: и о высоком, и о низком. Повседневность перестает быть повседневностью, когда о ней говорит лирика.

Я (с усмешкой): Тогда попробуй написать о чем-нибудь неприглядном. Например, о сво-

их ботинках.

(Лирик смотрит на ботинки – они такие старые, что вот-вот развалятся).

Лирик: Я попробую.

(Садится в угол, начинает сочинять. За креслом появляется Художник).

Я (не оглядываясь): Ну, подойди *(протягивает руку)*. Что у тебя?

(Художник подходит, подает лист).

Я: Опять глаза *(вглядываясь)*, впрочем, недурно. Как настоящие.

Художник (задумчиво): Кажется.

Я: Ты совсем не уделяешь внимания другим деталям. Только глаза.

Художник: Я пытаюсь разглядеть душу. Для этого совсем не обязательны волосы или уши.

Я: Ты хочешь разглядеть душу человека, а сам рисуешь недочеловеков.

Художник: Сверхчеловеков...

Я: Но-но.

Художник: Сегодня я ехал в автобусе и смотрел на людей...

Лирик (улыбаясь): На неустойчивой платформе
Из года в год опять домой...

Художник: ...И мне вдруг стало страшно –
какие пустые, бессмысленные глаза вокруг!
Мои портреты кажутся мне живее, чем эти
лица.

Лирик (поднимается, подходит ближе): Бес-
численные, бессмысленные лица! Кажется,
я вас понимаю.

Я: Не отвлекайся.

Художник (лирику): Я вас рисовал?

Лирик: И мне ваше лицо знакомо.

Я (лирику): Готово?

Лирик: Да.

Мои ботинки коричнево-старые
У порога как псы усталые.
Одинокие, неудобные,
Не домашние, не приبلудные.
Через лужи шагали беспечными,
Молодыми, красивыми, вечными.
Время белой рекой тянется,
Все на свете, увы, старится.
Почему только люди знают,
Что когда-нибудь все умирает?

Художник: Хорошо, что я так не рисую, как
вы пишете.

Лирик: Обычно я пишу о других вещах.

(За стулом появляется Зануда).

Зануда: О банальных, как и все остальные.

Лирик: Поделитесь небанальной темой.

Зануда: Мы все безнадежно больны. И бо-
лезнь наша называется тело. Которое, как
известно, смертно. Значит, наша болезнь
еще и смертельна.

Все: Что?!

Зануда: Или представьте: вы едете в пере-
полненном автобусе. И стоите так неудачно,
что сзади на вас наваливается чье-то тело.
Сначала вы пытаетесь сопротивляться, упи-
раетесь, толкаетесь. А потом это надоедает,
и вы расслабляетесь. И вдруг чувствуете, что
на вас перестали нажимать. Вы просто стои-
те, и рядом тоже кто-то стоит, и вы прижаты,
но не мешаете друг другу! Невольно при-
ходит мысль о каком-то сосуществовании в
пределах данного пространства. *(Заканчива-
ет говорить, оборачивается – в комнате никого
нет).* Я как раз закончил.

Конец первого действия.

Действие второе

*(Я сидит в кресле, держит в руках тетрадь. Рядом
стоит Прозаик).*

Я: Черт знает что! И этот ненормальный.

Прозаик: Там так не написано.

Я: Я не об этом *(трясет тетрадь)*, я о тебе.

(Появляются Лирик и Художник).

Лирик: Она божественно мила,
А он – сам черт.
Она красива и стройна,
А он – урод...

Прозаик: Самокритично.

Я: Правдоподобно.

Лирик: Ах, как кружится голова!

Ее рука, моя рука –

Всего лишь!

Я: И как будто что-то заново открывают.
Бедняга любовь! Сколько поколений поэтов
тебя терзало!

Лирик: А она скольких? То нежностью возь-
мет, то бушующей страстью, и нет от нее спа-
сения, и от самого себя нет спасения *(хватает-
ся за голову)*:

Не хочу в ее списках значиться
И вот только боюсь наперед,
Что однажды она расплачется,
Повернется спиной и уйдет.

*Художник (стоит поодаль, его никто не слуша-
ет):* Я рисовал ее. И в глазах ее была жизнь.
Жизнь есть, а души нет, душа вся – на бу-
маге. Значит, жизнь бездушна, а душа без-
жизненна. Я не могу рисовать человека, у
которого нет души. Я не могу рисовать душу
без человека *(переходит на шепот)*. Я вообще
не могу больше рисовать *(уходит)*.

(Появляется Зануда).

Зануда: Вот говорят: «И он овладел ею». Что
это значит? Мужчина владеет женщиной
или женщина – мужчиной? Без сомнения,
второе. Ведь это он схвачен, присвоен и те-
лом, и душой. А она... Делает вид, что под-
чиняется, что она – сама слабость, нежность,
любовь. И мужчина думает, что он – король
мира. Но осторожнее! Женщина хитра и ко-
варна. Ее укус смертелен.

Я: Ты говоришь много и не по делу.

Лирик: Рассуждения в любви не годятся.
Только недосказанность, неясность, чув-
ственность владеют влюбленным.

Живу – не живу – не знаю
И не понимаю, зачем
Я часто как зверь рыдаю
На нежном твоём плече...

Я: А где Художник?

Прозаик: Кажется, он ушел совсем.

Я: У тебя нехороший глаз.

Прозаик: Просто я никогда не вру, не пыта-
юсь подсластить пилюлю.

Я (задумчиво): Пришел внезапно и ушел не-
заметно. Как человек.

Затемнение.

Действие третье

*(Я сидит в кресле и, кажется, спит. Рядом си-
дит Лирик).*

Лирик: Убила и не знаешь.

И знаешь. И молчишь...

(Плачет. Входит Зануда).

Зануда: От меня ушла любимая.

Лирик: И от тебя тоже?

Зануда: Она сказала, что я – якорь.

Лирик: В каком смысле?

Зануда: Я ее держу. Она не может разви-
ваться рядом со мной, не может идти даль-
ше... А, в сущности, что такое – якорь? Это
самая несчастная вещь на свете.

Лирик: Почему?

Зануда: Его либо вешают, либо топят.

Лирик: Якорь – не человек, ему все равно.

Зануда: А если человек – якорь?..

Конец третьего действия.

Действие четвертое

(Я сидит в кресле и молчит. Его лицо ничего не выражает, он похож на восковую куклу. Появляется Лирик).

Лирик: Был обычный холодный день... Нет, не так. Последний лист вчерашней осени... Опять не то. Как же сказать...

Я: Ну, не мучайся. Дай себе выходной. Завтра насочиняешь сотню стихов.

Лирик: Вы думаете, сочинять стихи – это как лопатой махать? Что сегодня не успел – завтра доделаю?

Я: Да уж лучше лопатой махать, чем как ты рифмы из себя выдавливать.

Лирик: Выдавливаеть...

(Появляется Прозаик).

Прозаик: Зануда повесился.

Я: Что?

Прозаик: Да. Оставил записку: «Я – якорь».

Я: Якорь?

Прозаик: Якорь! Поди, разберись. Соригинальничал, как всегда.

Лирик: Он мне что-то говорил... Человек... Якорь... Не помню.

Я: Умер...

Прозаик: Все всегда умирают.

Я: Ты и об этом напишешь? Есть в тебе что-то от шакала. Ты питаешься чужой смертью.

Прозаик: Это грубо. Я никогда не говорил, что смерть ужасна. Да я и о смерти-то, в общем, не писал.

Я: *(Роемся в кармане, достает мятую бумагу, разворачивает и читает вслух).* «Очнулся Санька вечером, часов в шесть. Очень болела голова, и тошнило. В комнате на полу лежала мама и смотрела в потолок, не моргая. Санька тупо смотрел на нее с минуту-две, потом поднялся и шагнул к кухне. В дверях кухни на перекладине висел отец. Его глаза были выпучены, взгляд направлен прямо на Саньку, шеем стягивал толстый бельевой шнур. Мир вокруг размок и оплыл. Санька сел на пол, наклонил голову к стене и уснул». Прекрасный образец!

Прозаик: Но я не сказал, что он умер! Здесь каждый домыслит так, как ему удобнее. А даже если и умер, что с того? Кто смог вернуться и сказать, что там хуже?

Лирик: Когда умрем, темней не станет,

А станет, может быть, светлей.

Так, кажется, кто-то сказал... Кто-то...

Я: Все разговоры о смерти. Все оставляет после себя только смерть.

Прозаик: И только смерть ничего после себя не оставляет. Она все заканчивает и ничего не начинает. Идеальная точка бытия.

Конец четвертого действия.

Действие пятое

(Та же комната. Я, как всегда, в кресле, Лирик рядом).

Я: Что происходит на свете?

Лирик: Просто зима.

Я: Я устал от твоих ритмов.

Лирик: Уже не моих. Я, кажется, разучился

писать стихи. А, может, никогда и не умел...

Я: Уходи, ты становишься занудой.

(Появляется Прозаик).

Прозаик: Я написал! Сегодня я написал сказку! Чудесную, великолепную!

Я: Сказка – это не твой жанр. Тебе в пору писать некрологи – ты же убиваешь всех своих героев.

Прозаик: Но здесь *(мнет рукопись)*... Здесь есть надежда.

Я: Только ты можешь видеть надежду там, где ее уже нет. Мир сходит с ума – где это видано, чтобы в плохие времена лирики хандрили, а прозаики находили повод для радости?

Прозаик: Я вас не понимаю.

Я: Часть не может понять целое. Это не страшно. Страшно, когда целое не может понять часть себя самого. И принять. И тогда часть, как любая опухоль, должна быть удалена.

Прозаик: И вы...

Я: Принимаю решение.

Конец пятого действия.

Действие шестое

(Комната без Я. Тени на стене – то ли кольшицающаяся на ветру штора, то ли силуэты людей).

Лирик *(а, может, его тень):* Как спокойно и тихо.

(Замечает сидящего в углу Зануду).

Лирик: Йорик, привет! Сколько зим, сколько лет.

Я тоже сюда на хранение...

(Внезапно в окно заглядывает луна, комната освещается, показываются силуэты Художника и Прозаика).

Художник: Когда-то я писал людей.

Лирик: А я для людей.

Зануда: А я о людях.

Прозаик: А я о конечности человеческого бытия.

(Уходят по очереди за ширму. С другой стороны выходит Я).

Я: ...только почему не оставляет меня чувство, будто я не один? Будто кто-то все просится во мне... *(Прислушивается, затем, вздрогнув):* Кто здесь?

—:

Я: Художник, это ты молчишь?

—:

Я: Нет. Ты – кто-то другой. Я знаю. Я чувствую. Ты не умеешь говорить, за тебя говорят другие. Откуда ты? Почему я не могу остаться самим собой? Слова, которые я произношу, мои? Отвечай!

Конец шестого действия.

Действие седьмое

На сцену выходит женищина в платке и фартуке. В руках у нее связка копченой рыбы. Читатель поднимается, протягивает ей деньги, заворачивает в листы пару жирных рыбин, и они расходятся.

Конец

Марк РАЗЕНКОВ

20 лет,
студент Южнокорейского
Keimyung University,
Ижевск

АБСОЛЮТНОЕ И ОТНОСИТЕЛЬНОЕ ЧТЕНИЕ

Информация на стыке науки и эзотерики, краткие экскурсы в историю, зоологические миниатюры и кулинарные рецепты, – все это объединено в книгу под многообещающим названием «Энциклопедия абсолютного и относительного знания». Основной принцип отбора фактов – чтобы они «заставляли искриться нейроны», то есть, чтобы над ними было интересно поразмыслить. Авторство этого своеобразного произведения приписывается вымышленному профессору Эдмонду Уэллсу, который в течение жизни коллекционировал удивительные и малоизвестные факты. Но на обложке значится имя хорошо знакомого русскому читателю французского писателя Бернарда Вербера.

Проблематика произведения заявлена в самом начале, где Вербер пишет: «Все есть в едином (Авраам). Все есть любовь (Иисус Христос). Все есть секс (Зигмунд Фрейд). Все есть экономика (Карл Маркс). Все относительно (Альберт Эйнштейн). А дальше?». Сам Вербер, будучи умным человеком, не пытается претендовать на роль гуру, за что его хочется особо поблагодарить. Задаваясь вопросом «Что дальше?», автор дает наводку, если хотите, нить времени, согласно которой каждый сам найдет ответ на этот вопрос.

Возможно, многие не поймут хаотичности книги, не воспримут всерьез истории об аргентинских муравьях, сексуальности постельных клопов или коне по кличке Ганс, хорошо разбиравшемся в математике. По

сути, Вербер преподносит читателю поверхностный пересказ разных знаний из области психологии, философии и физики в виде калейдоскопа ситуаций. Но именно вникая в суть некой ситуации, мы можем сделать для себя полезные выводы.

«Энциклопедия абсолютного и относительного знания» часто упоминается в романах Вербера. В ней собраны и обобщены все необычные факты, упоминаемые в других книгах, и добавлены новые. Те, вероятно, что лягут в основу будущих произведений. Статьи «Энциклопедии» не подчиняются ни алфавитному порядку, ни какой-либо иной структуре, поэтому ее можно начинать читать с любой страницы.

Бесполезно искать в «Энциклопедии» черты какой-либо закономерности. Это просто сборник забавных сведений и занятных историй, однако некое общее тематическое направление в ней все-таки прослеживается. Основная идея «Энциклопедии» – найти способ улучшить жизнь человечества. Вербер приводит множество сведений о проектах идеальных обществ и опытах, осуществленных людьми, животными и даже насекомыми. Не все из них показаны удачными или хотя бы привлекательными, однако автор и не пытается убедить вас в том, что единственный «правильный» взгляд на проблему существует в природе. Не пытается он также доказать, что главный носитель правильного взгляда – он сам. Но его «Энци-

клопедия» вдохновляет!

Читателю Вербера необходимо мыслить нестандартно, уметь не только следить за сюжетом, но вчитываться и воспринимать послание: «Все, что окружает вас во времени и пространстве, зачем-то нужно. Нужны вы. Ваша эфемерная жизнь имеет смысл. Она ведет вас не в тупик. Имеет смысл все. Действуйте. Сделайте что-нибудь, сделайте какое-нибудь небольшое дело в вашей жизни перед тем, как умереть. Вы родились для чего-то. Поймите, для чего вы родились».

Действительно, каждый из нас должен найти себя в этом мире. Человек не должен быть пассивным участником своей жизни. Каждый день дает нам возможность проявить свои самые лучшие качества. Именно из совокупности правильных, разумных, а, главное, доброжелательных поступков можно будет с уверенностью сделать вывод: я не зря прожил свою жизнь. «Никто не может заменить вас самих на пути к знанию. И обязательно наступает момент, когда надо следовать по этому пути самому, как бы трудно это ни было». Согласно этой цитате из «Энциклопедии», рано или поздно приходит момент собственного осознания реальности без помощи извне.

Я бы посоветовал прочитать эту книгу не

только взрослым, но и детям. Для них будет крайне интересно узнать те факты, о которых почти наверняка не скажут в школе. И главное – «Энциклопедия» научит их думать. «Мозг изнашивается тогда, когда его не используют» – еще одна цитата из Вербера, с которой нельзя не согласиться.

Современный человек утратил любовь к книге и потребность в чтении. Мне кажется, что в год двухсотлетия со дня рождения В.Г. Белинского важно говорить именно об этой утрате и в ней видеть корень многих современных проблем России. Значение Белинского, его влияние на русскую литературу и общественную жизнь было громадно, оно чувствуется до сих пор. Его убежденность в просветительской миссии литературы особенно актуальна сегодня, когда постмодернистская культура привела общество к некой критической точке.

Именно к новому поколению авторов-просветителей можно отнести и Бернарда Вербера. Главное достоинство этого автора – его стремление побудить читателя мыслить самостоятельно. Бернард Вербер и его «Энциклопедия» – это точка отсчета для человека, который хочет совершенствоваться, познавать себя и мир вокруг. Читайте, познавайте, обучайтесь. Давайте будем действовать!

КНИЖНЫЕ ХИТЫ

Американский литературный журнал «The Millions» опубликовал список двадцати лучших книг XXI века. Вернее целых два списка. Один вариант составлен читателями журнала, которые голосовали в специальной группе в Facebook`е, а второй составлен экспертами издания, в число которых вошли журналисты, критики и писатели. По многим позициям читательский и экспертный рейтинги совпадают: десять книг попали и в читательский рейтинг, и в двадцатку, составленную экспертами. Четырнадцать книг из тридцати, вошедших в оба списка, переведены на русский язык. Итак, перед вами список читательских предпочтений:

1. Жуно Диас. **Короткая и удивительная жизнь Оскара Уо**
2. Роберто Боляньо. **2666**
3. Джеффри Евгенидис. **Средний пол**
4. Дэвид Митчелл. **Облачный атлас**
5. Кормаг Маккарти. **Дорога**
6. Иэн Макьюэн. **Искушение**
7. Майкл Чабон. **Приключения Кавалера и Клея**
8. Джонатан Франзен. **Поправки**
9. Marilynne Robinson. **Gilead**
10. Зэди Смит. **Белые зубы**
11. Харуки Мураками. **Кафка на пляже**
12. Халед Хоссейни. **Бегущий за ветром**
13. Кадзуо Исигуро. **Не отпускай меня**
14. Винфрид Георг Макс Зебальд. **Аустерлиц**
15. Richard Russo. **Empire Falls**
16. Alice Munro. **Runaway**
17. Colm Toibin. **The Master**
18. Нгози Адичи Чимаманда. **Половина желтого солнца**
19. Джумпа Лаири. **Необычная Земля**
20. Сюзанна Кларк. **Джонатан Стрендж и мистер Норрелл**
(источник: livelib)

Дмитрий СТРЕЛКОВ

28 лет,
работник редакционно-издательского отдела
Камского института гуманитарных
и инженерных технологий,
Ижевск

ОЧАРОВАНИЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО ДЕТЕКТИВА

На севере Франции недалеко от Кале есть мыс Гри-Не, «Серый мыс». В ясную погоду с него видны Белые скалы Дувра. Именно им Англия обязана своим римским названием «Альбион». На вершине их расположен «Ключ к Англии» – Дуврский замок. Вслед за римлянами и англосаксами эти земли притягивали к себе и норманнов, которые и основали новую королевскую династию в 1066 году. Третий представитель этой династии Генрих I, младший сын Вильгельма Завоевателя, поздней осенью 1120 года, после отвоевания Нормандии у своего старшего брата Роберта Куртгеза, отправился со всем двором из французского Барфлера в английский Саутгемптон через Ла-Манш. Таким образом, единство англонормандской монархии было восстановлено. И все бы ничего, но «Белый корабль», на котором плыл единственный сын и наследник короля Вильгельм Аделин, разбился, не успев отойти от нормандского берега.

На одном из уцелевших кораблей в Англию плыл и валиец Кадфаэль ап Мэйрил ап Дафид. Лет ему было уже за пятьдесят. Он вдоволь настранствовался по Европе, Тунису, был и моряком на Средиземном море, и, приняв крест на свои одежды, бился в Святой земле. Ныне же после многолетних странствий он возвращался на большую родину в Шрусбери, столицу графства Шропшир. После небольшого ряда событий

становится монахом бенедиктинского монастыря Святых Петра и Павла в Шрусбери. При этом брат Кадфаэль является вымышленным персонажем, сыщиком-любителем и главным героем всех двадцати книг серии романов английской писательницы Эллис Питерс (настоящее имя – Эдит Перджтер).

Описываемые в серии книги события – это эпоха гражданской войны в Англии между королем Стефаном и его кузиной императрицей Матильдой 1135 – 1154 годов. И хотя юридически она была графиней по второму своему мужу, титул покойного первого супруга, императора Священной Римской империи, был более пафосным.

События охватывают Южную Англию, Западный Мидленд и Уэльс. Главный герой лично видит и часто даже вступает в диалог с реальными историческими фигурами: это и оба соперничающих «монарха», и Роберт Глостерский, крупнейший государственный деятель той поры, и Архиепископ Кентерберийский.

Брат Кадфаэль – средневековый аналог современного сыщика: наблюдательный, знающий жизнь и искренне приверженный справедливости, человек, обладающий широчайшими познаниями о мире и неистощимым запасом терпимости по отношению к людям, опытом крестоносца и моряка, знававшего и возвышенные порывы, и горькие разочарования, – эти черты с самого начала

Современный монах бенедиктинец, стали частью образа.

Первый роман, написанный Эллис Питерс о брате Кадфаэле, вовсе не был первым в его художественной «жизни». Сама автор писала, что, создав «Страсти по мощам» (о поиске останков святой Уинифред), сразу взялась за детективы на современную тематику. В XII век же вернулась, «когда не смогла противостоять искушению» написать о драматических событиях, связанных с осадой Шрусбери войсками короля Стефана.

Итак, если следовать хоть и вымышленной, но исторической хронологии, вчерашний крестоносец берется проводить своего сеньора до королевского суда в Вудстоке. После этого по взаимному договору он может вернуться домой и жить тем, что изберет. Здесь и происходит первое детективное приключение, главным «предметом» поиска которого является пропавший приор аббатства, приехавший с важными юридическими бумагами. Сам Кадфаэль, как видно из произведений, всегда веровал, веровал безоговорочно и никогда не терзался мучительными сомнениями, ибо оставался чужд вздорным ересям, не примыкал к сектам и не вникал в теологические тонкости, породившие церковный раскол.

После общения со старым монахом наш герой переживает внутреннее откровение. Он открывает для себя и принимает как данность тот факт, что прежняя его жизнь, деятельная и зачастую сопряженная с насилием, пришла к своему естественному завершению. Ныне перед ним встают иные задачи и ждет его иная судьба. Он идет за ответом в храм и находит его.

« – Сэр, – с укоризной в ломком, высоком голосе промолвил мальчуган, сердито постукивая пальчиком по рукояти меча. – Сэр, вы

не находите, что, вступая в Божий храм, оружие следовало бы отложить в сторонку?

– Сэр, – ответил Кадфаэль в тон ему, столь же серьезно, хотя и с легкой улыбкой. – Я нахожу ваше замечание более чем справедливым. Видимо, вы правы, сэр.

И тут, повинувшись неожиданно пришедшему откуда-то изнутри порыву, Кадфаэль медленно расстегнул пояс и, шагнув вперед, положил меч на самую нижнюю из алтарных ступеней.

Там, у подножия алтаря, грозное оружие выглядело мирно и, что удивительно, вполне уместно».

Став монахом по велению сердца, он, полагая, что на то есть основания, может позволить себе отступить от строгих монастырских правил, но свято чтит орденский устав и никогда не забывает принесенного обета.

Мировой литературе известны примеры, когда герой обретал некую самостоятельность и сам начинал «диктовать» автору свою волю. Бессмертный Шерлок Холмс так допек сэра Артура Конан Дойла, что тот спокойно «скинул» его в пучину Рейхенбахского водопада. Оказалось, что убить литературное детище труднее, чем породить его. Есть легенда, что после этого к Конан Дойлу обратились из Букингемского дворца: наследник престола отказывался читать другие книги, кроме как о Холмсе. В любом случае именно возмущенные читатели заставили автора воскресить героя.

Однако у Эллис Питерс подобных проблем, похоже, не возникало. Брата Кадфаэля она любила всем сердцем, и то, что он оставался ее неразлучным спутником на протяжении почти двух десятилетий, ничуть ее не тяготило. В 1993 году на вопрос журналиста, станет ли она снова Эдит Перджтер, та ответила: «Куда там, похоже, я запродала брату Кадфаэлю до конца своих дней!».

Брат Кадфаэль, безусловно, занял достойное место в ряду своих литературных собратьев – великих сыщиков, чья мудрость и проницательность способствовали торжеству добра и попранию порока. Недаром Шрусберийское аббатство – точнее, то, что от него осталось, – превратилось в музей литературного героя, едва ли не столь же популярный, как всемирно известная квартира на Бейкер-стрит. Более того, старинный комплекс монастырских строений постепенно обретает близкий к первоначальному вид

именно благодаря неиссякаемому потоку туристов, желающих собственными глазами увидеть места, связанные с жизнью и приключениями коренастого, смуглого валлийца – смиренного монаха обители Святых Петра и Павла.

Кадфаэль работает в тесном сотрудничестве со своим другом, шерифом Хью Берингаром из Мэзбери, что на севере графства. Берингар, введенный во втором романе, «Лишний труп», является главным союзником Кадфаэля в стремлении к справедливости. Он присягнул на верность королю Стефану, в то время как монах на протяжении всего повествования так и сохраняет нейтралитет в выборе партий. Время от времени шерифу приходится выбирать между лояльностью к правосудию короны и частным взглядом Кадфаэля на несправедливости мира.

Монашеское служение в монастыре является центральной частью повествования о жизни Кадфаэля. Религия служит основой для описания его характера, а также атмосферы и действия историй. Устав святого Бенедикта является основой монастыря Святых Петра и Павла, который лежит на восток через реку Северн от крепостной стены Шрусбери. Святой Бенедикт, объединяя монашеское братство, считал, что физический труд и соблюдение духовных обетов помогают прийти к здоровью души. Кадфаэль находится в аббатстве на должности травника благодаря знаниям о разных растениях и снадобьях, почерпнутых им во времена его средиземноморских путешествий.

Кадфаэлю вполне удобно с норманнами, с англо-саксами. Хотя читавший «Айвенго» Вальтера Скотта прекрасно может себе представить этнические конфликты той эпохи. Наш герой легко перемещается среди валлийских и английских земель, свободно говоря на обоих языках. Со свободными гражданами и вилланами, с богатыми и бедными мещанами, с членами низкой и высокой аристократии, в рамках племенной и феодальной общины, церкви и светской иерархии, он говорит свободно с могущественными феодалами и князьями Церкви. Когда один виллан обращается к нему, называя «господином» («master»), то Кадфаэль быстро поправляет его: «Никому господин, всем брат, если позволите» («No man's master, every man's brother, if you will»).

Последний роман серии называется «По-

каяние брата Кадфаэля» и отнесен к ноябрю 1145 года, когда и у главного персонажа наступает осень жизни. Впервые монаху пришлось нарушить обет, данный Ордену, братьям и аббату; это грозило отлучением от его духовной семьи. Не будем здесь публиковать спойлеры, скажем лишь, что последние слова хроник были:

« – Довольно, – промолвил аббат Радульфус. – Поднимайся и ступай с братьями в хор».

«Хроники брата Кадфаэля» представляют собой тесное переплетение исторических фактов и художественного вымысла, причем вымысел этот исторически весьма достоверен. Если какое-либо из описанных Эллис Питерс событий британской истории неизвестно, то и доказать, опираясь на факты, что его не происходило, никакой возможности нет. Автору удалось создать уникальную и завораживающую атмосферу средневековой Англии, одобренную классическим английским же детективом.

Английский журналист, историк и литератор Робин Уайтмен попытался разобраться, кто есть кто и что к чему в «Хрониках брата Кадфаэля». В книгах о брате Кадфаэле упомянуто более тысячи имен и географических названий. Создавая путеводитель «по миру брата Кадфаэля», Робин Уайтмен проделал колоссальную работу, и работа эта увенчалась успехом. Из-под его пера вышла уникальная книга. Это своего рода энциклопедия, кладезь сведений о современной и средневековой Англии и Уэльсе. Множество интереснейших и зачастую совершенно неожиданных сведений станет достоянием каждого, кто прочтет путеводитель Робина Уайтмена. Прочтет и еще раз вспомнит Эллис Питерс – улыбчивую старушку из английской провинции, писавшую о классическом средневековье даже на своем девятом десятке. Ну, а в романах-хрониках о средневековом монахе читатель наверняка найдет большое количество интересных ему уникальных персонажей: и «ловца утопленников» Мадога, и мудрого аббата Радульфуса, и приора Роберта с его нормандской феодальной родословной, и многих других. Также вполне обстоятельно и подробно создана атмосфера настоящего английского средневекового монастыря. Всем любителям исторических детективов и поклонникам средневековья можно смело рекомендовать цикл романов «Хроники брата Кадфаэля».

Владимир ГУРЬЯНОВ

16 лет,
ученик Удмуртской государственной
национальной гимназии
имени Кузубая Герда,
поселок Кизнер,
Удмуртская Республика

«ДАВАЙ С ТОБОЙ ПОСМОТРИМ НА ЗВЕЗДУ...» О творчестве Василия Михайловича Ванюшева

В 1995 году 20 сентября, когда я появился в Кизнере на белый свет, родители дали мне имя Владимир или Володя, фамилию – Гурьянов, отчество – Иванович. В настоящее время я учусь в ижевской национальной гимназии имени Кузубая Герда.

Ребенок идет в школу в семилетнем возрасте. В это время он еще мал, и у него маленький жизненный опыт. Для ребенка школа учения есть школа жизни. Совместив понятия жизни и школы, мы получаем место, где учимся жить среди людей, похожих и непохожих на нас.

Дружба, любовь, ответственность, иногда вражда – это те чувства, которые мы переживаем в школе. Получается, что кроме уроков знаний школа дает нам первые уроки жизни, а им нужно учиться всегда.

Каждый человек – это отдельная яркая личность. В начальной школе я не знал, что такое исследовательская работа, проект и еще многих разных вещей. А теперь школа и учителя не только рассказали, что это такое, но и научили самому писать работы, исследования. За это я благодарен своим учителям: учительнице русского языка Нине Якимовне Крючковой и поэту Василию Михайловичу Ванюшеву. Нина Якимовна учила наш класс писать красивые сочинения. Сочинения наших учеников всегда занима-

ли призовые места в районе. Под ее же руководством исследовательские работы ребят не раз занимали призовые места в республике. Позвольте подробнее рассказать вам о работе с Василием Михайловичем Ванюшевым.

Удмуртский край – родниковый край. Родник в данном случае – это человек, у которого талант бьет через край его души. Таким человеком, мы знаем, является Василий Михайлович Ванюшев. Он родился 10 февраля 1936 года в деревне Нижняя Кусо-Какся Кизнерского района. Родная земля вкормила его, научила с ранних лет трудиться, любить мир, природу. Сельская школа, Можгинское педучилище, факультет журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова, работа в редакциях газет «Советская Удмуртия», «Комсомолец Удмуртии», аспирантура в Академии общественных наук, защита кандидатской и докторской диссертаций – это те ступени, по которым он шел, осваивая науку знания жизни.

Мое первое знакомство с В.М. Ванюшевым произошло на мероприятии «Таланты земли Кизнерской», когда я учился в шестом классе. Ярко помню тот момент, когда мы с друзьями стояли на улице и ждали Василия Михайловича. Вечер был зимний, морозный. Мы стояли и мерзли, прыгали с ноги на ногу, потирали озябшие щеки и ладони.

И вдруг во двор школы заходит какой-то человек. Почему-то мы все сразу догадались, что это Василий Михайлович. Сердце забилося, ноги стали ватными. Уже не замечая холода, мы стояли и смотрели на него, потом поздоровались и, радостные, побежали в школу.

Наш класс представлял проект «Творческий путь В.М. Ванюшева». Каждому в классе было дано поручение ответить на простые вопросы: кто он такой? каких успехов добился? чем славятся созданные им произведения? как организовать работу по исследованию его творчества? как ознакомить с его биографией и творчеством всех учащихся нашей школы? как заинтересовать жителей района?

Предстояло выполнить большую и нелегкую работу, поэтому никто не сидел без дела: кто учил песню, слова которой были написаны нашим гостем Василием Михайловичем, кто искал музыку к этой песне, кто писал сочинение, кто рисовал рисунки к его произведениям, кто учил наизусть его стихотворения, кто ходил к сестре Василия Михайловича, живущей в Кизнере. Все ребята были настолько заинтересованы, что никого не нужно было заставлять. Все они с огромным желанием принимались за любую работу, которую выполняли с большим удовольствием. Благодаря стараниям и усердному труду моих одноклассников сценарий вечера был готов, была выпущена газета.

Во время нашей работы мы познакомились с такими произведениями: «Удмурт выжы книга», «Дорвыжъ», поэма «Меми гоштэт», стихотворения из сборников «Аръсын ваче син» и «Солнечный каравай», некоторые тома из десяти сборников сочинений Г.Е. Верещагина, отредактированных и выпущенных В.М. Ванюшевым.

Завершением проекта, как я уже упоминал, был литературный вечер, на котором присутствовал сам Василий Михайлович. Нам с Мариной Брагиной выпала большая честь быть ведущими этого вечера. Мне очень понравилось вести наш вечер в присутствии такого важного человека как Василий Михайлович. И, несомненно, литературный вечер удался на славу и запомнился всем присутствующим.

Но после завершения проекта мне захотелось продолжить работу, начатую всем классом. Мое желание поддержал Василий Михайлович и написал мне письмо, в котором попросил сделать литературный анализ пяти его стихотворений из сборника «Солнечный каравай», никем до меня не исследованных.

Начались дни работы над стихами. День за днем, строка за строкой, страница за стра-

ницей продолжалось написание работы. Все для меня было ново, встречалось много интересных, непонятных вещей. Всему приходилось учиться: поиску литературоведческих терминов, написанию основной части, правильному оформлению работы, выступлению перед большой публикой. Мне очень нравилось анализировать стихотворения, искать их тайный смысл, находить метафоры, эпитеты, сравнения, олицетворения.

Месяцы кропотливого труда, и моя исследовательская работа была готова. Ее презентация прошла в Кизнерском ПУ-30. Там перед студентами и самим Василием Михайловичем я успешно защитил свою первую в моей жизни исследовательскую работу. Заместитель директора по методической работе ПУ № 30 Ираида Анатольевна Шабардина отметила в рецензии, что учащиеся 16-18 лет «смотрели на двенадцатилетнего Володю и слушали его на одном дыхании, прерывая его выступление только аплодисментами».

Позднее с этой работой я выступил на республиканском конкурсе школьных творческих работ. В республике эту работу отметили, присудив мне второе место. В тот день я и не думал, что войду хотя бы в тройку. Соперники были достойные, и каждый заслуживал награды. Но в этот день судьба повернулась ко мне лицом. Я был несказанно рад, услышав свою фамилию со сцены.

Самое первое и самое понравившееся мне стихотворение Ванюшева, которое я прочитал, – «Маяк»:

Давай с тобой посмотрим на звезду.
Ты видишь, вот она – горит над лесом.
Мы у нее все время на виду,
Она как будто смотрит с интересом.
Возможно, это людям добрый знак,
Его мы понимаем понемногу.
А знаешь, может быть, звезда – маяк,
Чтоб во Вселенной находить дорогу?..

Это стихотворение написано пятистопным ямбом и перекрестной женской и мужской рифмой, каждый второй и четвертый стих имеют дополнительный безударный слог после пятой стопы. Оно написано простым, доступным языком и заканчивается риторическим вопросом, на который каждому предстоит ответить самому.

Лирический герой рассуждает вслух, вступает в диалог с читателем, чтобы привлечь его внимание на ту звезду, которая «горит над лесом». Являясь маяком во Вселенной, она может служить путеводителем в жизни. «Возможно, это людям добрый знак, его мы понимаем понемногу...». Лирический герой предупреждает и беспокоится за нас, читателей, чтобы мы мимо этого маяка не прошли, сумели увидеть и оценить зажигающего

своей доброй энергией и указывающего нам праведный путь человека.

Очень часто люди блуждают по темному бездонному пространству, которое таит в себе много опасностей и неприятностей. Но в значении «маяк» можно представить себе и человека, который идет впереди тебя и своим горящим факелом, своими добрыми делами указывает тебе дорогу прямо за ним.

Наверное, для многих людей этим маяком были А.С. Пушкин, Леонардо да Винчи, М.В. Ломоносов, герои-панфиловцы. Их произведения, открытия, подвиги служили и служат нам до сих пор образцом для подражания.

Лично для меня таким маяком является Василий Михайлович Ванюшев. Я восхищаюсь его талантом, целеустремленностью, настойчивостью, работоспособностью и мечтаю стать таким же, как он. Чтобы вырасти до его уровня, мне освещают путь множество других ярких и не таких ярких маяков. Это и мои родители, и мои учителя, и мои друзья.

На белом свете каждому человеку очень важно иметь свой собственный маяк, идеал, к которому он должен стремиться, чтобы достойно и честно прожить жизнь и оставить после себя добрый след, как герои стихотворения «Красные звезды»:

Красные звезды деревни моей,
Звезды у многих ворот:
Эту звезду называют «Андрей»,
Эти – «Иван» и «Федот».
Сколько же их не вернула война!
Деды.
Отцы.
Сыновья...
Помнят о них и земля, и страна,
Помнит деревня моя.

Мне очень нравятся произведения о войне. Это стихотворение, в частности, тоже о ней, вернее – о жизни во время и после войны. Жизнь – это небо, бесконечно высокое и необъятное. Жизнь человека похожа на жизнь звезды. Жизнь, как звезда, может тихо потухнуть от старости или внезапно упасть, погибнуть. Война – это черная дыра, которая засасывает все, что попадет к ней на пути. Какой длины был путь звезды? Сколько звезд пропало в неизвестности?

Но на это стихотворение можно посмотреть и с другой стороны. В прямом смысле красные звезды – это прибитые к воротам звездочки, которые означают, что кто-то из семьи не вернулся с войны. Красный цвет – цвет крови. С одной стороны, это символ смерти, который напоминает о фронтовиках, убитых вражеской пулей. С другой стороны, красный цвет – это символ жизни, здоровья. В Древней Спарте умереть со своим царем за жизнь своего народа было большой честью.

И наши фронтовики тоже отдали свои жизни ради жизни своих детей, своей страны. У каждой звезды есть свое имя: «Эту звезду называют «Андрей», эти – «Иван» и «Федот». Это означает, что подвиг каждого человека бессмертен, имя его будет в памяти народа в веках. Вторая строфа стихотворения написана лесенкой, что подчеркивает значимость каждой отдельной личности, ценой смерти которой добыта победа в бою. Чтобы победить, каждый воин, наверное, представлял себе что-то важное в жизни:

Самое важное –
Хлеб на столе,
Друг за твоим столом.
И светом радости
Наполнен дом.
Живой и ясный
Родниковый глаз
Водой прозрачной
Светится для нас.
Ты эту чистоту
Не замути,
Когда тебе
Он встретится в пути.
Пока ты жив –
Нужны тебе всегда:
Друзья, и хлеб,
И чистая вода.
Да будет чистым
Родниковый глаз!
Да будет счастлива
Земля у нас!

По традиции издавна на Руси самых дорогих гостей встречают хлебом и солью. Цена хлеба велика. И в этом стихотворении подчеркивается, какое значение имеют в жизни каждого человека хлеб, родниковая вода, друзья. «Хлеб», «друг», «стол» – это те символы, которые приносят «радость» в каждый дом. Без хлеба насущного немислима жизнь.

Прозрачный родник показан как живой человек. Автор использует прием олицетворения, чтобы раскрыть великую силу родника, способного исцелить больного и загубить здорового. Об этой волшебной силе воды немало сложено народных сказок, легенд. Их герои часто используют «живую» и «мертвую» воду: «Ты эту чистоту не замути...». Противопоставление чистой и мутной воды символизирует эту «живую» и «мертвую» воду. В риторическом обращении автор призывает читателя к соблюдению правил экологии, с одной стороны, и к душевной чистоте, – с другой. Метафорой «живой и ясный родниковый глаз» автор обращает внимание на то, что родник замечает все наши добрые и злые помыслы. Своей «прозрачной водой» (эпитет) он освещает, благословляет и направляет нас на праведный путь.

Стихотворение заканчивается восклицаниями – призывами к бережному, трепетному отношению к дарам природы.

Не случайно, наверное, и сборник стихов назван Василием Михайловичем «Солнечный каравай». Ведь Солнце – это символ жизни, и круглый каравай – тоже как маленькое солнышко, которое ежедневно греет нашу душу в прямом и переносном смысле.

Стихи, помещенные в этом сборнике, поразили меня глубиной содержания, простотой и красотой слова, своей краткостью, емкостью: они очень легко запоминаются.

Результаты нашей общей работы – сочинения ребят – были напечатаны в районной газете «Новая жизнь». Василий Михайлович оценил мою работу на «отлично» и предложил дальнейшее совместное сотрудничество. Я получил от него письмо с рецензией предыдущей работы и новым заданием.

Следующее задание – анализ поэмы «Мамино письмо». Необходимо отыскать разные виды повторов: словесный, фразовый, ситуационный.

Это задание потруднее. Об этом говорит и сам Василий Михайлович в письме: «Понимаю, задание непростое. Но лишь преодоление трудностей открывает нам пути вперед. Не так ли?».

С этой работой я справился, представив ее на районной краеведческой олимпиаде.

Умение писать исследовательские работы дало мне возможность оформлять проекты и презентации. Благодаря моим наставникам я завершил проект «Песни, опаленные войной» и подготовил, пользуясь услугами Интернета, презентацию к нему. С этим проектом мы выступали перед учениками нашей школы. На глазах некоторых учителей и детей мы видели слезы...

КНИЖНЫЕ ХИТЫ

***** Десять недавних экранизаций

«Жена путешественника во времени» (2008) по одноименному произведению Одри Ниффенеггер. Сразу же после выхода книга попала в список бестселлеров «The New York Times». Романтическая история любви, над которой не властны капризы времени, собрала целую армию поклонников по всему миру.

«Загадочная история Бенджамина Баттона» (2008) по одноименному рассказу Френсиса Скотта Фицджеральда. Трагическая история жизни «наоборот». Разработку экранизации романа Фицджеральда знаменитый режиссер Дэвид Финчер начал еще в 1994 году. Пятнадцать лет спустя фильм стал событием 2009 года, получил несколько престижных наград, в том числе статуэтки Оскара.

«Слепота» (2008) по одноименному роману известного португальского писателя Жозе Сарамаго – крупнейшего писателя современной Португалии, лауреата Нобелевской премии. «Слепота» – одна из наиболее известных его книг. Сюжет одноименного фильма разворачивается в крупном мегаполисе, жителей которого захватила неизвестная эпидемия.

«Шопоголик» (2009) по книге Софи Кинселлы «Тайный мир Шопоголика». Книги Софи Кинселлы о Шопоголике были переведены на 32 языка и уверенно держат позиции в списках бестселлеров по всему миру.

«Посылка» (2009) – триллер по мотивам рассказа Ричарда Мэтисона «Кнопка, кнопка». Мистический триллер «Посылка» снял культовый режиссер Ричард Келли. В основе сюжета – вопрос, изменивший жизнь героев фильма. Смогут ли герои отнять жизнь у незнакомца, чтобы изменить свою?..

«Норвежский лес» (2010) – экранизация культового романа Харуки Мураками. В российский

прокат вышел одноименный фильм режиссера Ань Хунг Чана. Картина представляет собой настоящий мультикультурный феномен. «Норвежский лес» – это японский фильм вьетнамского режиссера, проживающего во Франции. Саундтрек фильма включает в себя музыку американско-британских рок-групп и оригинальную музыку солиста «Radiohead» Джонни Гринвуда.

«Милые кости» (2010) – экранизация одноименного мирового бестселлера американской писательницы Эллис Сиболд. Права на экранизацию романа выкупил известный режиссер Питер Джексон. Главные роли в фильме исполнили Рэйчел Вайс, Сьюзан Сарандон и Марк Уолберг.

«Призрак» (2010) – экранизация одноименного романа Роберта Харриса. Сценарий фильма написали режиссер Роман Полански и Роберт Харрис, автор романа, по мотивам которого снят фильм. Политический триллер о работе «литературного негра» по составлению мемуаров британского премьер-министра стал лидером по числу номинаций на «Евро-Оскар» 2010 года.

«Не отпускай меня» (2011) – экранизация романа Кадзуо Исигуро. Книга «Не отпускай меня» по праву входит в список ста лучших английских романов всех времен по версии журнала «Time». Это история любви, дружбы и памяти. В прошлом году состоялась российская премьера фильма.

Экранизации трилогии «Миллениум» известного шведского писателя Стига Ларсона. На сегодняшний день Стиг Ларссон – один из самых читаемых авторов в мире. Все книги трилогии «Миллениум» – «Девушка с татуировкой дракона», «Девушка, которая играла с огнем», «Девушка, которая взрывала воздушные замки» – были экранизированы в Европе, шведская актриса Наоми Рапас блестяще сыграла главную героиню.

Виталий АНДРУЛИС

22 года,
студент,
Санкт-Петербург

Оксана

Этот мир не случавил с тобою,
Ты внезапно прорезала тьму,
Ты явилась слепящей звездой,
Хоть не всем, только мне одному...

И, таинственный твой собеседник,
Вот, я душу мою отдаю
За твой маленький детский передник,
За разбитую куклу твою.
Николай Гумилев

Взгляд оставляет на вещи след.
Вода представляет собой стекло...
Иосиф Бродский

Вода и стекло

ПРОЗА

Леонида БОГОМОЛОВА

19 лет,
студентка,
Ижевск

ЗАПОЗДАЛАЯ ЛЮБОВЬ

Рассказ

Всеслав Алексеевич сидел в комнате один. И в буквальном, и в переносном смысле. Его дочь Горислава ушла с подружкой Любой выбирать платя для выпускного вечера. Его жена, мать Гориславы, уже давно умерла. Его любовь, коллега Наташа, бессердечная эгоистка, разошлась с ним еще тогда, когда Горислава училась в седьмом классе. Всеслав Алексеевич целиком отдал себя работе. Насчет того, что с дочерью будет жизнь, полная хороших взаимоотношений, его грызли сомнения. Вчера его девочка, его кровинка весь вечер трещала: мол, как же я расстанусь с классом, с ребятами, мы же столько вместе учились; а с биологичкой любимой как же я расстанусь, да и с литераторшей, и с хористкой; ну, а технологичку не жалко, но, с другой стороны, с биологичкой я не хочу расставаться, она же меня любит, она поймет; а вот интересно, какой подарок мне Наташа подарит на выпуск, вот бы прийти к ней в том платье, в каком я буду на выпускном... И так Горислава молола без остановки.

В дверь позвонили. Всеслав Алексеевич пошел открывать, думая, что вернулась дочь. Но вместо беленькой мечтательной девушки пришла энергичная черноглазая Наташа.

– Здравствуй, – сказала она. – А где Горислава?

– Здравствуй, – ответил Всеслав Алексеевич. – Ее дома нет, они с подружкой пошли покупать платья на выпускной.

– Жаль... Я ей хотела подарок отдать. Наташа показала на блестящий пакетик. – Но

если такое дело, может, я здесь подожду? Хоть вспомню, как тут у вас, три года уже не была.

– Конечно, подожди!

Всеслав Алексеевич обрадовался, что на этом острове скуки появился живой человек. Они с Наташей пили чай и разговаривали о Гориславе.

– А ты ей что подаришь?

– Да там у меня в пакете коробочка, а в ней туфли. Хорошенькие! Как раз для вечеринки. Я думаю, она о таких давно мечтала!

Всеслав Алексеевич залюбовался сотрудницей. Ее черная коса змеилась по розовому шелку кофточки, кофточка открывала красивую грудь и полубнаженные руки. Наташа могла вертеть мужчинами как угодно. Самые серьезные отношения были у нее с хорошим другом Ромой. Они и помолвку отмечали, и жениться хотели, но потом Рома по какой-то причине разонравился Наташе, и они остались хорошими друзьями. Красотка была всего на десять лет старше Гориславы, а Всеславу Алексеевичу исполнилось сорок. Ему казалось, что они никогда не смогут быть вместе.

– Наташа, – неожиданно спросил он, – а почему у вас с Ромой тогда ничего не вышло?

– Да просто я поняла, что это не мое, что это вообще не любовь.

Они немного помолчали.

– Всеслав, – вдруг сказала Наташа, – а вот тогда ты любил меня... Скажи, мне интересно просто, а сейчас что-нибудь осталось от той любви?

– Да я только одно могу сказать, – нахму-

рился Всеслав Алексеевич. – Я не хочу, чтобы моя Горислава стала такой, как ты. Иначе она обязательно сделает больно... такому, как я.

– По-моему, если Горислава станет такой, как я, она со временем полюбит такого, как ты...

...Горислава вернулась домой. Настроение у нее было хорошее. Они с Любочкой купили нарядные платья, отделанные оборочками и цветами – для Гориславы белое, для Любочки розовое. Горислава искала по комнатам Всеслава Алексеевича и нигде не нашла. Решила пойти в ту комнату, которую она называла «папиной комнатой», а он спальней. Горислава зашла туда.

Там она увидела целующихся Наташу и Всеслава Алексеевича. Такая картина почему-то не вызвала в ней чувства брезгливости, но захотелось побыстрее уйти. Горислава повернулась и уже открыла дверь, но в этот момент сломался каблук туфли. Отец Гориславы и Наташа обернулись на звук.

– Каблук сломался, – улыбнулась она.

– У меня есть для тебя подарочек, – сказала Наташа.

– А я свой подарочек уже получил.

И Всеслав Алексеевич поцеловал Наташу.

Выпускной бал проводили в школе.

Горислава отделилась от танцующих и стала искать Ираиду Богдановну. Нашла, но Ираида Богдановна была не одна. С ней разговаривала Людмила Петровна, преподаватель хорового кружка.

– Горислава! – зазвенел голос Любочки. – Ты куда?

«Боже мой, – подумала Горислава, – она же только что танцевала с мальчиками. Как она здесь очутилась?»

– Любочка, помоги, пожалуйста, – прошептала Горислава. – Ототри Людмилу Петровну от Ираиды Богдановны как-нибудь.

– А зачем?

– Ну... ну, нам поговорить надо. Ну, пожалуйста.

– Ой, здравствуйте! – закричала Любочка восторженным голосом. – Ой, Людмила Петровна, какая вы красивая! Пойдемте со мной, пожалуйста, давайте поговорим!

Любочка утащила за собой Людмилу Петровну, мигнув Гориславе: давай, начинай беседу.

– Здравствуйте.

– А, это ты? Здравствуй.

– Ираида Богдановна, – сказала Горислава, – вы знаете, я вас очень полюбила за столько лет... И мне очень жаль с вами расставаться, потому что я к вам уже привязалась.

– Как Люба к Людмиле Петровне? – улыбнулась Ираида Богдановна.

– Гораздо больше. Я вас полюбила еще с первой встречи. Помните, мы с Любочкой возвращались с хора, а вы попросили по-

мочь носить учебники в кабинет истории.

– Помню. Я ведь знала, что ты меня любишь, не хотела ничем оскорблять твою любовь.

– Ираида Богдановна, я не хочу с вами расставаться.

– Да почему же «расставаться»? Ты в любое время можешь ко мне прийти.

Учительница и ученица обнялись. Ираида Богдановна подумала, что Горислава похожа на птицу, не желающую улетать из своей клетки.

– А вы меня любите?

– Очень.

После выпускного вечера Горислава провожала Ираиду Богдановну. Попутно демонстрировала свои познания о фильмах и анекдотах.

– Вот, слушайте анекдот, – сказала Горислава. – «Многие киприоты мечтают побывать в России. Они хотят увидеть своими глазами, где же русские так устают, что потом на Кипре так отдыхают».

– Ну, вообще! – смеялась Ираида Богдановна. – Ты такие смешные анекдоты рассказываешь!

– Рассказываю!

– Скажи, а почему тебя называют Гориславой? – спросила биологичка.

– Мне свое имя не нравится, – объяснила Горислава, – и меня называют так.

– Можно, я тоже буду звать тебя Гориславой?

– Можно.

Так они дошли до места.

– У меня такое хорошее настроение! – призналась Горислава. – Мы хорошо пообщались, и праздник удался.

– Мы еще будем встречаться! – пообещала Ираида Богдановна.

Они попрощались. Ираида Богдановна ушла домой, а Горислава в замешательстве стояла возле ее подъезда. «Везде только хорошее, – думала она. – Папа с Наташей наконец-то поняли, что любят друг друга; мы с Ираидой Богдановной будем дружить, и праздник был – высший класс, а вот влюбиться я ни в кого не влюбилась. Уже у всех отношения с мальчиками, а у меня нет. Как заколдовал кто!».

– Девушка! – из соседнего подъезда вышел парень и побежал к Гориславе. – Девушка! – заглянул ей в лицо и удивился:

– Горислава?!

Она посмотрела в его черные глаза, и у нее забились та штучка, которую называют сердцем. Но она тут же разочаровалась – это оказался Рома, бывший Наташин жених. После их расставания Горислава его не видела. Он узнал Гориславу.

– Привет, – сказал он растерянно.

– Ну, привет.

– Слушай, Горислава, я могу тебе рассказать кое о чем?

– Расскажи.
– Понимаешь, когда я переехал в этот дом...

– Ты переехал в этот дом? – перебила Горислава.

– Да, а что?

– Ничего, тут моя учительница живет. Продолжай.

– Так вот, когда я переехал в этот дом, я иногда видел тебя из окна. То есть я, честно говоря, тебя узнал только сегодня, а до этого думал, что ты – это не ты, а какая-нибудь другая девушка.

– Конечно! – усмехнулась Горислава. – Вы с сестрой Любочкой на меня смотрели как на пустое место, где уж было мою внешность запомнить!

– Да подожди... Я ведь полюбил тебя. Ну, или девушку неизвестную, неважно. Просто я все стеснялся выйти и познакомиться. Сегодня решился, а когда близко подошел, узнал тебя.

– Я не знаю... – прошептала Горислава и вдруг закричала: – Рома, ты чего от меня хочешь? С Наташей годик пожили вместе и разбежались, теперь я тебе нужна стала?

– Да пойми, мы с Наташей не пара друг другу! Нам лучше было разойтись. А тебя я действительно люблю.

– Ты меня любишь, просто до этого не знал, что я – это я.

– Горислава, может, ко мне сейчас пойдём? У меня в этом подъезде девятая квартира. Поговорим...

– Сейчас! Пошла я с тобой! – возмутилась Горислава и вдруг брякнула: – Мне папа не разрешает!

Когда Горислава пришла домой, Всеслав Алексеевич и Наташа сообщили ей хорошую новость: они хотят пожениться.

– Поздравляю! – воскликнула Горислава и повисла на шее у Наташи. – Ой, а можно я буду подружкой невесты?

– Можно, – согласилась Наташа.

Всеслав Алексеевич примерял черный свадебный костюм. На кресле лежало свадебное платье.

– Наташа, ты примерь платье тоже, – предложила Горислава.

– Видеть невесту в свадебном наряде до свадьбы – плохая примета, – изрекла Наташа. – Ты разве не знаешь?

– Откуда? – спросила Горислава. – Я замужем-то не была ни разу.

Наташа засмеялась.

– Ты моя любовь! – Всеслав Алексеевич обнял ее. – Почему же ты так запоздала?

– Ну, запоздала...

– Закон природы! – объяснила Горислава. – Моя любовь тоже что-то запаздывает.

Когда составляли список гостей, Горислава приставала к Наташе.

– Натусик, а можно мы пригласим на вашу свадьбу Ираиду Богдановну?

– Ты что, всех своих учителей хочешь позвать? – удивлялась Наташа.

– Не всех, а одну. Ну, пожалуйста!

– Да что ты, в самом деле? – спросил Всеслав Алексеевич. – У нас свадьба, а не педсовет.

– Позовем, не спорьте, – сказала Наташа.

– Познакомишь меня с учительницей.

Через пять минут началось снова.

– Слушайте, а давайте Любочку позовем. Ну, тоже ведь интересно человеку!

– Горислава! – воскликнула Наташа. – Если дальше так будет продолжаться, никакого кафе не хватит, чтобы вместить твоих знакомых!

– Да я не прошу всех, я Любу только! Она до этого ни на каких свадьбах не была, ну, пожалуйста...

– Хорошо, но больше не надо никого предлагать! – взмолилась Наташа.

Когда отмечали свадьбу в кафе, Наташа начала разыскивать кого-то глазами. Всеслав Алексеевич, заметив это, пытался направить взгляд синхронно ее взгляду.

– Горислава, а где твоя Ираида Богдановна? – шепнула Наташа.

– Вон та, которая в голубом.

Глаза успокоенного новобрачного остановились на руке Наташи. А Горислава пыталась кого-то разглядеть.

– Наташа, а Рому ты разве не пригласила? – спросила она.

– Пригласила. Но он не пришёл.

Гориславу томила неизъяснимая грусть. Судьба показалась ей просто коварной на свадьбе, когда она не встретила там Рому. Горислава рассказала об этом Наташе. Наташа, ее счастливая мачеха, удивилась: «Даже не верится!».

Горислава вспомнила, где находится подъезд Ромы, потом вспомнила, что он назвал номер квартиры – «девять» – и решила отправиться туда. Ведь он приглашал ее, вот она и придет, хотя бы и с опозданием.

Когда Рома открыл Гориславе дверь, ею овладело чувство, которое она уже испытывала, стоя после выпускного бала возле Роминого подъезда. И штучка, называемая сердцем, забилась еще сильнее.

– Так ты все-таки пришла? – обрадовался он. – Ты все-таки хочешь со мной поговорить?

– Да, – ответила она.

Они прошли в комнату.

– Почему ты не был на свадьбе? – спросила Горислава.

– Думал, что ты не хочешь меня видеть.

Горислава с улыбкой обняла его...

В тот день в мире стало одной счастливой парой больше.

Дмитрий ПЕСТЕРЕВ

23 года,
журналист,
Москва

ТОЛЬКО ТШ-Ш-Ш!..

Рассказ

Все спят, но дверь на кухню все-таки прикрыл. Так. На всякий случай. Чтоб не помешали нам. Чтоб не спугнули ее. Чтоб не обратили ее в бегство. Чтоб не заставили ретироваться. Чтобы она не оставила меня одного, не растворилась в воздухе, не бросила посередине дороги, не исчезла бесследно, не оставив и строчки. Чтоб не слиняла, не сдрапала, деру не дала, не улизнула, не свалила... Короче – задолбали все, хотим побыть одни!

Свет вот выключил. Зажег лампочки гирляндные. Разноцветные такие в форме клубничек. Так бы и съел вон ту, красненькую, если б не знал, что током долбанет. Хотя нет, как-нибудь все-таки откушу кусочек, пусть даже и шарахнет. Они еще с нового года висят здесь. А что, висят себе и висят, никому ж не мешают? А когда нужно, включил – и прям тебе романтика, интим. Вот сейчас, например: тишина, дверь закрыта, и мигают клубнички. Красота! Самое время, чтобы она вышла.

Столько раз пытался с ней поговорить, а она постоянно уходила от разговора. Кокетливо увивалась – это она умеет. А чего меня бояться? Мне с ней по душам поговорить охота! Я же вижу – она умная. Глубокие глаза, миленький носик и еле заметные щечки. А она только подмигнет – и нет ее. Ищи ее. Ползай за ней. Она же маленькая, а я большой: неудобно. Ну, разве так можно со мной поступать? Возможно, конечно, это жест такой, мол, к себе приглашает. Но знает же, что неудобно мне. Пускай лучше ко мне. У меня и места больше, и тишина вот сейчас, и освещение такое мягкое, роман-

тичное. Идеальная обстановка для двух интеллектуально развитых и лирично настроенных существ.

Мда... Сама загадочность. И чего ей еще надо? Коньяк она не пьет, вино тоже, а водку тем более. Конфеты и шоколад терпеть не может. Может быть, тогда немного сыру? Знаю, сыр она обожает.

Ах, идиот! Догадался! Я все про пищу и совсем забыл про душу! Стихи! Вот что нужно. Ее нежной душе как воздух необходимы стихи. Она, бедняжка, задыхается в этом обыденном смраде без свежего ветерка стихов. Как я мог быть настолько глуп и черств! Сказать она стесняется, но наверняка ждет, чтобы я почитал ей стихи. И тогда она выглянет. Покажется. И я, наконец, увижу ее мягкую, очаровательную улыбку, ее маленький кокетливый носик. И мы, наконец-то, поговорим. Поговорим обо всем, что накопило за это время. Будем говорить пламенно, захлеб, не считая секунд-минут-часов. Ночь. Тусклый свет. Тишина. Наши глаза, смотрящие друг другу в душу. Губы, лепечущие гениальный бред. Да-да-да!

Так. Так-так-так. Но что же прочесть? Может быть, Высоцкого? Что-нибудь эдакое, а?

Выходи, я тебе посвищу серенаду!

Кто тебе серенаду еще посвистит?!

Сутки кряду могу, до упаду,

Если муза меня посетит.

Я пока еще только шутю и шалю,

Я пока на себя не похож,

Я обиду терплю, но когда вспылю,

Я дворец подпилю, подпалю, развалю,

Если ты на балкон не придешь...

Тишина. Не выходит. Наверное, это слиш-

ком нахраписто. Удало. Неотесано. Нужно что-то понежнее... Может быть, ты любишь Блока?

И пусть над нашим смертным ложем
Взвывается с криком воронье,
Те, кто достойней, боже-боже,
Да внидут в Царствие твое!

Тишина. Не выходит. Наверное, это слишком пафосно. Может быть, ты тогда хочешь послушать, как я читаю Бродского?

Вместе они любили
Сидеть на склоне холма.
Оттуда видны им были
Церковь, сады, тюрьма.
Оттуда они видали
Заросший травой водоем.
Сбросив в песок сандали,
Сидели они вдвоем.
Руками обняв колени,
Смотрели они в облака...

Тишина. Не выходит. Наверное, это слишком мистично. Ну, не молчи! Даже не знаю, что тебе еще почитать?! Ты все молчишь и молчишь. Тебе понравилось или нет? А? Ну, скажи! Что? Да? Ты сказала «да»?!

О! Я рад. Я знал, что тебе понравится. Знал, что ты любишь стихи. Я догадывался, что ты любишь и понимаешь поэзию.

Как в таком кротком и маленьком существе может вмещаться столько достоинств?! Такая скромность, тонкость и необычайный ум! Ты замечательный собеседник. У тебя такие многозначительные паузы...

А проза? Как ты относишься к прозе? У тебя есть любимый писатель, книга? Конечно, есть! Какие глупые вопросы я задаю. Ты знаешь, так трудно найти такого чуткого собеседника, как ты. Да.

И вообще вся жизнь – в ней столько пыли и мусора. Среди всего этого понимающее существо – пылинка. Иголочка в стоге гнилого сена. Работа, жена, дети – все это изнашивает, истощает тебя. Ты чувствуешь, как превращаешься в рыхлую, безвкусную жвачку. И что тебе остается? Вот именно! И я о том же. Согласись, все это как-то печально и странно. Но ничего. Ты знаешь, я совсем не пессимист, даже, наверное, в некотором роде оптимист. Мда...

Все хорошо. Только хотелось бы, чтобы ты все-таки вышла. Возможно, ты стесняешься. Не стесняйся. Тебя смущает, что я крупнее тебя? Хочешь, я сяду на пол? Вот. Так я смотрюсь пониже. Ну! Выходи! Где ты? Поддай хотя бы голос. Скажи, в каком ты углу. Я по-

Рисунок Леониды Богомоловой

могу тебе выйти. Нам еще о стольком нужно поговорить. Где ты?! Ну?! О музыке, литературе, политике...

Перед нами столько нерешенных вопросов и проблем: об отношениях России и Украины, о политике США на Ближнем Востоке, об избрании нового президента, о воспитании патриотизма в молодом поколении, о расширении Вселенной, об истощении мировых запасов газа и нефти, о птичьей гриппе, о перенаселенности планеты, о таянии ледников, о комете, которая несетя прямо на землю и упадет уже через двадцать тысяч лет, о моей кошке, которая скоро родит котят, об освоении человечеством неизведанных планет, о составе земной коры, о проблеме этногенеза славян, о вреде курения и алкоголизма, о демографической ситуации в нашей стране...

Ну, выйдешь ты или нет?!

Пауза...

Сухое молчание...

Скрипнула дверь.

– Вань, чо за ерунда?! Дети спят, а ты, как debil, ползаешь на корточках по кухне и орешь! Ты что, обкурился? Ты, вообще, слышишь меня?! Пойдем спать, клинический. Уже три ночи, а тебе ребенка с утра в садик отводить.

...Ладно, ничего, я к тебе завтра приду. В это же время. Пусть то, о чем мы говорили, будет нашим секретом. И еще... Ты извини, конечно, но если ты так и не выглянешь, придется купить мышеловку.

Только тш-ш-ш!

До встречи...

Степан ЛОМАЕВ

25 лет,
автор напумевшей повести
«Все собаки попадают в СССР»,
печатался в журналах «Луч», «Октябрь»,
кандидат физико-математических наук,
Ижевск

В СВОБОДНОМ ПОЛЕТЕ

Повесть

Глава I

Памятник Ленину в Свободном Полете

Как и во многих других городах, в Свободном Полете стоял памятник Ленину. Стоял точно в центре. Особо никому не мешал, лишь изредка натирал старые идеологические мозоли на уставших душах некогда политически активных прохожих.

Егор считал, что Ленин стоял здесь с самого основания города. Возможно даже, он и был его основанием. Во всяком случае, какой-то очень важной его частью, такой же важной, как для самого Ленина был его Нос. Но неожиданно Нос от Ленина ушел, чем лихо удивил всех. Первыми, должно быть, лихо удивились голуби, по обыкновению гадившие на этот Нос. За голубями новость о дерзком поступке облетела всех горожан.

Месяц о Носе не было ни слуху, ни чего бы то ни было еще. Как вдруг он появился на первом городском канале в лице первого заместителя министра финансов. Нос шокировал городскую общественность своим резким карьерным ростом. Злые Языки говорили, что за Носом стоит кто-то очень влиятельный, возможно, Коммунистическая партия Китая, но слухи эти не подтвердились. Через два года Нос ушел с государственной службы, занялся бизнесом, стал валить лес и продавать его Коммунистической партии Китая. Мировой экономический кризис крепко ударил по Носу. На первой почве Нос стал пить. Пил, словно Рот. Стал ходить по

борделям. Сел на кокаин. Опустился. В одном из притонов случайная женщина заразил его ОРВИ. Нос засопел. Мешал кокаин с нафтизином. От него ушла жена. Друзья отвернулись. Нос продал квартиру. Грязный и весь в соплях, он ютился по съемным комнатам. Казалось, жизнь кончилась, но тут Нос вспомнил свои корни, вспомнил, что он не просто Нос, а Нос Памятника вождю. Он нашел в себе силы, поднялся с колен, просморкался и ушел в буддизм. Нос завязал с кокаином, алкоголем и борделями, буддизм не запрещал только нафтизин. Нос взял ящик лекарства и автостопом уехал в Тибет, где стал жить в гармонии со всем миром, так как вступил, наконец, в ряды Коммунистической партии Китая.

Несмотря на это, Злые Языки до сих пор поговаривали, что нос Памятнику метким попаданием камня сшиб унтерштурмфюрер Беловер – член молодежной неоязыческой нацистской группировки «Зондеркоманда Перуна». Но Егор знал, что это все пустая болтовня.

В то время Ленин продолжал пропадать по частям. Следующей пропала Кисть левой руки. Она и сегодня под покровом ночи появляется в черном плаще на улицах Свободного Полета и охраняет мирных жителей от преступности, неонацизма и происков зарубежных диверсантов. Злые Языки и в этом вопросе остались на позиции, что Кисть камнем сшиб унтерштурмфюрер Беловер, но

Егор-то знал, где правда.

Пришло время, и Памятник покинул свой постамент целиком. Осенней ночью, в дождь, он тихо спустился и ушел, но обещал вернуться. Многие в городе верили во второе пришествие Владимира Ильича. Верили, что когда придет самый ужасный кризис, тучи затянут небо и скроют солнце, дожди будут лить дни и ночи, пока не прорвет плотину через Еж-реку. В городе начнется страшный потоп, и вернется Ленин. Все злые люди утонут. Тех, кто не утонет сам, утопит Владимир Ильич, а добрых он спасет, как Мазай зайцев. Солнышко засветит весело и яростно, уйдет ручейками вода, пробьется трава под ногами, и построят жители коммунизм или хотя бы большую общественную баню с бесплатными вениками.

Ходили также слухи, что вместе с Лениным из города ушел Главный Инженер. Главный Инженер – единственный человек, который знал, как устроена плотина. С тех пор, как пропал Инженер, плотину не ремонтировали.

Хотя Злые Языки утверждали, что Ленина свалил на тракторе троцкист-тракторист Нодарыч, дядя унтерштурмфюрера Беловера, те же Языки говорили, мол, Главный Инженер то ли спился от горя, то ли был случайно придавлен падающим вождем, то ли умер от лучевой болезни, так как часто пил, сидя у постамента вождя. Последняя версия появилась вскоре после ухода Владимира Ильича, когда оказалось, что постамент радиоактивен. Унтерштурмфюрер Беловер вместе с соратниками по зондеркоманде хотели собрать из постамента грязную атомную бомбу. Но Егорка был спокоен, он знал, что радиотелефон дает особая порода мрамора, из которого сделан постамент, а бомбы из мрамора не собирать.

Глава II

Завод в Свободном Полете

Было очень жарко. Очень жарко было уже достаточно долго. Достаточно долго, чтобы начала высыхать трава, пруд заполонили сине-зеленые водоросли, а сознание людей заполонили мысли о глобальном потеплении. По Первому Каналу сказали, что причина – в парниковых газах.

Унтерштурмфюрер Беловер в благородном порыве спасти родной климат организовал ночное нападение зондеркоманды на парники. Парники были разрушены и разграблены. Зондеркоманда вынесла из парников ящик семян и три ящика удобрений. Зимой Свободный Полет остался без огурцов. Удобрения унтерштурмфюрер на толкучке обменял на чертежи атомной бомбы.

Группа ортодоксальных язычников стала

молить богов о дожде. Прошла неделя. Боги дождь не дали. Группа стала молить усиленнее. Боги все равно не дали.

– Что за хренотень-то такая? – возмутился лидер группы и продолжил устраивать забастовку.

Группа вышла на самый солнцепек и усеялась с плакатами, отказываясь более молиться без дождя. Солнце продолжало жарить ортодоксов и зажарило в следующие три дня всех. Злые Языки говорили потом, что богов нет вообще. Но Егорка знал, что боги наверняка есть, но даже они не властны над законами физики.

Космополитический Кружок Защитников Природы решил действовать. На Запрещенном Сайте защитники прочитали, что потепление случилось от холодильников. Холодильники, производимые в третьих странах, слишком сильно высасывают из мира энергию холода, она же – Инь. Члены Кружка открыли все свои холодильники, чтобы Инь вышла обратно в мир. Стало еще жарче. Защитники поняли, что маленькая Инь их холодильников мгновенно пожирается большим городским Янем, она же – энергия тепла. Тогда Кружок в полном составе ушел жить в лес. Злые Языки говорили, их сожрали энцефалитные клещи, но Егорка знал, что членов сожрали упыри и вурдалаки.

От дома до завода Егору нужно было идти минут десять, но делать этого не хотелось. Сразу вспомнилась судьба зажаренных на солнце ортодоксов. Он выглянул в окно. По двору двигалась загнутая фигура Любомира, коллеги и соседа Егора. Двигалась фигура так, словно тащила за собой невидимую баржу. Солнце как немецкий бомбардировщик нещадно бомбило Любомира и его баржу квантами электромагнитного поля. Отважность друга вдохновила Егора, и через несколько минут еще одна невидимая баржа потащила по двору.

На внутренней территории завода был другой мир. Запутанная череда серых и красных зданий, хитрые сплетения асфальтных дорог, капиллярная сетка толстых и тонких труб. Егорка шел к своему корпусу всегда одной и той же дорогой. Злые Языки говорили, что есть дороги короче, но Егор знал, что лучше ходить проверенным путем.

По заводу ходило старинное поверье о Черном Катке. Каток появлялся перед зашедшими или заблудившимися рабочими. Он мог просто угрожающе крутить барабан вдали от путника, но в дни особой солнечной активности был весьма кровожаден. Одни говорили, Каток нападает из-за угла, хотя это и нетипично для машин такого класса. Другие говорили, что он, подобно удаву, владеет техникой гипноза и с ее помощью заво-

раживает жертву, а потом беспрепятственно давит. Третьи утверждали, что катка два, оба черные и к тому же весьма широкие, они зажимают жертву в узком длинном проходе и давят ее, как еврейский танк.

На заводе был человек, который лично, с его же слов, видел Черный Каток. Это был унтерштурмфюрер Беловер. Событие происходило в те далекие времена, когда унтерштурмфюрер еще не был унтерштурмфюрером, как и не был Беловером. Тогда он еще был разнорабочим Димой. Дима заблудшей овцой слонялся без цели и дела по жизни и территории завода. Грозная машина появилась из-за поворота, она встала метрах в ста, черная, как смоль, и зловеще завертела барабан. В этот миг будущий унтерштурмфюрер вспомнил весь свой жизненный путь и понял, что все это время шел не туда. В раскаянии он поднял руки и пал на колени, а когда через несколько минут посмотрел вперед, машины уже не было. С тех пор Дима стал ревностным сторонником древнеславянских верований. Через год судьба подарила ему еще одну причину утвердиться в своей вере. Это был обычный летний день, ничем не предвещающий ничего трансцендентного. Беловер занимался уборкой территории. Неожиданно огромная серая Плита с треском отвалилась от стоящего вблизи здания и рухнула прямо на метущего Беловера. Разнорабочие испугались. Они не стали поднимать Плиту, опасаясь, что поднятая, она сможет еще кого-нибудь придавить. Было принято: написать на Плите «Здесь лежит Дима» и продолжить работу. Через несколько часов пришел прораб, и Плиту все-таки подняли. Оказалось, под плитой лежала только сломанная пополам метла. Беловер появился только к концу рабочего дня и поведал историю своего странного исчезновения. Дима усердно мел территорию, когда чей-то голос в его голове приказал ему сломать метлу и прыгать в открытый, находящийся в метре канализационный колодец. Обладающий молодецкой силой и детской доверчивостью к голосам внутри головы, Дима незамедлительно сломал орудие труда и прыгнул. В тот же миг колодец накрыло рухнувшей плитой. С тех пор Беловер окончательно утвердился в своей вере.

Егор зашел в рабочее помещение. Люди работали за пультами универсального управления ПУУ. С помощью ПУУ рабочие управляли различной техникой и машинами. Егор по основной специальности был бульдозеристом. По мнению коллег, бульдозеристом от бога, только непонятно, от какого. Егор мог также работать на грузовых машинах и на экскаваторе. Причем рабочая техника могла быть расположена

в любой точке мира. Каждая машина была оснащена несколькими камерами наблюдения, изображение которых выводилось на экран ПУУ. Некоторые были оборудованы для управления самолетами, некоторые – боевой техникой. Заводчане поговаривали, что на заводе есть отдел, состоящий исключительно из секретарш, которые с помощью ПУУ администривали дела различных фирм по всему миру.

Егор не любил водить грузовые машины: часами приходилось смотреть на практически неизменную картину. Зато за эту рутинную работу полагался дополнительный пакетик сахара в день. Работа на бульдозере была интереснее – как правило, нужно было разгрести какой-то строительный мусор.

В былые времена на заводе делали болты. Но после вступления Свободного Полета во Всемирную Торговую Организацию на рынок хлынула масса дешевых, хотя и менее качественных китайских болтов. Позднее стало известно, что западные страны специально скупили огромную партию болтов у Коммунистической партии Китая и бесплатно раздавали их всем желающим. Болты Свободного Полета стали никому не нужны. Завод еще некоторое время делал болты просто по инерции, пока сам не засыпал себя собственной продукцией. Заваленный болтами, он задохнулся.

После этого западные страны обнаружили, что китайские болты являются переносчиком атипичной пневмонии. Мировое сообщество принудило Коммунистическую партию Китая закрыть производство болтов. Мир впал в экономический кризис из-за отсутствия на рынке болтов. Западная наука бросилась на поиски выхода из кризиса.

Ученые Свободного Полета не отставали от ведущих мировых исследователей, хотя работали за еду и на интерес. Первыми в мире они предложили новую технологию безболтового ведения хозяйства, но их голос был заглушен граммофоном Запада, уже вещавшим о том, что западные ученые вывели новый сорт болтов, невосприимчивых к атипичной пневмонии. Такие высокие технологии были доступны только на Западе, а потому и производил их Запад. Делал он это в Индонезии руками голодающих индонезийских подростков. Так мир получил долгожданные болты, дорогие, как икра.

Увлеченная болтовыми страстями, мировая общественность не заметила, как и откуда в Свободном Полете на месте старого вырос новый высокотехнологичный завод. Троцкист-тракторист Нодарыч говорил, что технику аборигенам Свободного Полета в качестве гуманитарной помощи поставили Западные страны. Унтерштурмфюрер

говорил, что технику после Великой Отечественной Войны Сталин лично вывез из Германии, но коммунистическая идеология и давление партии мешали русскому человеку освоить высокие технологии, и только после праха коммунистической идеологии стало возможным их освоение.

Впрочем, были и другие версии. Довольно популярна была теория крайнего монархического движения «Царя в голову!». По их мнению, технику создала русская, ведомая верой мысль еще при Николае II. Позднее сатана привел к власти Владимира Ильича Ленина, тот заставил всех снова пахать землю палкой, пить водку и заниматься атеизмом. Естественно, про технику все забыли до поры до времени.

Егорке же казалось, что в этих историях было много противоречий. Больше всего ему нравилась версия инопланетного заговора, она обладала лучшей объяснительной способностью. Впрочем, Егорка знал, что технику достали управители завода на черном рынке, они выменяли ее на болты, завалившие некогда завод.

Егор приступил к работе – снова поступило задание разбирать строительный мусор. На экране появились развалины кирпичных зданий. Судя по растительности, рабочая площадь находилась примерно в той же широте, что и Свободный Полет. Возможно, где-то совсем близко, так, что дотуда можно идти пешком. Егору всегда хотелось увидеть живьем, как работает управляемая им техника. Но Злые Языки говорили, что мир, отображенный на экранах ПУУ, целиком и полностью виртуален. По их мнению, люди занимались бесцельным делом, нигде не было никакого производства, была просто компьютерная программа, вычислительная матрица. На Запрещенном Сайте писали, что таким образом правительство отупляет людей. Тупыми людьми легче управлять. На деле же, писали там же, на заводе подпольно продолжали вытачивать болты, а все остальное служило прикрытием. Болты, не проходя тест на атипичную пневмонию, попадали на черный рынок. Грязными болтовыми деньгами управляющие заводом подкупали коррумпированную власть, и та закрывала свои мутные глаза. По мнению Сайта, чтобы простые рабочие ничего не заподозрили, управление завода постоянно занимало людей бесплодной работой. Чтобы любопытные не забредали, куда не следует, управление распускало мифы о Черном Катке и Падающих Плитах. Но самым большим преступлением управления против рабочего человека Сайт считал пакетики с сахаром, выдаваемые рабочим к чаю. Помимо того, что от сахара люди толстеют, их зубы

портятся, а сахарный диабет становится все реальнее, в заводской сахар подмешан наркотический яд. Если человек хоть раз употребил разовую дозу, то уже не мог нормально жить без этого сахара. Рано или поздно человека начинало ломать. Кого-то начинало ломать уже через день, кому-то необходимо были годы, но рано или поздно ломать начинало каждого, и тогда человек возвращался на завод, как бы это ему не было противно. Поэтому-то, объяснял Запрещенный Сайт, пенсионеры так жаждут вернуться на работу, поэтому-то люди не хотят выходить в отпуска и даже с трудом переживают выходные, постоянно напиваясь. От этого дети рождаются все больнее, юноши не способны служить в армии и проявлять политическую активность. В таком состоянии Свободный Полет долго не протянет. Скоро прорвет плотину и всех смочет.

Ортодоксальные язычники, запекшиеся на солнце, предлагали другую модель экранного мира. ПУУ был для них ни чем иным, как окном в мир богов, а рабочие занимаются его благоустройством. Боги выступали в роли работодателей.

– Что ж так хреново-то там? – негодовал Любомир, когда познакомился с вышеизложенной концепцией мироздания. – Разгребаю говно, разгребаю – разгребаю говно, разгребаю – шесть лет – не разгроб – говна по ноздри!

Любомир сидел за соседним столом, поэтому Егор всегда слышал, как тот негодует. Любомир негодовал часто. Особенно когда видел унтерштурмфюрера Беловера. Последний уже месяц разносил рабочим пакетики с чаем и сахаром, а также менял тару с питьевой водой.

– Он нас потравит! Как два пальца! Унтерштурмфюрер – от замороженный – голоса в башке – прикажут отравить – сыпнет яду ради белой расы – кто пустил? – наняли бы Бонифация – тихий работающий человек – в голове порядок – голоса молчат.

Егор тоже хотел узнать, почему на эту работу взяли унтерштурмфюрера Беловера, а не таджика Бонифация. Бонифаций работал на заводе давно, выносил мусор, всегда был вежливый и исполнительный. Егор как-то решил спросить об этом самого унтерштурмфюрера. Вместо того чтобы ответить, унтерштурмфюрер предложил Егору отказаться от потребления сахара.

«Зачем мне отказываться от потребления сахара?» – подумал Егор.

– Ты думаешь, зачем тебе отказываться от потребления сахара? – спросил унтерштурмфюрер. – Чтобы стать свободным! Жидомасоны захватили власть! Откажись! Сахар – цепь! Сахар убивает! Сахар тебе врет!

«Похоже, унтерштурмфюрер мне врет», – подумал Егор.

– Ты думаешь, я тебе вру? А ты попробуй откажись, увидишь.

«По-моему, это тупо», – решил Егор.

– Если продержишься десять дней, я дам тебе двадцать пакетиков и расскажу, почему на работу приняли меня, а не Бонифация.

«А это еще тупее», – подумал Егор, но согласился.

Унтерштурмфюрер зашел в рабочую комнату и выдал всем пакетики чая и сахара – всем, кроме Егора. Впрочем, бульдозерист и не заметил его появления. Он включил машину. На экране ППУ появилось лицо неизвестного человека. Человек отскочил от камеры бульдозера. Егор прежде никогда не видел людей на экране. Человек отбежал. Бульдозерист повернул машину на него. Тот рванул с плеча карабин и открыл огонь по бульдозеру. Егор понял, что человек пытается попасть в камеру. Он двинул машину на человека. Тот прыгнул в бок, побежал к одинокой стене. Машина развернулась за ним. Егор снес стену, погнался за беглецом через завал кирпичей. Тот добежал до серопепельного здания, с разбега запрыгнул в пустое окно. Бульдозер ударил в стену. Она не поддалась. На экране замелькало предупреждение о поломке. Помехи. Связь с бульдозером прервалась.

Глава III

Власть в Свободном Полете

Злые Языки говорили, что унтерштурмфюрер стал знаменит благодаря своей связи с масонской ложей и сионистами, но слава никогда и не пришла бы к Беловеру с одними только связями, она пришла к Беловеру с его политической активностью и ярко выраженной по любому вопросу гражданской позицией.

На экране шла в прямом эфире трансляция судебного процесса над неким Владимиром Коробом. Экраны располагались на каждой стене, звук шел из каждого угла. Суд продолжался уже не менее полутора часов, а унтерштурмфюрер появился в столовой только десять минут назад. В процессе закупки пищи он разузнал у работников столовой подробности дела и теперь ел, обдумывая свою гражданскую позицию по этому поводу, чтобы ярко ее впоследствии выразить.

У каждого гражданина имелся свой аппарат универсальной связи АУС. Он представлял собой небольшую коробочку с клавиатурой и монитором, сочетающую в себе функции мобильного телефона и электронного аналога паспорта. Каждый житель города по достижении четырнадцатилетне-

го возраста получал личный АУС со своим идентичным номером. АУС содержал в себе основные сведения владельца, с помощью него можно было звонить на другие АУСы, посылать электронные сообщения, считать задачи по арифметике, записывать и хранить информацию, просыпаться вовремя по утрам, освещать темные помещения и совершать еще массу нужных операций. АУС был вещью незаменимой. К тому же аппарат таинственным образом отличал руку и голос своего хозяина от чьих-либо других рук и голосов.

Судьба подсудимого Короба и людей, попадавших в подобные обстоятельства, решалась во многом посредством смс-голосования телезрителей, подобно Беловеру имеющих ярко выраженную гражданскую позицию. В конце таких трансляций зрителям предлагалось послать смс на короткий номер со словом «суд». Спустя некоторое время на АУС приходили ответные письма с вопросами, касающимися трансляции. Вопросы должны были выявить, насколько внимательно зритель следил за ходом процесса. Такие вопросы тренировали внимание: бывало, спрашивалось, какого цвета была ручка молотка судьи, а, бывало, спрашивался номер статьи, по которой обвиняли подсудимого. Ответы отсылались обратно и в случае подтверждения их верности ответчику предлагалось отправить смс со словом «виновен» или «невиновен». Судья выносил приговор с учетом смс-голосования телезрителей.

Подобным способом проходило в городе и принятие законов. С помощью того же АУСа любой житель города мог получить текст закона, выдвинутого на рассмотрение. Если закон интересовал гражданина, то после прочтения он посылал смс на короткий номер со словом «закон» и также получал вопросы по содержанию. Закон вступал в действие, если разница между «за» и «против» была в два процента населения, таким образом автоматически отсекались мало интересующие население законы, а таких было большинство. Законы мало интересовали население города, особенно после того, как было принято решение о предварительном опросе голосующих о том, за что они голосуют. Решение было принято, когда Егору не было и шести лет, по этой причине он не успел участвовать в активной политической жизни города. Но до этого времени активность была на необычайно высоком уровне. Когда Егор еще только родился, любой житель имел право не только голосовать единожды по любому закону, но и право писать и выдвигать на голосование новые законы, подкрепившись мнением не менее ста человек. Это был политический бум. Законы прини-

мались десятками в день, единственное, что от них требовалось – непротиворечие Конституции Свободного Полета, в которой черными буквами прописывались неизбежные положения жизни города, принятые всенародно еще во время Исправления Имен. Но друг другу законы могли противоречить вполне. Так однажды в один день были приняты законы о строжайшем запрете и о легализации проституции.

Творческие умы сутками трудились над новыми сочинениями. В те времена была принята масса уникальных законопроектов. Логика многих из них не лежала на поверхности. Так, например, было запрещено людям лаять на собак на улице Больших побед, а в центральной части города подбирать упавшую на асфальт мелочь; в 9:17 и 16:14 совершать посадку с конечной остановки на автобусы № 5 и № 47 гражданам, не достигшим сорокалетнего возраста. Уникальна была также серия законов, независимо сочиненных разными авторами. По одному из них понедельник объявлялся обязательным выходным днем, по ряду других таковыми в разное время объявлялись вторник, среда и четверг. Пятница была днем укороченным.

Не прошло и полгода, как нововведение повергло в ужас и дестабилизировало органы исполнительной власти. Апогеем стал вошедший в историю города законопроект Эмпедокла Кривши, отменяющий все предыдущие законы. Так началась яркая политическая карьера Эмпедокла.

Кривша, подобно Лао Дзы и Чапаеву, был человек полуполюгендарный. Он разрубил гордиев узел огромного переплетения законов, в которое попал город. Слава нашла своего героя. Для кого-то он сразу стал кумиром, для кого-то – объектом ненависти. Казалось, на этом можно было остановиться и наслаждаться сладкими воспоминаниями о своем триумфе весь остаток жизни, но Эмпедокл был не так прост. На следующий же день он открыл людям свой второй, не менее конструктивный законопроект. Люди верили в Крившу и голосовали, не читая. А когда прочитали, выяснилось, что голосовать за принятие того или иного законопроекта теперь невозможно, ни разу не прочитав. Этот факт нанес сокрушительный удар по политической активности горожан. Процент голосующих быстро шел на спад, но все же не падал до двух процентов.

Людей, читающих законы, стало немного больше. А, как известно, многие из тех, кто читает, вскоре становятся не в силах отказать себе что-нибудь написать. Потому, не смотря на спад интереса горожан к голосованиям, производство законопроектов только увеличивало темпы.

Проектов стало много, читателей осталось почти так же мало. Тогда авторы с целью поднятия интереса к своему труду начали придумывать ухищрения. Полеты мысли законотворцев не знали границ. Кто-то придумывал шокирующие названия своим законопроектам. Первым из таких был Прагор Лук с трудом, носившим название «Наши дети и окровавленное мясо». Содержание закона весьма посредственно затрагивало детей и носило преимущественно гастрономический характер. Но автор добился своего – прочли многие, хотя и проголосовали против.

Другие вкладывали в законотворчество всю мощь своего литературного таланта. Это тоже приносило свои плоды: законопроекты становилось интересно и легко читать. Люди читали: кто перед сном, кто в обед, кто в транспорте.

Были и третьи, добившиеся наибольшего успеха. Их творения читали, потому что те были коротки, как лозунги. Высказывание «Краткость – сестра таланта» доводили они до предела. Одним из лидеров этого движения был Петр Белка, автор такого проекта, как «О хлебе и зрелищах», гласившем: «Выдать всем хлеба и показать зрелищ».

Та небольшая часть горожан, которая в силах была читать законы, в случае объединения имела возможность взять власть в городе в свои руки. Но, как и всякие многочитающие люди, объединиться они не могли – мешала начитанность. Читающие горожане собирались в маленькие враждующие группы, и каждая группа пыталась установить свой порядок в городе, то и дело проталкивая какой-либо законопроект.

В законотворчестве пошла обратная тенденция: проекты стали создаваться так, чтобы их не смогла прочесть враждебная группа. А поскольку вопросы к содержанию придумывал сам автор, то и правильные ответы придумывал он же. Все, что требовалось для проталкивания законопроекта в таком случае – найти два процента населения, не брезговавшего продажей своего голоса. Естественно, такие законы не могла прочесть не только враждебная группа, но и люди, призванные эти законы исполнять.

Над городом нависла угроза снова завязнуть в хитросплетениях законов. Тогда-то на политическую арену города снова вышел Эмпедокл Кривша. Он был маленький и лысый обладатель прямого, уверенного, излучающего мощь взора. Кривша взирал на горизонты, и горизонты гнулись под тяжестью его взора. Кривша взирал на врагов, и враги прятали глаза, боясь получить ожог сетчатки. Говорили, что Кривша взглядом мог пристрелить дикого зверя и даже валить лес, но обладал еще большей силой духа,

чем взора, а потому мог и не делать всего этого ради одной лишь демонстрации своей силы. Эмпедокл ежесекундно подтверждал это: никто никогда не видел, как он стреляет животных и валит деревья, но мало кто сомневался в его способностях сделать это в любой момент, если рядом появится зверь или лес.

Эмпедокл взошел на трибуну, словно на Олимп, установленный у проходной завода. Он вещал, рубя взглядом людские массы, вывалившиеся с завода в конце рабочего дня. Он поверг толпу в ужас. Шокированная людская масса безмолвствовала, чувствуя свою обреченность. Кривша взял паузу, дабы массы пришли в себя. Массы постепенно приходили. В толпе зазвучали призывы к действию. Сначала хаотичные призывы сливались и упорядочивались, вскоре их осталось два. Та часть толпы, что географически была ближе к проходной завода, голосила призывами громить завод, другая часть – громить пивной ларек, находящийся через дорогу от завода, а после в любом случае громить завод.

В эту критическую для ларька и завода минуту Кривша указал путь спасения, зародив надежду в сердцах людей. Путь лежал через третий законопроект Эмпедокла Кривши, вошедший в историю под названием «О создании комитета регулирования и согласования законотворчества народными избранниками граждан города Свободный Полет».

Тысячи пар глаз обнадеженно смотрели на своего спасителя. Спаситель поднял руку с зажатым в ладони АУСом, и тысячи рук поднялись из толпы. Спаситель послал смс на короткий номер со словом «закон», и тысячи смс электромагнитными волнами полетели во все стороны. АУС спасителя принял вопросы по содержанию вышеупомянутого проекта, и тысячи АУСов сделали то же самое.

Гений законотворчества и ораторского искусства сделал то, что не приходило в голову его предшественникам. Он знал людей, видел их насквозь своим всепроницающим взглядом, чувствовал, что они не могут прочесть законопроект, и он стал читать его сам. Гипнотическим, увлекающим в таинственные глубины подсознания голосом читал Кривша казавшийся магическим текст законопроекта, приводя толпу то в дикий восторг, то в не менее дикий ужас. Людям оставалось только слушать и отвечать на вопросы по содержанию.

И вот наступил момент, когда Эмпедокл закончил читать. Повисло напряженное молчание. Тысячи глаз продолжали, не отрываясь, смотреть на Крившу. Тысячи сердец бились в унисон. Тысячи умов думали

об одном.

– Я голосую за! – сказал Эмпедокл Кривша, как свалил гектар леса одним махом, поднял над головой АУС и, согласно своему обещанию, отправил смс на короткий номер со словом «за».

– За-а-а-а!!! – заорал кто-то в экстазе, схожем с религиозным, и забился в конвульсиях.

– За-а-а-а!!! – единогласно заорала толпа.

Тысячи смс полетели на короткий номер, неся слово «за». Даже самые злостные неконформисты, голосующие всегда и везде «против», были в эти минуты «за», ощущая себя частью чего-то единого, огромного и непобедимого.

С этой минуты в городе Свободный Полет новый законопроект мог выдвигаться на голосования только с согласия новоявленного комитета РиС, задачи которого состояли в проверке законопроектов на грамотность, однозначность, непротиворечивость Конституции Свободного Полета и принятым законопроектам.

Кривша решил не терять времени и выступил с предложением всенародно избрать членов комитета здесь и сейчас. Стоящий в первых рядах к трибуне высокий худощавый мужчина с бородой предложил громкоголосым басом избрать в члены Крившу, что и было сделано незамедлительно и единогласно.

Тогда избранник народа предложил выбрать в члены худого и высокого мужчину с бородой, что было сделано так же незамедлительно. Так с подачи Кривши были избраны еще пять человек, затем интерес толпы к выборам стал стихать. Чувствующий желания народа Кривша предложил последующее избрание членов отложить на будущее и объявил о раздаче нуждающимся бесплатного горячего питания.

В горячем питании нуждались все, даже сытые жители близстоящих домов. К пунктам раздачи еды выстроились огромные очереди. В начавшейся давке не избежал своей участи пивной ларек, он был снесен и распотрошен навалившейся толпой. Зато завод остался невредим.

Над всем происходящим грянул фейерверк, и заиграла музыка. Довольные люди давили друг друга в очередях, предвкушая скорое наступление светлого будущего и получение горячей еды.

Появление комитета сокрушительным ударом повалило и без того хромой интерес горожан к законотворчеству. Вышеупомянутая проверка законопроектов позволяла комитету отклонять или отправлять на доработку практически любой проект, так как трудно было сочинить такой закон, который

не противоречил бы ранее принятым докомитетным. Особенно сложно дело обстояло с теми, в которые авторы вкладывали свой литературный талант, ввиду их емкости и неоднозначности, не уступавшими порой Библейским.

Так, к примеру, одним из ортодоксальных язычников был написан трактат «О бытовом понимании веры и верном понимании бытия», который впоследствии был предложен населению города как законопроект. Население основной своей частью никак на это не отреагировало, но ортодоксальные язычники утвердили трактат в качестве закона.

Позднее выяснилось, что трактат законодательно подтверждал существование Велеса, Сварога, Рода и многих других трансцендентных героев эпоса, в чьем существовании у горожан имелись некоторые сомнения. Единственное, что могло помочь городу, это повторное принятие закона Эмпедокла, отменяющего все ранее принятые. Но у Кривши был принцип: никогда не повторяться, а своими принципами он не мог поступиться даже ради Свободного Полета.

Авторы, чьи проекты по три-четыре раза отправлялись на доработку, обычно отказывались их дорабатывать и теряли интерес к законотворчеству. Законодательная власть окончательно растеряла свой интерес в среде жителей города. Через некоторое время это перекинулось и на власть судебную. Когда пришел черед исполнительной власти, члены комитета РиС забеспокоились, что бывало с ними редко. Былое спокойствие вернулось лишь после принятия очередного порождения великого ума Кривши, закона «О поощрении политической активности».

Политическая активность регистрировалась электронным способом. За каждые смс на короткий номер гражданину присваивались баллы: за смс «суд» полагалось 1-2 балла, за «закон» – 2-5 в зависимости от сложности проекта, и 20-50 баллов начислялось автору закона, выдвинутого комитетом на голосование.

Поощрялась активность по-разному, в зависимости от обстоятельств. К примеру, работающий на заводе активист мог получить дополнительные дни к отпуску, хотя редко кто на заводе выходил в отпуск. Он мог рассчитывать на более динамичный, нежели у политически пассивных коллег, карьерный рост, хотя редко на заводе у кого-то что-то росло, кроме кактусов и объемов тела, а мог получить дополнительный пакетик чая. В общем, самые разные блага.

Комитет РиС добился своего: кризис миновал, политическая активность вышла на стабильный, немного превышающий два процента населения уровень. Вскоре на-

чали собирать группу единомышленников, действующих подобно мануфактуре. Выдвигаемые на голосования законопроекты разделялись между членами группы. Каждый читал свой законопроект, отвечал на вопросы по содержанию, а затем делился ответами с другими членами группы. Так мануфактурщикам удавалось участвовать практически во всех законодательных голосованиях. Они выходили в лидеры по количеству баллов и начинали захватывать законодательную власть в свои руки.

Вскоре выделилось четыре основные мануфактуры. Самая большая мануфактура просто и незатейливо называлась «Самой большой». Следующей по величине была мануфактура «Против самой большой». Была еще мануфактура тех, кого не взяли ни в «Самую большую», ни в «Против самой большой», – она назвалась «Либерально-демократической». Никто не понимал, почему мануфактуру называли именно так, но со временем свыклись и перестали об этом задумываться. Была еще одна мануфактура, также незатейливо названная «Еще одной» мануфактурой. Поговаривали, что «Еще одна» была в сговоре с «Самой большой» и организована для людей, которые по складу своего характера не любят все «самое большое», а любят что-нибудь «еще одно», чтоб не как все.

Унтерштурмфюрер также хотел организовать мануфактуру из зондеркоманды. Но бойцы не были склонны к чтению законопроектов. Тогда унтерштурмфюрер с зондеркомандой попытались вступить в какую-то из существующих, но те не решились иметь дело с зондеркомандой. Одна лишь смелая «Либерально-демократическая» изредка шла на сотрудничество, но пыталась это скрыть.

Все, кто хотел баллов, шел в «Самую большую» мануфактуру, которая стала больше всех других, взятых вместе. «Против самой большой» впала в панику и раскололась. Кто-то ушел в «Самую большую», а кто-то ушел в скорбь. Одна часть скорбящих ушла в лес искать памятник Ленину. Другая часть осталась скорбеть в городе, решив, что нет другого выхода, кроме террора и саботажа. Они даже подумывали прорвать плотину. «Либерально-демократическая» находилась в панике с самого начала и хотела одновременно и идти в лес, и взрывать плотину, и честных голосований, и занять место «Самой большой».

Так «Самая большая» мануфактура подавила все остальные. Злые Языки говорили, что система однофактурной власти неэффективна и скоро доведет город до развала. Но Егорка знал, что дело не в количестве

мануфактур, а в том, что нет в городе людей, готовых взять ответственность за трудные, кажущиеся невыполнимыми дела, нет людей, готовых творить и созидать. Нет в людях веры в возможность изменения сложившейся ситуации. «Где найти такую веру?» – думал Егор. Вскоре Вера написала ему по электронной почте.

Глава IV Каин в Свободном Полете

В каждом городе есть свой не буйно помешанный человек. В некоторых городах их даже несколько. Они ходят по улицам: кто в белых одеждах, кто в лохмотьях, а кто и в костюмах. Они всем улыбаются или же, наоборот, не улыбаются никому. Их отличительная черта – желание общения, желание открыть себя миру и тем самым его облагородить.

Свободный Полет не был исключением. По мнению Любомира, роль помешанного здесь играл унтерштурмфюрер Беловер. Но Егор знал человека гораздо более открытого и желающего общаться. При знакомстве этот человек представлялся Каином Адамовичем – первым рожденным человеком, первым земледельцем, первым градостроителем, первым человеком, оседлавшим мамонта, и первым президентом Армении. Это была только малая часть того, в чем Каин имел случайность стать когда-то первым, та малая часть, которую запомнил Егор. Каин был лично знаком с Лао Дзы, Чапаевым и Эмпедоклом. С первым он вместе рубил дрова, со вторым тонул в Урале, с третьим опять-таки рубил дрова.

Чапаев погиб, а Каин, так как в принципе погибнуть не мог, был вынесен водами Урала в Каспийское море, где попал в рыболовецкие сети и был вытащен на берег. Просохнув, Каин двинулся в сторону Монголии уговорить барона Унгерна не иметь дела с белым движением, желающим буржуазных преобразований в России, а попытаться заключить мир с большевиками. Унгерн решил Каина расстрелять, но тот смог бежать. Пешком Каин двинулся в Москву, чтобы еще раз увидеть Ленина. Новость о кончине великого вождя застала Каина в пути. Он огорченно прыснул слюной сквозь щель в зубах и чертыхнулся. Теперь нужно было спешить – решалась судьба страны и мира.

Делом и словом Каин Адамович стал помогать товарищу Сталину в борьбе с меньшевистским пособником Троцким. Троцкий же, узнав о таком положении дел, выдал сразу две, известные и поныне фразы: «Долой Каина, Сталина и его камарилью!» и «Каины должны быть истреблены, никакой пощады станицам». Почему Троцкий при-

зывал истребить Каина во множественном числе и чем провинились станицы с камарильями, Каин Адамович не пояснял, а приводил только цитаты.

«Лейба Бронштейн очень любил свой народ и хотел, чтобы тот весь жил в коммунизме, а так как народ этот имел неосторожность расселиться буквально по всей планете, Троцкий вынужден был требовать курса на мировую революцию. Поэтому, – объяснял Каин, – Троцкий нуждался в вязанке хвороста – в костер мировой революции, то есть в русских». За этот неосторожный анекдот Каина посчитали русским шовинистом и в 1936 году, с распоряжения Ежова и по ложным доносам троцкистов, репрессировали. В том же году он бежал из ссылки и направился в Испанию, где полыхала гражданская война. Из винтовки Мосина сбил два самолета, попав пилоту точно в глаз, перехватил три секретных донесения, совершил диверсию. В 1939 попал в окружение, бился до последнего патрона, последним попытался совершить самоубийство, но патрон оказался бракованным. Попал в плен. Был передан в руки Гестапо Третьего рейха. Подвергался пыткам. В 1941 году был заживо закопан на территории Третьего рейха. Грунт оказался плотным и тяжелым. Каин выкапывался шестьдесят лет. Вылез на территории Российской Федерации, чему весьма удивился. Советской власти уже не было, но она все-таки сумела Каину неумышленно напакоstitь – еще в 80-х годах положила над местом его захоронения асфальт. Каин не смог проковырять пальцами советский асфальт и стал рыть в обход. Это потребовало дополнительных пять лет. Будучи бессмертным, он мог питаться одним лишь духом, но в последние годы он все же начал скрашивать свой рацион кореньями и дождевыми червями. На момент вылазки он весил всего тридцать килограммов при росте сто восемьдесят. Бледный, весь грязный, обросший и вонючий, он вошел в родной город великого мыслителя Эммануила Канта – Калининград.

Времена были тяжелые, есть было нечего, зато Каин смог помыться и постричься. Привыкший находиться в замкнутом пространстве, он научился залазить в чемоданы, и однажды, обчистив чемодан немецкого туриста, залез в него и мигрировал в Европу. Там устроился в цирк уродом и стал неплохо зарабатывать. Отъелся, стал походить на человека и с позором был из цирка изгнан. Долгое время жил в Европе, занимаясь чем придется, пока вдруг не переехал в Свободный Полет.

Такую историю своих последних лет жизни рассказывал Каин Адамович Егору. Злые Языки, впрочем, утверждали, что Каин Ада-

мович на самом деле приехал из Одессы на заработки, а звали его Зэвик Шлоймович Шнеперман-Адамович.

Каин имел длинный нос, высокий лоб, русые волосы, покинувшие часть головы, и задорную улыбку, обнажавшую отсутствие нескольких зубов. На вид ему было за пятьдесят и, с его слов, далеко за пятьдесят, сколько точно, он не помнил. Каин изобрел несколько методик запоминания событий, но все равно массу чего забыл. Яркие события в стрессовых ситуациях вышибали остальные воспоминания. Так Каин мало что помнил о допотопных временах. В потоп Каину пришлось нелегко:

– Затопило все. Все умерли, кроме рыб, моржей, чаек, обитателей ковчега, Ламеха, отца Ноя, которого в ковчег не взяли, видимо, он плавал на ковчеге, и меня. Больше года я жил на воде. Научился спать лицом вверх, ловить вынесенную наверх пораженную глистом рыбу.

Это воспоминание было очень ярким, затмившим многие, но не все.

– А в глубокой древности люди жили собирательством и охотой. Жили общинами человек по десять взрослых и дети. Вожака не было, все решалось по-семейному. Огромный период, по сравнению с которым история государства лишь малая часть, люди жили без власти, – поэтому Каин считал себя анархистом, – люди всегда будут желать сломать даже самое прекрасное государство потому лишь, что оно чуждо их природе.

– Без государства сейчас никак нельзя. Народ не сможет защищать себя от других, имеющих сильные государства, – отвечал Егор, – видимо, нужно создать такое государство, которое сможет встроить в себя трудовые, военные общины, максимально приближенные к естественным, и такое государство будет наиболее приятно людям.

Каин очень любил пассионарные толчки. Он всегда старался оказаться там, где порождалось новое, свежее, сильное, где люди волей прорывали завесу бытия и, не страшась смерти, целенаправленно меняли окружающий мир.

– Я был в Верхнем Египте, когда крушилось Древнее Царство. Жил в северном Китае, когда появился культ Неба, видел, как в центральной Азии набирали мощь скифы, как римляне создавали войско, как возвышалась Персеида. На тяжелой сирийской колеснице я истреблял скифов. С готами переселялся к Черному морю. С арабами объединял Аравийский полуостров. С испанцами строил королевства. Со скандинавами писал руны, гнал финов в тундру. Видел, как вставали в Монголии «люди длинной воли». Как великороссы возвышали Москов-

ское княжество, как шла экспансия эфиопского православия. Как собирался советский народ на войну. В таких местах, – говорил этот странный человек, – кипит жизнь, в таких местах жизнь побеждает смерть, в таких местах не бывает скучно. Ничего хуже скуки нет. Скука противостоит счастью. Скука, а не смерть, противостоит самой жизни.

«Откуда ж ему знать, – думал Егор, – если он бессмертен?».

– Скука мучает всех и даже Бога. Бог скучает, поэтому он тоже несчастен. Бог не может быть всемогущим, при этом любить всех и быть последовательным, логичным. Если бы он был всемогущим, он имел бы власть над своей скукой и своим счастьем. А зачем абсолютно счастливому существу создавать землю с ее несчастными обитателями? Если бы он любил всех и был всемогущим, он сделал бы всех счастливыми, а, значит, он не властен над людским счастьем, либо он Бог-мизантроп. Но он может быть и властен над людским счастьем, и любить людей, но не быть последовательным и логичным. Поступать случайным образом, независимо от своих желаний, но для людей это стало бы равнозначно его отсутствию. По-моему, Бог не старец, он скучающий подросток. Чтобы чем-то занять себя, он создал и твердь, и свет, и животный мир, и Адама, и Дерево познания специально посадил в Раю, и сказал людям, чтоб ели растительную пищу, а потом отверг мою жертву и стал смотреть, что будет. А для чего было устраивать потоп и водить евреев по пустыне? Для чего нужно было переименовывать Авраама в Авраама, а Сару в Сарру? Бог искал такую форму жизни, которая не знает скуки. Так он сделал людей смертными. Смерть, ее ожидание, борьба с ней, постоянная нужда должны были победить скуку. Скуки убавилось, но... Бог и сам стал человеком, и испытал это на себе... Поэтому самое страшное наказание – бессмертие. А он сам ушел. Бога на земле нет. Заскучал и отправился к иным мирам, – так рассуждал Каин Адамович, считавший себя не только анархистом, но и атеистом.

– Естественная смерть могла быть и следствием естественного отбора в постоянно изменчивой среде обитания, – возражал Егор. – Всякое потомство чем-то отличалось от родителей, и выживали те формы, которые лучше приспосабливались к изменяющимся условиям жизни. Но если при этом старые формы оставались живыми, то новой, развивающейся жизни просто могло не хватить места и ресурсов. Заполонившие все старые формы губили бы новые, только что родившиеся, поэтому выжили только те виды, чьи особи умирали в старости. Жизнь всегда должна развиваться в силу того, что меня-

ется мир, а иначе он ее убьет. Та же природа и у скуки. Скука требует развиваться, искать новое. Отказываться даже от самого хорошего сегодня и браться за плохое просто потому, что хорошее сегодня станет плохим завтра, а что станет хорошим – неизвестно.

– Это вовсе не противоречит тому, что Бог скучал, – настоял на своем Каин, – и таким образом развлекался и искал средство от скуки. Помимо потопа и сотворения тверди он также сотворил естественный отбор и постоянно изменяющийся мир.

– А Бог не так и прост, – отметил Егор.

Каин продолжал:

– Бог ушел, и поэтому англо-саксонская цивилизация смогла насадить свою хищническую глобализацию на полмира. Бог бы этого не допустил. Советский народ пытался строить иной мир, но в одиночку не смог. Бог также бы не допустил засилья гей-культуры, он за это дело еще Содом и Гоморру сжег.

– Проблема форм общественного устройства в том, что они, в отличие от живых организмов, не имеют естественной смерти, – предполагал Егор, – и старая форма легко пожирает слабые и неокрепшие молодые. Несчастному человеку остается либо ждать, когда старую форму убьет изменившийся объективный мир, вместе с этим погубив лихую долю человечества, либо пытаться убить старую форму самим. Но так как форма этого не любит, она все равно в отместку устроит какую-нибудь войну или резню.

– Это только подтверждает мои слова. Если бы бог вернулся к земле, – уверял Каин, – он сразу убил бы старую общественную форму, особо по этому поводу не раздумывая. Он мог устроить потоп и полностью затопить всю Англию, Голландию, а дальше точечными ударами огненного дождя поразить все оставшиеся центры англо-саксонского капитализма вплоть до Нигерии, так, чтобы Эфиопия стала, наконец, самой большой африканской страной. Но внимание Бога сможет привлечь только новый, мощный, мощнее всех предыдущих пассионарный толчок, взрыв. И эпицентром взрыва вскоре будет Свободный Полет! По-любому!

Каин ждал взрыва со дня на день и уже закупил спички, соль, муку и сахар, что настоятельно советовал сделать и Егору.

Глава V

Жизнь в Свободном Полете

Если человеку, склонному к воображению, случайно бы на глаза попала карта Свободного Полета, то он мог бы заметить в очертаниях ее схожесть с силуэтом головы травоядного животного, запечатленного в фас. Многие члены Космополитического Клуба Защиты Природы частенько пита-

лись в то время травоядно, но ни у одного члена силуэт не походил на очертания города. Свободный Полет лежал на холодной земле вытянутой с севера на юг козлиной мордой. Две широкие асфальтированные дороги рогами росли из этой головы на северо-восток и северо-запад. Словно солому, жевала во рту голова несколько железных веток. Супрематизм проглядывался в несоотносительно большом, невнятно очерченном теле козла, которым на карте обозначалось городское водохранилище. Остальное место на карте занимал лес.

Лес был местом загадочным и опасным. Там водились упыри и вурдалаки. Они прятались за деревьями и нападали на случайных лесных прохожих. По слухам, от упырей страшно воняло, лица у них были синими или желтыми, опухшими, зрачки широкими. Они боялись яркого света, а ночью захаживали в город. Некоторые из них могли утолять жажду крови водкой. Злые Языки говорили, что упыри – это бывшие бомжи и наркоманы. По версии Языков, превращение случилось после того, как унтерштурмфюрер решил убрать из города всех бомжей и наркоманов. Беловер бегал за ними с арматурой, а те убегали в лес. В городе не осталось ни бомжей, ни наркоманов. Тогда Беловер начал бегать с арматурой за всеми безработными, вскоре и они оказывались в лесу либо на работе.

Прошло время – люди забыли, что такое безработица, бездомность и наркомания. Казалось, город мог цвести и пахнуть, но он не цвел, хотя и пах, но не очень приятно. По Первому Каналу прошел ряд передач о том, что завод работает вполсилы по причине отсутствия безработицы.

– Нужно уволить часть ленивых рабочих, – объяснял рабочим Нодарыч, – это даст стимул другим рабочим, и закипит работа. Английские ученые подсчитали, что завод станет работать продуктивнее на пятьдесят семь и три десятых процента, и, соответственно, вырастет зарплата.

Не ради продуктивности, а ради увеличения зарплат рабочие согласились на увольнение. Чтобы выбрать, кого именно увольнять, людей заставляли работать по двенадцать часов в сутки и перестали платить зарплату. Ждали, кто первый начнет жаловаться. Никто не жаловался: все знали, что делается это ради рабочих, чтобы повысить им зарплату. Тогда руководство решило уволить тех, кто первым упадет в голодный обморок. Но люди были крепкие, а хлеб дешевый. Тогда было принято решение поднять цены на хлеб. Но и так рабочие не начали падать – спасли садовые участки, подошло время копать картошку. Наконец,

во время ремонта в обморок упал весь цех – отравился парами токсичной краски. Их и уволили. Зарплату снова стали платить, хотя и в два раза меньше, чем прежде. Рабочие ликовали и ожидали дальнейшего роста производительности. Но производительности так и не суждено было вырасти.

Уволенные рабочие вскоре скатились на социальное дно – стали бомжами и наркоманами. Обстоятельства к этому располагали: за время отсутствия бомжей весь Свободный Полет был завален пустыми бутылками, которые некому было сдавать, а за время отсутствия наркоманов город вступил во Всемирную Торговую Организацию, и рынок завалило дешевыми наркотиками.

Унтерштурмфюрер Беловер снова начал бегать по улицам города с арматурой. Очередная партия бомжей и наркоманов убежала в лес. Но город жил уже своей нездоровой жизнью и не мог без определенной доли бомжей и наркоманов. Как только социальное дно пустело, общество скидывало туда новых людей. Неугомонный унтерштурмфюрер гнал новых людей в лес. Когда половину рабочих завода перегнали таким образом в лес, Любомир возглавил профсоюз рабочих, который загнал в лес самого унтерштурмфюрера.

Унтерштурмфюрер выжил в лесу, хотя и жил там целых два дня. Правозащитник Нодарыч похлопотал за своего племянника, и ему разрешили вернуться в город и даже взяли обратно на завод разнорабочим. Злые Языки говорили, что Беловер переродился и стал наполовину вампиром, а наполовину – негром.

Когда унтерштурмфюрер бегал с арматурой за бомжами, на Запрещенном Сайте стали писать об угрожающем росте русского фашизма. Когда заводской профсоюз стал бегать с арматурой за унтерштурмфюрером, Запрещенный Сайт стал писать об угрожающем росте русского большевизма. Запрещенный Сайт был очень чутким ко всякого рода угрозам.

Многие жители Свободного Полета заходили на Запрещенный Сайт из любопытства ко всему запрещенному. О том, что Сайт давно запрещен Некими Государственными Структурами, было написано на самом Запрещенном Сайте. Неожиданно руководителем Неких Государственных Структур был поставлен новый Некий Человек – давний пользователь Запрещенного Сайта. Некий Человек публично пообещал во имя гласности, демократии и прав человека сделать Сайт разрешенным. Но сделать этого он не смог, так как в действительности Сайт никто никогда не запрещал. За то, что Некий Человек не смог выполнить свое обещание,

он был незамедлительно подвергнут жесткой критике на Запрещенном Сайте. Некий Человек попытался разоблачить Запрещенный Сайт, но не смог – Сайт был монополистом разоблачений. Сайт разоблачал направо и налево. Он разоблачал чиновников, предпринимателей, уголовников, маньяков, шпионов. Сайт так преуспел в разоблачении, что вскоре разоблачать более стало некого. Оказалось, что Сайт больше ни на что не способен. От безделья Сайт чуть не разоблачил сам себя, но сдержался. Сотрудники Сайта пытались бастовать, голодали, но ситуация не менялась. Казалось, рабочий коллектив вот-вот разделит участь группы ортодоксальных язычников. Но, когда уже все казалось конченным, правление Сайта неожиданно спасло всех и себя – приняло решение разоблачать авансом.

Так первое разоблачение авансом получила Милиция Свободного Полета. Милиция, конечно, была не без греха, но от работы не бежала, как и весь город, не спеша делала свое дело. Однажды милиция даже спасла город от террористического захвата. То, что Милиции первой дали разоблачение авансом, ее обидело. Она перестала общаться с жителями города, замкнулась в себе. Люди стали кидать в нее недоверчивые взгляды, старухи ругали за спиной, дети обзывали грязными словами, а пьяные горожане так и лезли подраться. Милиция стала нервной, начала огрызаться, грубить. Однажды после тяжелого рабочего дня она встретила на улице сотрудника Запрещенного Сайта и отбила ему почки.

То, что сотрудников Сайта бьют, на Сайте писали еще задолго до того, как их начали бить. Когда же, наконец, сотрудника действительно побили, на Сайте появилась информация о том, что Милиция – оборотень в погонах, по ночам охотится на людей и ест их сырое мясо. Рейтинг Сайта рос, это заметили на Первом Канале. Чтобы не потерять аудиторию, Канал тоже стал показывать сюжеты про сырое мясо. Сайт и Канал в борьбе за рейтинги заполонили весь эфир сюжетами про сырое мясо. От такой настойчивости в рассказы о мясе поверила сама Милиция.

– А мы сегодня на патруле с мужиками человека съели, кило на девяносто, пьяный был, – уже хвалился один молодой милиционер другому.

Из милиции выгнали всех кришнаитов за их отказ от мяса. Язвенники ушли сами, не смогли свыкнуться с новыми порядками. Молодежь, не желавшая есть человечину, не шла в милицию, шли только потенциальные каннибалы. Через пять лет новое поколение каннибалов наполнило милицейские ряды. Еще через пять, благодаря любви к

делу и настойчивости, каннибалы заняли значимые посты. Заключительную точку в перерождении Милиции поставил опять же Запрещенный Сайт. Он разоблачил главу Милиции в том, что в действительности глава не мог все эти годы есть сырое мясо. На протяжении десяти лет его мучили совесть и гастрит. Все это время глава подло притворялся, за что и был с позором снят со своего поста. Так Милиция Свободного Полета стала оборотнем.

Врачи в Свободном Полете были хорошие. Но сайт разоблачил и их: вскоре они сами стали заражать людей. Пожарные – поджигать леса, учителя – отуплять людей, армия – дезертировать. Чувствуя свою мощь, центр разоблачений замахнулся сразу на всех горожан Свободного Полета. До этого добрые, непритязательные люди жили, помогая друг другу, зная, что человек человеку – брат. Но Сайт с Первым Каналом бескомпромиссно обвинили, что кругом быдло, воры, шлюхи, наркоманы, мафия, этническая мафия, все пьют, как кони, и бьют рыла даже инвалидам. Сильный жрет слабого, а слабый – всякую дрянь. Кругом ненавидящие друг друга индивидуумы так и ждут удачного момента нажать за чужой счет или сделать подлость.

Так Свободный Полет начал портиться и извергать зло. Сайт разразился информацией о том, что Свободный Полет портился и извергал зло еще при Иване Грозном. Продолжал портиться при Николае I и совсем уж стал омерзителен при Сталине, а зла извергал на всю планету.

Но Егорка знал, что все не так уж и плохо. Может стать и гораздо хуже. А люди еще добры и готовы открыться, как только услышат яркое, светлое слово призыва, слово-набат, полное желанием жить и созидать. Слово чуткое и в то же время мощное, рвущееся прямо из сердца, как конь по полю под строгим наездником-разумом. Но не было еще этого слова, хотя уже была вера.

С Верой Егор познакомился на форуме Запрещенного Сайта. Вера была умна, уверена в себе, и Егорка думал, что она могла бы быть необычайно красива, могла бы быть одинока, могла уметь хорошо готовить, вязать, танцевать, любить будущего мужа, рожать детей и вообще быть хорошим человеком.

Он спрашивал ее о личной жизни, а она писала ему про мировую экономику, про то, как старый мир катится к своему концу: «Сама жизнь требует этого. Слишком долго властвовали силы, безмерно эксплуатирующие все ресурсы планеты. Их системе постоянно надо расширяться, по-другому она не может существовать. Теперь достигнут предел. Хозяйство максимальной конкуренции

и индивидуализма дает сбой, оно становится неэффективным. При нехватке ресурсов прожить можно только в хозяйстве, держащемся на чувстве товарищества. Нам придется стать братьями, или же мы все умрем, оставаясь волками. Других вариантов нет. Жизнь не предлагает нам альтернатив». А Егорка просил о встрече. Просил долго, и в один день она согласилась. Это был тот же день, когда Егор увидел человека на экране своего ПУУ.

Он пришел в назначенный час, сел на скамейку. Неминуемо приближался вечер. Солнце раскаленным металлическим колом остывало и краснело, лениво скатываясь в облако городской пыли. Пот настырно выступал со лба. В сырой ладони увядали стебли цветов. Время шло медленно. Егорка думал, что оно шло к тому моменту, когда появится Вера и одарит его очаровательной улыбкой. Но времени было решительно наплевать на желанный Егором момент, оно тащилося, само не зная куда, словно подросток, мающийся от безделья.

Спустя полчаса пришла собака. «Ну, хоть кто-то», – подумал Егор и повертел цветами перед собачьим носом. Зверь щелкнул зубами и отмахнул пару бутонов. «Ну, ладно, жри», – подумал Егор и отдал букет псине. «Ну, ладно», – подумала собака и сожрала остальные бутоны.

Следующий час шел так медленно, что, казалось, собирался и вовсе остановиться здесь. Но не остановился, ушел, как и все предыдущие. Прекрасная девушка так и не пришла. Егор встал, чувствуя в себе ясное желание выпить и, может, даже уксус. Но остановил выбор на пиве. Пошел к ларьку, собака увязалась за ним.

Ларек оказался разбит, заброшен и по колено засран. Егору стало обидно. Обидно за все сразу: за Веру, за пиво и за Родину. Подул холодный ветер. Драные куски облаков растекались над головой. Егорка вдруг ясно ощутил еще слабый запах, витавший в воздухе. Это был запах сильного напряжения, запах затишья перед бурей, грядущего взрыва, бунта, революции, а, может быть, потянуло от по колено засранного ларька.

Дома Егора настигло желание действовать. От обиды и трезвости в голову лезли неумные мысли. Хотелось одновременно сделать ремонт, написать Вере, изменить мировой порядок и повышать. Нашлись игла, нитки, руки ощутили вкус вождя трудного труда, но тут что-то заскреблось с другой стороны входной двери. Егор посмотрел в глазок – никого не было видно, притом скрестись стало активнее. «Карлики», – подумал Егор, открыл дверь. У входа стояла уже знакомая собака с банкой пива в зубах.

«Гаф», – сказал Егор. Собака поприветствовала его неловким кивком головы и прошла в дом. Банку она положила перед Егором. На банке остались следы зубов и липкая слюна. «Откуда, интересно, она достала пиво?» – подумал Егор. Он оглядел лестничную площадку – никого. Хозяин вернулся в дом с уже открытой банкой и с удивлением обнаружил гостя у компьютера. Носом она включила машину, запрыгнула на стол. Взяв в пасть мышку, она стала неловко водить ей по коврику стола, косясь глазом на монитор. Долго не могла попасть в текстовый редактор, но, наконец, навела курсор на нужный файл и два раза нажала языком на левую кнопку мыши. Резким движением она попыталась развернуться, чуть не рухнула со стола, но удержалась, пододвинула клавиатуру и носом набрала слово «привет», затем лапой зажала кнопку «сдвиг» и дописала смайлик.

Егор посмотрел на монитор, на обслюнявленную мышку, допил оставшееся пиво.

– Привет, – сказал он собаке. – Ты кто?

«я вера», – написала собака.

– Вера? – переспросил Егор. Собака утвердительно качала головой. – Я думал, ты – прекрасная девушка.

Собака написала, что Вера и есть прекрасная девушка. Она жила в другом городе, и, как и Егор, работала на подобном заводе. Егор управлял машинами, а Вера – животными. В нервную систему собаки встроена электроника, воздействующая на различные рецепторы спинного и головного мозга. Электроника также управлялась посредством радиоволн. Управление животными требовало особых навыков: нужно было уметь сочетать свои приказы с жизненными потребностями зверя – походило на управление наездником лошадью, но на более детальном уровне. Управляемые животные работали на границах, выслеживая нарушителей, обезвреживали бомбы, охраняли объекты, пасли коров. Много животных использовалось в разведке и контрразведке. Звери шпионили на территории чужих государств и следили за своими неблагонадежными гражданами.

Однажды кто-то взломал информационную систему завода, где работала Вера, и устроил аварию. Основных проблем удалось избежать, но система выдала массу ошибок. Под этими ошибками работники скрыли массу своих недочетов и недоработок. Вере удалось скрыть собаку. Зверь выпал из-под наблюдения системы и находился под полным Вериним контролем. Так, сидя на рабочем месте, она стала совершать виртуальные путешествия везде, где могла пройти собака.

Егор предложил Вере остаться у него. Она согласилась. Радостно встречала его с работы, он чесал ей за ухом. По вечерам они гуляли. Вера начала убираться в квартире. Сначала Егор не поверил, что она – радиоуправляемая собака. Он думал, что как только он уходит на работу, собака бьется головой о батарею и обращается в прекрасную девушку, сбрасывая в угол собачью шкуру. Но оказалось, что это не так.

Как-то Егор пришел с работы раньше обычного. Он нашел собаку такой же, какой оставлял. Это случилось на десятый день после того, как Егор отказался от сахара на работе. У него был жар и рвота. Ночью от жара начался бред. Тогда Егору привиделось, что Вера была прекрасной девушкой в прошлой жизни, но, будучи таковой, она не любила собак, и всемирное провидение сделало ее после смерти собакой. Потом Егору показалось, что он тоже скоро умрет. Прошло десять минут, и он умер. Егор с ужасом вспомнил, что при жизни всегда не любил перец, поэтому в новой жизни станет перцем. Остаток ночи Егор провел, чувствуя себя красным и сладким. Под утро наконец-то уснул.

Проснулся под вечер человеком. Больным, измученным человеком. Собака сидела рядом, лизнула его руку. На груди лежал пожеванный лист бумаги с напечатанным текстом: «как ты егорушка? ты не спал ночь?».

Вера подключается к собаке только в рабочую смену с семнадцати до часу ночи следующего дня. Остальное время собака живет самостоятельно.

Егор позвонил Любомиру сказать, что несколько дней не сможет появляться на работе. Любомир не отвечал. «Странно все это, – думал Егор. – Неужели это из-за сахара?..».

Ужасно болела голова. Болела от всего, от чего только могла болеть. В мыслях появился заряженный маузер и там же выстрелил в голову мыслителя. От этих представлений стало немного легче. Хотелось пить. Нужно было встать. Попытка подняться – резкий удар в голову. Нужно лежать. От ужасного противоречия между потребностью и возможностью встать уходило желание жить, за ним естественным образом отпадала потребность пить. Как только пропадала потребность пить, естественным образом исчезало и противоречие. Как только пропадало противоречие, возрождалось желание жить. Оно тянуло за собой потребность пить, а это в паре с необходимостью лежать порождало противоречие. Круг замкнулся. Желание жить осциллировало как математический маятник.

В себя Егор пришел через несколько дней. Любомир по-прежнему был недоступен. Собака, будучи на самоуправлении, наложила

несколько раз под дверь, потом сама же под управлением Веры убрала за собой.

Егор пошел с собакой на утреннюю прогулку. Утро было прохладным, пасмурным, казалось, дело идет к дождю. Людей на улице было подозрительно мало. Вдалеке слышался собачий лай. «Много в последнее время дворовых собак, надо бы домой идти, набегут сейчас», – думал Егор. Лай прервал громкий разрывающий звук, будто лопнуло колесо автобуса. Звук повторился, раздался визг, еще раз, затихло.

– Ко мне! Ко мне!

Собака поспешила к хозяину. Со стороны, откуда доносились звуки, на дороге появился мини-грузовик. В кузове сидело несколько человек. Машина ехала медленно, видно было, что люди что-то искали. Егор схватил собаку за ошейник и быстрым шагом направился к своему дому. Машина повернула в их сторону. Егор боялся обернуться, чтобы не привлечь внимания, боялся бежать. Но будучи неробкого десятка, он бежал и постоянно оглядывался. Свернул во двор: ряды серых панельных многоэтажек, потоптанные газоны, кусты. Лай. Стайка дворовых собак заходила с боку. Заметили. Лают. От них не уйти.

– Фас! – крикнул Егор своей.

Оскалились. Егор резко ударил ногой самой дерзкой в нос. Не попал. Еще раз. Не попал. Звери окружали, нападали сзади – кусали за ноги. Выстрел! Псина взвизгнула и упала. Еще два выстрела! Собаки – врассыпную. Егор схватил свою на руки, побежал. Люди из машины отстреливали разбегающихся собак.

Глава VI

Ларек в Свободном Полете

Первый пивной ларек на теле города увидели после войны. Маленький и незаметный, он вырос в воронке от упавшей фашистской бомбы. Торговал больше квасом, редко пивом. Рос с переменным успехом, размножался почкованием, осторожно, почти незаметно. Демографический взрыв ларьков пришелся на эпоху Ельцина. Ларьки размножались в день по десятку, их жгли, бомбили, сносили, они почковались, почковались, почковались. Теперь ларьки уже не стеснялись торговать сигаретами и водкой, презервативами и парфюмом. Ларьки поджидали людей, идущих с работы, идущих на работу, гуляющих с собакой. Ларьки не знали ни классовых, ни расовых различий. Они поджидали всех – и молодых, и старых. Ларьки сосали соки города как могли. Город слабел, слабли люди. Эмпедокл Кривша предложил зимой отключить ларькам отопление. Часть ларьков вымерзла. Ту часть,

что не вымерзла, Управа начала обливаться жидким азотом. Но ларьки не сдались. Сбившись в колонии, они мутировали в бары и присасывались к жилым домам, пользуясь их отоплением.

Свободный Полет упал в синюю яму. Как преданный своему городу житель, Егор упал вместе с ним. Он приходил в бар, присосавшийся к его дому, и по обыкновению встречал там Любомира. Егор знал, что может бросить в любой момент, и однажды, сильно отравившись, бросил. Но спустя две недели снова начал.

В момент, когда город уверенно приближался к синему пределу, в Свободном Полете прогремели несколько террористических взрывов, унесших жизнь двух Макдональдсов. Подозрение пало на ларьки. По Первому Каналу показали фильм про террористическую сеть ларьков-террористов «Алкоида». На экране бородатые ларьки, стоя в горах, стреляли в воздух. В это время диктор рассказывал о ларьках-смертниках, появляющихся в местах скопления людей. Ларек поджидает побольше людей, долго молится, а потом взрывается, поражая людей битым стеклом пивных бутылок. Свободный Полет вступил в международную организацию по борьбе с ларечным терроризмом. Городу дали разрешение громить ларьки. Испугавшиеся ларьки тоже подали заявление на вступление в международную организацию по борьбе с ларечным терроризмом. Организация готова была принять в свои ряды и ларьки, но грузное тело бюрократического аппарата организации не успело совершить нужных телодвижений.

Масла в огонь подлил Запрещенный Сайт. Он разоблачил сговор ларьков с коррумпированной Управой города. Люди вышли на улицы. В первых рядах громить ларьки шла зондеркоманда. Ларьки попытались бежать из города, но Управа закрыла город. Озверевшие от собственного страха люди зажимали ларьки в тупиках, запинывали ногами, били палками, закидывали камнями. Кругом валялись битые стекла, и липкое густое пиво растекалось по асфальту. Зондеркоманда сделала самодельные огнеметы из баллончиков со средством для укладки волос и устраивала ритуальные сожжения ларечных трупов. Город заполонило едким запахом жженой ларечной плоти.

Наконец все ларьки и бары Свободного Полета были уничтожены, кроме последнего, самого первого ларька. Он пытался скрыться в подвале дома, но был замечен. Люди собрались поджечь весь дом, лишь бы уничтожить врага, но тут ларек вышел сам. Не спеша, гордо вышел он, глядя своим преследователям в хищные глаза. Он не боялся

смерти. Старый ларек ни о чем не жалел.

Из толпы вырвался унтерштурмфюрер Беловер и резко ударил арматурой по правой витрине. Раздался звон бьющегося стекла, потекло пиво. Ларек стоял, снося удары. Еще удар. Еще. Ларек стоял. Тут толпа набросилась на него, стала рвать старое деревянное тело. Беловер залез на крышу, держа в руках еще работающий кассовый аппарат, выдранный из ларечного чрева. Унтерштурмфюрер безумно смеялся, глядя обезумевшими, неморгающими глазами на толпу, и жевал выходящую из аппарата бумагу, пачкающую чернилами губы унтерштурмфюрера.

Уже через два дня после погрома удавились первые алкоголики. Всеобщий абстинентный синдром охватил город. Не зная, чем занять себя, люди начинали обливаться холодной водой, раздельно питаться, по три раза в день делать гимнастику, работать в две смены подряд. От перегрузки людей срывало, кто-то бился в горячке, кто-то продолжал давиться. Люди начали думать зло, жадно, с надрывом. Резко возросло количество посетителей Запрещенного Сайта.

Егор, имевший недавний опыт двухнедельного отказа от алкоголя, переносил лишения нормально, чего нельзя было сказать о Любомире. С каждым днем трезвость все больше раздражала его. В один из таких трезвых дней Любомир пришел домой с жаром. Его рвало. Это был тот же день, когда рвало Егора. Позднее оказалось, что рвало всех рабочих цеха.

Но не одна только трезвость раздражала Любомира. Его продолжал раздражать унтерштурмфюрер Беловер, с которым он также поспорил, что сможет жить без сахара месяц. Позднее оказалось, что с Беловером поспорили все рабочие цеха.

Пришел день расплаты. Любомир жаждал получить награду и признание Беловера в поражении. Больничный отпуск еще не кончился, но сильно хотелось на работу. У Любомира начались приливы ненависти: хотелось что-то сломать, начала чесаться кожа, заныл зуб, задергался глаз. Начали мерзнуть ноги и руки. Любомир не мог больше находиться дома: выбежал на улицу. Он быстро ходил по городу, постоянно оглядываясь. Спустя час ноги сами привели его к заводу. Скоро должна была закончиться смена. Любомир зашел в здание.

У проходной стояли две скамьи. Обе, как пни грибами, были облеплены пенсионерами. Любомир вдохнул полной грудью воздух, наполненный легким запахом родного завода, и стал прогуливаться от скамьи к скамье. С другой стороны проходной появился охранник и грубо напомнил всем о не-

обходимости покинуть помещение до конца смены.

– С чего?! – возмутился Любомир в сторону уходящего охранника.

Несколько секунд тело в форме продолжало инертно двигаться, затем угрожающе остановилось. Охранник направил на Любомира взгляд, спокойный, словно у коровы, и в то же время недобрый и хищный, словно у плотоядной коровы.

– С чего?! – повторил Любомир. – Сам уходи!

Охранник молчал. Видимо, думал. Любомир огляделся: пенсионеры с грустными лицами покидали свои насиженные места.

– Что уходите? – вопрошал у пенсионеров возмутитель спокойствия. – Стоять всем! Наш завод!

Любомир стал догадываться, что нарушает течение какого-то древнего ритуала, но отступать не собирался. В это время сотрудник порядка что-то кому-то сообщил по радиации и плавно приблизился к Любомiru.

– Как ваша фамилия?

– Зайцев!

– Вы здесь с какой целью, Зайцев?

– Тебе какое дело?

– Я имею право требовать от вас покинуть здание завода, если вы не работаете здесь.

– Работаю здесь.

– Тогда идите и работайте.

– Я жду – человек придет – работа не волк – успею.

– Хорошо. Тогда предъявите свой АУС.

Предъявлять было нечего, АУС Любомир оставил дома.

– Нет.

– Тогда прошу – к выходу.

– Нет.

– Вы хорошо подумали?

– Нет – вообще не думал.

К говорящим приблизились двое крупных молодых людей в черной форме. Любопытствующие пенсионеры столпились у выхода и следили за происходящим. Любомир чувствовал себя защитником униженных и оскорбленных. Охранник же чувствовал оскорбленным себя и, дабы не чувствовать себя еще и униженным, ударил Любомира резиновой палкой в живот. Двое подошедших подхватили скрюченного защитника униженных под руки и поволокли к выходу.

Увиденное породило панику среди столпившихся пенсионеров. Давя друг друга, они плотной массой стали проталкиваться к двери. Туда же двое стали проталкивать Любомира, утрамбовывая им людскую массу. Вскоре тромб рассосался, все изгнанники оказались на улице. Вышел охранник и, победоносно оглядев толпу, повелел расходиться. Все начали расходиться, но тут слово взял оклемавшийся от удара защитник

униженных:

– Что творите?! – обратился он к униженным. – Какого вообще?! – Чего испугались? – С работы не выгонят! – Растоптать могли охранника! – Девки! – Слабаки! – Сегодня гонят – завтра не пустят.

Кто-то из толпы сказал:

– Пустят.

Кто-то зевал, кто-то ворчал «Дурак молодой», но в большинстве своем толпа старчески причитала, но не расходилась.

Смена закончилась. Стали выходить первые рабочие. На ступеньках снова появился охранник. Смятение пошло по рядам пенсионеров.

– Оставайтесь! – зло проговорил Любомир – на батареях!

Зайцев смотрел врагу прямо в глаза, враг – в глаза Зайцеву. В его взгляде не осталось ничего общего с коровьим, теперь охранник больше походил на быка с дубиной вместо рогов. Он плавно спускался по ступеням, стуча застрявшим в рифленной подошве камешком, словно копытом. Зайцев, преисполненный реваншистским настроением, терпеливо ждал приближающегося врага. Вдруг за широкой спиной охранника показалась знакомая фигура. Быстро шагая и стреляя глазами во все стороны, со ступенек спускался Беловер.

– Беловер! – радостно закричал Любомир.

Унтерштурмфюрер испуганно посмотрел на кричащего и замер. Охранник, почувствовав, что его могут окружить, решил прорываться с боем. В несколько секунд он почти настиг жестикулирующего Любомира и, наверняка, нанес бы ему еще один сокрушительный удар, но, будучи в нескольких метрах от цели, запнулся о своевременно подставленную одним из пенсионеров трость. Охранник рухнул на бетонный пол. Ударом ноги Любомир выбил из его рук резиновое орудие и наскочил на обидчика. В это время поспешно спускалась по ступеням фигура Беловера, явно желающая удрать. Шагая прямо по телу поверженного врага, Зайцев погнался за унтерштурмфюрером.

– Держи его! У него мой сахар!

Жажущие наживы пенсионеры быстро и слаженно отреагировали на призыв и преградили унтерштурмфюреру путь. Испуганный Беловер побежал обратно на завод, но у самых дверей был настигнут и повален на ступени разъяренным Зайцевым. Красный, запыхавшийся, он скалил зубы и выпучивал на унтерштурмфюрера бешеные глаза.

– Где мой сахар?! – Где мой сахар?! – Тебе говорю!

– Не... не... не... – пытался сжаться в комок Беловер.

– Где мой сах-а-ар?!

– наших бьют! – услышал Любомир за спиной, по которой секундой позже получил мощный удар тупым и тяжелым предметом, похожим на ногу.

Зайцев упал и несколько фашистских активистов начали наносить ему не менее мощные удары не менее тупыми и тяжелыми предметами. Спасла Зайцева группа антифашистских активистов, которые уже давно искали повод для конфронтации. С криком «Бей уродов!» они напали на бьющих Любомира.

Тем временем поток выходящих с завода людей достиг своего максимума и приносил обеим сторонам завязавшейся драки новых членов. Вскоре многие заводчане, жаждущие эмоциональной разрядки после тяжелого и трезвого трудового дня, стали вступать в драку, не тратя времени на выяснение причин побоища. Потасовка вовсе утратила всякую идеологическую составляющую. Вскоре появилось большое количество людей в черной форме. Они начали вытаскивать из толпы по одному воину и выносить, возможно, в поле.

Рискуя здоровьем, но в целом довольно удачно Любомир выбрался из эпицентра бушующей людской стихии. Но Зайцеву рано еще было расслабляться. Работая в толпе своей резиновой дубинкой, за ним прорывался знакомый охранник. В охваченной боем толпе охранник выглядел как рыба в воде, причем рыба крупная и плотоядная. Любомир же чувствовал себя рыбкой мелкой, причем на суше. Положение казалось безвыходным. Зайцев поднял руки к небу с желанием взмолиться о помощи, но взмолиться не успел. Двое незнакомцев в черном схватили его за поднятые руки и потащили из толпы. Любомир не сопротивлялся и только просил тащить быстрее. Но люди, не привыкшие идти на компромиссы, стали тащить Любомира еще медленнее.

– Держите меня крепче! – просил Зайцев, отпिनываясь от приближающегося охранника. Но незнакомцы, не распознав намерений охранника, отпустили Любомира и приняли оборонительную позицию. На удивление людей в черном, охранник не обратил на них внимания, а набросился на упавшего обидчика. Незнакомцы набросились на охранника. Тот был подобен медведю. Ярости ему хватило бы разорвать и Любомира, и людей, но поодиночке. Через несколько секунд люди уже волокли безрезультатно вырывающегося и ревущего охранника. Любомир лежал на земле, проводя картинку утомленным, но полным ощущения победы взглядом.

Он встал, сплюнул перемешанную с кровью слюну и некогда ноющий зуб. Посмотрел на толпу – бушующая, она нарастала,

все сильнее притягивая новых людей. Люди в черном перестали справляться. Масса начала втягивать их в себя. Любомир быстрым шагом двинулся в сторону от толпы в соседний двор. Но почувствовал, что не успевает – тяжелое, плотное тело людской толпы тянуло его обратно. Зайцев ухватился за столб. Ветер воронкой закрутил вокруг тела, начало засасывать мусор и пролетавших мимо птиц. Тело все росло и уже начало напирать на завод.

Любомир смотрел на происходящее, держась за столб. За спиной раздался выстрел. Зайцев обернулся, из соседнего двора бежала стайка собак, за ними ехала черная машина с открытым кузовом. Любомир узнал людей в кузове – «зондеркоманда Перуна». В руках их были карабины, они отстреливали собак. Зайцев отпустил столб и рванул в соседний двор, но ветер сбил его с ног. Тяжелое тело толпы засасывало Любомира.

Глава VII

Переворот в Свободном Полете

Похолодало. Егор стоял у окна, смотрел, как серая влага затянула небо. Из открытой форточки потянуло гарью. За последние несколько дней – третий пожар. Откуда-то доносились резкие звуки выстрелов. «Правда ли, что все собаки попадают в СССР?» – с грустью подумал Егор, глядя на Веру. Он не выпускал ее из дома вторую неделю. Несколько дней он не выходил из дома сам. Первый Канал передавал, что завод закрыт на неопределенный срок. Не успел Канал дать пояснений к этой информации, как сам перестал вещать. Запрещенный Сайт извергался на читательские умы сообщениями о военных бунтах, морях крови, невинных жертвах, русском бунте, фашистском терроре, революции. Но делал он это недолго – пропал.

Нельзя было ни до кого дозвониться.

За неделю цены на продукты выросли в десятки раз и грозили расти дальше. Чувствуя, что деньги теряют свою цену, Егор полностью вложил их в гречневую крупу. «Получится ли оплатить кашей счет за электричество?» – задался вопросом Егор, когда денег совсем не осталось, а на кухне лежал центнер крупы. Вопрос отпал сам собой – электричество в доме отключили. До этого жители даже не могли представить, что электричества в принципе может не быть, и теперь пребывали в шоке. Кто-то пытался отопить дом открытым огнем, от чего участились случаи пожаров.

Во двор Егоркиного дома въехала машина. Три человека в серой форме с белыми повязками на рукавах вышли, хлопнув дверями, быстрым шагом направились к

подъезду. Егорка жил на третьем этаже, он слышал, как люди, поднимаясь, стучат по лестнице тяжелыми подошвами ботинок, слышал, как они остановились у его двери. Полминуты они молча стояли. «Звонить пытаются», – сообразил Егор. Начали стучать. Стучали долго, что-то кричали. Егор не открыл. Ушли.

День проходил медленно, крался к ночи. Солнце с трудом освещало заоконный пейзаж сквозь слой серого пара. Ночь все-таки пришла. Необычайно темная ночь.

Егор проснулся от удара в живот. Это Вера запрыгнула на него.

– Что... что случилось?

Собака тыкалась носом ему в губы, не давая говорить. По ощущениям было часов двенадцать. Он встал с кровати, собака резко затихла. У двери послышались звуки: кто-то ковырялся в замочной скважине. Щелкнуло, заскрипела открывающаяся дверь. Егор вскочил, собаки уже не было рядом. Резким движением он упал на пол, схватил гирию из-под кровати. Вооруженный, рванул в коридор, выводящий к входной двери. Ярким светом ударило по глазам.

– Эге-гей! – усмехаясь, проговорил знакомый голос. – Гражданин Ржов, оденьтесь.

Люди зло рассмеялись. Егор узнал свою фамилию и сказавший ее голос – голос унтерштурмфюрера Беловера.

Их было четверо, с фонариками, в серой форме. Прошли в коридор, не разуваясь.

– Почему не открывал днем? – спросил Беловер, усевшись в кресло, пока трое других осматривали кухню и туалет. – Где же русское гостеприимство?

– Опустит фонарь.

Подумав, унтерштурмфюрер опустил:

– Так почему же не открывал? Есть что скрывать?

– Время беспокойное. Зачем пришел?

– Честному человеку всегда должно быть спокойно. Ведь вы честный человек, гражданин Ржов?

– Честный. Зачем пришел?

– Скажи, Егор, где Любомир?

– Что?

– Где, – Беловер повысил голос, – Любомир? Где гражданин Зайцев?

– Не понял. В смысле?

Беловер звонко цыкнул зубом.

– Не понимает! Он не понимает!

– Вы вломились ко мне в дом, – Егор говорил медленно, проговаривая слова по слогам, – ночью и что-то ищете, и ты спрашиваешь меня про Любомира. Я его последний раз видел на заводе. АУС он не берет. Где он, не знаю. Я вообще не знаю, что происходит.

– Ясно, – он снова издал чмокающий звук.

– Ясно, ясно. – Беловер встал. – Я поверю

тебе. Видишь, я тебе доверяю. Мы, белые люди, должны друг другу доверять. А вот твой друг, твой знакомый, нам не доверяет. Он нам мешает. Понимаешь? Он против нас.

– Не понимаю.

– Егор, – унтерштурмфюрер доверительно наклонился к Егору, сидевшему на кровати, – свершилась белая революция. Мы, белые люди, взяли власть. Город наш, но чурки, педерасты и прочая мерзость пытается сопротивляться. И среди них твой приятель – Иуда Зайцев. Поможешь ты нам или нет, мы найдем его. Но у тебя есть шанс встать с нами в один строй. Выбирай. Ты с нами или против нас?

Мысли дикими лошадьми скакали в голове Егора: «Бред... А если правда?.. Что тогда?..».

– Так это вы отстреливаете собак? – нашел что сказать Егор.

Беловер снова сел в кресло:

– Мы.

– Для чего?

– Собаки шпионили.

– ?..

– Среди собак масса агентов. Приспешники красно-желтого дьявола, китайские резиденты.

– Собаки – китайские резиденты?

– Да. Масса собак кормилась у китайского посольства. Больше не кормятся.

– Вы всех убили?

– Не всех. Некоторых поймали живьем и пытаем.

Егор почувствовал, как что-то свело в левом боку. При отраженном свете фонарей в руках одного из посетителей что-то блеснуло. Револьвер! «Что ж делать с этими идиотами? – вертелось в голове. – Вера, Вера, где ты? Час... Который час?».

– Который час? – слетело с языка.

Мужчины стояли молча, Беловер сидел, вглядываясь в Егора.

– Зачем вы пришли ко мне в таком позднем часу? – попытался замять подозрительный вопрос.

Серые молча вглядывались в лицо Егора. Сердце билось так, что, казалось, открыть рот – слышно станет стук. Но рот нужно было открыть.

– Если вы хотите мне что-то предложить, то предлагаю отложить это до утра.

Беловер засмеялся, за ним засмеялись и остальные.

– До утра? Подождать, когда наш Егорushка выспится? Нет! Ты много помнишь... мямлишь... будь мужчиной, дай ответ.

– Что?

– Отвечай!

– Что?

– Ты с нами?

– С вами.

– А-а-а!!! – заорал Беловер.

– А-а-а!!! – заорали остальные.

Нутро Егора сжалось. Он сидел, как и раньше, не подавая виду. Где-то заскулило.

– Боец! Белый человек! У тебя белый путь, ты...

Раздался лай.

– Ты что это? – Беловер резко сменил тон.

Час ночи. Вера уже не управляла животным. Напуганная криками собака вылезла из своего укрытия за мешками с крупой и подала голос. Человек с револьвером рванул в кухню. Егор бросился за ним.

– Стоять! – рывкнул Беловер. – Стоять! Не стрелять!

Удар. Лай. Еще удар. Вспышки перед глазами. Визг. Жесткая подошва смяла ухо. Посыпались удары.

Глава VIII

Свободный Полет из окна

– Хэ-э. Появился. Молодец! А я уже заскучал. Сижу один. Тут тебя тащат. Ух, думаю, хорошо. Посидим. Вместе всяко веселее. Ну, рассказывай, рассказывай.

У Егора жутко болела голова, был подбит глаз, нос распух. Его выволокли из дома, затолкали в машину, привезли на территорию детского сада № 2. Здесь у зондеркоманды была база. Бывший кабинет медсестры был наспех преобразован в место заключения: окна заколочены досками, в комнате – ничего, кроме старого крана и порыжевшей раковины. Одно служило заключенным источником воды, другое – отхожим местом. Охранял заключенных молодой парень лет четырнадцати, бритый наголо, с белой повязкой на рукаве.

– Ну, что ты молчишь, не узнал что ли?

В комнате было темно. Егор сидел, ничего не понимая.

– Егор. Егор-ор. Прием. Земля вызывает.

– А где Вера? Где моя Вера?

– Ты чего? Веру потерял, отчаялся? Или ты женщину ищешь? С женщинами тут не очень, тюрьма как-никак.

– Вера. Собака моя.

– Собака? Интересное дело...

Несколько секунд Егор сидел в недоумении, пока сокамерник не окатил его холодной водой.

– Ну, пришел в себя?

– Пришел. Ты кто?

– Каин.

– Каин?

– Каин.

– И ты здесь?

– И я здесь. Меня посчитали за жидомасона.

– Ну, имя-то у тебя еврейское, – отметил

Егор.

– А если у тебя греческое, так ты грек что ли? Я – русский. Я так же люблю просторы, честность и труд. Я люблю, когда человек человеку брат. Я люблю русский язык. Я больше русский, чем Дима Беловер.

– А он наполовину негр.

Со слов Каина, фашисты не могли целиком захватить город. Сейчас, как он полагал, вся зондеркоманда находилась в саду № 2.

Уже рассвело, было видно, что около двадцати молодых людей с оголенными торсами и белыми повязками прыгают во внутреннем дворике садика через костер, дико крича какие-то заклинания.

– Скажут, – пояснил Егор. – Как же они любят орать!

– Это не зондеркоманда, это все новички. Они – наемники.

Деньги обесценились и были больше не в ходу. Роль их стали играть заводские пакетики сахара и бутылки пива. Теперь сантехники работали за бутылку, водитель – за пакетик. На сахар менялся хлеб, на бутылку – бензин.

Зондеркоманда планировала операцию не один год. Они работали на заводе, не ели сахар, копили пакетики. Когда срок годности первых пакетиков стал выходить, зондеркоманда провернула аферу, заключив спор с множеством заводчан об отказе от сахарных пакетиков. В это же время они начали бомбить ларьки и воровать бутылки. За несколько дней до того, как нужно было возвращать людям сахар, фашисты начали травить воду для чая. Люди уходили на больничный, сахар оставался фашистам. Одновременно с этим начался большой террор против ларьков. Когда люди остались без сахара и пива, начались волнения. Закрылся завод. Здесь-то зондеркоманда и начала набирать себе наемников. Люди шли к ним, нанимаясь кто за сахар, кто за пиво. С армией наемников фашисты попытались взять штурмом здание управления Первого Канала и Запрещенного Сайта. Сначала оказалось, что это одно и то же здание, а потом оказалось, что армия наемников, взяв здание, все в нем разгромила. После фашисты попытались взять здание городской Управы, но Управа смогла за свой сахар и пиво перекупить часть наемников, и они стали биться друг с другом. Тех, кто раскрыл коварный фашистский план, фашисты попытались поймать. Одного из них, Каина, они поймали спящим на скамейке в парке. Другого, таджика Бонифация, поймать не удалось. Он скрылся то ли где-то в глубине завода, то ли в Таджикистане.

– Должно быть, какой-то очень умный серый кардинал руководит ими. Возможно,

даже умнее Эмпедокла, – решил Каин.

Каину сильно не понравилось, что планы фашистов частично осуществились, он считал, что они могут сорвать новый толчок пассивности, который он так мечтал увидеть в Свободном Полете. Егору тоже не нравилось, что фашистские планы осуществились, он считал, они могут сорвать все, что он в принципе мечтал увидеть в Свободном Полете. Так, просидев в тюрьме полночи и полдня, они решили бежать. Каин заявил, что за тысячи лет своей жизни он выучил несколько приемов, которыми в секунду можно свалить любого фашиста. Итого, ему хватит и пяти минут, чтобы свалить всю их базу, но при условии, если все фашисты встанут в ряд. Как установить всех фашистов в ряд, они не придумали. Пришлось план несколько изменить. Они решили позвать охранника, свалить его, взять его повязку, свалить еще одного первого попавшегося фашиста, свалить его, взять повязку. Затем, притворившись фашистами, выйти с территории детского сада.

Планы беглецов нарушил охранник, забывременно покинувший свой пост в неизвестном направлении. Узники долго стучали, звали, но никто к ним не приходил. Тогда они попытались выбить дверь. Не получалось.

За окном грохнул выстрел. Еще один. Крики людей. Узники бросились к окну. Через щель в досках видно было убегающих людей с оголенными торсами, брошенные белые повязки у костра. Что-то происходило и происходило очень быстро.

– Надо вышибать доски, это наш шанс, – понял Егор.

Егор с разбегу начал бить ногой в нижнюю. Доска не поддавалась. Каину поддалась старая чугунная раковина – он смог оторвать ее от стены. На пол хлынула вода. С двойной силой Каин с Егором начали атаковать доску: Егор – ногой, Каин – раковиной. Едкий запах дыма начал наполнять комнату.

– Здание горит, – понял Каин, – теперь некуда отступать.

Разгоняясь по мокрому полу, они наваливались на доски. Еще раз. Еще. Доски стали поддаваться. Еще. Щель расширялась. Еще. Последний удар, и доски рухнули с высоты второго этажа.

Егор посмотрел на Каина, его бледное лицо и руки были в крови. Он жадно глотал свежий воздух. Свет слепил глаза.

– Прыгай! – крикнул Егор сокамернику. – Прыгай! Ты же бессмертный!

Каин дикими глазами взглянул на Егора, залез на подоконник и прыгнул. Приземлился относительно удачно. Встал, но опирался на одну ногу.

Егор огляделся вокруг – из окон первых этажей валил дым. Несколько человек лежали на территории детского сада. Кто-то бежал вдаль. Егору показалось, что это унтерштурмфюрер с бараном на плечах, но он не стал вглядываться.

– Чего ждешь? – кричал снизу Каин. – Пора уходить, здесь стреляют.

Егор прыгнул.

Глава IX

Оборона в Свободном Полете

Шли вчетвером. Двое совсем молодые ребята: Коля и Ильяс. Одному – шестнадцать, второму – семнадцать. Туристы, сильные, ловкие парни. Шли молча. Третий – Василий, невысокий, коренастый, с круглым лицом и густыми усами. На заводе он отвечал за электроснабжение. Василий хорошо знал ту часть завода, через которую им предстояло пройти. Шли тихо, говорили мало, держались стен.

Редкие куски облаков, серые, как старый, лежащий под ногами асфальт, мерно двигались на юг. Осеннее солнце мягко грело головы и освещало заброшенные здания. Егор смотрел в окна. Те, что имели стекла, отражали небо. Выбитые имели за собой лишь темноту, словно пустые глазницы многоликого завода, униженного и брошенного, они выражали печаль и холод. На вид завод был пуст, но это была странная, пугающая пустота. Словно бы оскверненный, оставленный людьми некогда величественный храм труда теперь заселили черти, и сейчас они смотрят за этими четырьмя неизвестными гостями и решают, что с ними сделать.

– Свернем к забору, пойдем вдоль него, не стоит лишний раз заходить вглубь, – сказал Егор.

У забора росла облепиха. Егор поправил карабин на плече и сорвал несколько мелких ягод.

– Если вдоль забора – сделаем крюк, – заметил Василий.

– Тень мелькнула за тем углом, – Егор указал на небольшое двухэтажное здание из красного кирпича. – Как бы за нами не следили.

Несколько минут они стояли молча, смотрели по сторонам. Василий закурил.

– Не стоит курить.

Василий молча посмотрел на Егора и затушил сигарету. Егор не считал лишним всякую осторожность.

Егор вспомнил, как сидел в заключении у зондеркоманды. В тот день Егор впервые увидел жертв охватившего город хаоса. Космополитический Кружок Защитников Природы устроил акцию возмездия. Всемирная Организация Защиты Животных снабдила

городской Кружок оружием. Утром Кружок окружил базу фашистов и атаковал. Несколько человек было убито сразу. Часть фашистов бросилась в бегство – им дали уйти, цель была захватить унтерштурмфюрера. В окна здания полетели бутылки с коктейлем Молотова. Начался пожар. Группа фашистов, оставшихся внутри, с боем стала пробиваться через окружение. С большими потерями фашистам все же удалось вырваться. Унтерштурмфюрер ушел.

Егор с Каином выпрыгнули из окна. Высокий крепкий человек с зеленым чулком на голове и с автоматом в руке подбежал к ним.

– Встали! Бегом! Через забор! Вперед! Быстро!

Человек вывел их за территорию садика, завел в соседний двор. Каин с трудом бежал, прихрамывая на правую ногу.

– Мы не фашисты. Мы... мы сбежали...

– Были бы фашистами – с калаша вас нахрен. В две тушки. Вперед! До леса!

Каин бежал и падал, человек, матерясь, поднимал его одной рукой и заставлял бежать дальше.

– Ага, – запыхавшись, заговорил человек, когда они были уже в лесу. – Пошла война – пули свистят – сантиметр от уха – Молотова на... – Все в огне. – Восьма! – В фашиста попал – дико – лежит трупом. – Огребем еще – лихо. – Восьма!

Что-то Егору показалось очень знакомым в этом разговоре, он решил подойти к человеку, тот стянул чулок с лица.

– Любомир!

– А то! – папа Римский? – Здорова, чо, – беглецы, вас за ногу! – Друзья обнялись. – Отморозки, – начал объяснять Любомир по порядку. – Кругом теплуха! – Фашистский переворот! – Обломались! – Потому что дебилы! – Восьма! – Любители животных – тоже дебилы – за собачек обиделись – горячие головы! – Оружие иностранное – енот – военный консультант. – Восьма!

– Прямо енот? – удивился Каин.

– А то! – Весь в полосах!

– Это, наверное, радиоуправляемый енот, – пояснил Егор. – Им кто угодно мог управлять.

– Ага – папа Римский! – Они мне что – фашистов бить. – Я – а то! – Восьма!

Сегодня обстановка в городе была совсем другая. Быстрой военной развязки не получилось. По всему городу то и дело происходили вооруженные стычки. По данным, что имел Егор, фашисты укрепились в западной части города. Центр и восток находились под властью Управы, их поддерживала большая часть милиции. Но многие низшие чины перешли на запад. Что происходило на юге – неизвестно, говорили, там сильна

группировка «Царя в голову!». Где-то в лесах прятались разбитые части Космополитического Кружка Защитников Природы. Отряды «Гражданской обороны», в чьих рядах состоял Егор, расположились в северо-восточном районе города, к которому прилегали большие массивы садовых участков. Отрядами «Гражданской обороны» руководил Центральный Совет, главой Совета был Любомир. Егор в Совете отвечал за разведку. С самого начала ведения военных действий Центральный Совет Отрядов взял курс на захват садовых массивов. База Совета укрылась на массиве «Пенсионер», откуда Любомир повел отряды на городскую котельную, снабжающую электричеством восточную часть города. Сопротивление им оказывал только небольшой, но хорошо вооруженный отряд фашистов. Котельная была взята ценой десяти человеческих жизней.

Совет смог заключить временный союз с Управой. По соглашению Отряды обязались без боя передать Управе работоспособную котельную в обмен на оружие. Это соглашение стало примером виртуозной дипломатии и спасением для отрядов, так как из оружия у них были: автомат Любомира, четыре духовых ружья, пять пистолетов и лук на лосей, принесенный одним охотником.

Зондеркоманда, видя, что запасы сахара и пива заканчиваются, поняла, что уже не способна захватить город в прямом столкновении, и прибегла к террору. Им удалось совершить диверсию на котельной, переданной Отрядами Управе. Восточная часть города лишилась электроснабжения. Фашистам удалось вывести из строя водоснабжение города, в том числе – и в своих районах. Силы Управы и «Царя в голову!» начали ответный террор. Вскоре весь город пребывал в холоде и темноте. В Свободном Полете начались эпидемии. Многие больницы были сожжены фашистами еще в самом начале. Лекарств не хватало. Силы городской Управы, вероломно нарушив соглашение с Отрядами, попытались выбить их из садоводческих массивов, но те удержали оборону.

Отряды жили в деревянных и отапливаемых домах, питались поспевшим урожаем яблок, кабачков и картошки. Люди шли из города к Отрядам «Гражданской обороны», многие несли запасы крупы, соли, оружие, но на всех все равно не хватало.

Становилось понятно, что зиму в таком состоянии город не сможет пережить. Нужно было что-то делать. Силы отрядов росли, но противники по-прежнему были достаточно сильны. Егор настаивал на союзе с одной из действующих в городе сил. О союзе с фашистами Любомир запретил даже думать. Союз с Управой уже терпел неудачу. Контакт

с южными группировками города не было. Егор вызвался идти на юг в обход, через лес и территорию завода. С ним согласились идти трое добровольцев. В разведку просился Каин. За излишние разговоры о пассионарности его стали считать сумасшедшим, а в бою ненадежным. Товарищ Ржов помнил, что связывало его с Каином, он сказал громко, но твердо:

– Нет, Каин, извини.

Каин виновато улыбнулся, покачал головой и ушел.

Дорога через завод не была ни самой короткой, ни самой безопасной. Но Совет поставил перед группой задачу провести разведку и здесь. По предыдущим данным, на территории завода в данный момент не находилось ни частей фашистов, ни Управы.

– Товарищ Ржов, – шепотом обратился к Егору Ильяс. – Товарищ Ржов!

Егор увидел, что ему показывал Ильяс – метрах в трехстах находился большой черный объект.

– Василий, что это может быть? Видел такое раньше?

– Нет.

– Нужно посмотреть.

Разведчики разделились попарно, каждый по своей стороне вдоль зданий пошли к объекту.

– Каток. Точно каток, товарищ Ржов, – заговорил Ильяс.

По огромному барабану стало понятно, что перед ними бывший Каток. Был ли он раньше, как говорили, черным, теперь сказать было сложно. Но то, что от него осталось, было весьма черно.

– Должно быть, сожгли, – оценил Василий, – еще в первые дни, когда завод громили.

– Ну, зато нас не раздавит Черный Каток, – шуткой Коля попытался всех приободрить.

– Тихо! – скомандовал Егор. – Слышите? Будто мотор.

Егору не послышалось. Где-то далеко впереди ревели моторы.

Товарищ Ржов шел впереди, за ним – Ильяс. Метрах в тридцати от них шли Василий и Коля. В этой части завода многие здания были порушены, будто после войны. Звук становился все громче. «Зря мы сюда пошли», – подумал Егор, глядя на развалины, где вперемешку с кирпичами лежал разбитый пульт универсального управления.

– Куда же подевались ПУУ из тех корпусов, которые остались целы?

– Стой, – прошипел товарищ Ржов больше себе, чем Ильясу. – Смотри, – он указал на обочину дороги, сворачивающую направо, – трава смята, следы гусениц.

– Танк?

– Стой тут.

Егор подошел к углу кирпичной стены. За поворотом в двадцати метрах стоял бульдозер. Мотор заглушен. Егор зашел к машине сбоку. Огромные гусеницы полутораметровой высоты, ковш, маленькая желтая кабина управления, в которой не было места для водителя.

– Должно быть, это видеокamеры, – решил Егор, глядя на отверстия в корпусе.

– Что это, товарищ Ржов? – Ильяс вышел из-за угла.

– Бульдозер, не видишь что ли.

– Откуда?

– Черт его знает. Но предчувствие у меня плохое. Я на таком же работал. – Егор снова посмотрел в сторону, откуда доносился звук моторов. – Надо уходить, здесь может быть охрана.

Он спрыгнул, подошел к ковшу. «Словно огромная металлическая лапа, – подумал Егор. – А ведь где-то сейчас идет на работу человек, который, как и я, когда-то включит свой ПУУ, начнет работать. Человек не заботится ни о чем, он делает свое дело и знает, что кто-то сделает так, что человеку будет тепло и сытно. Кто-то уберет мусор, кто-то помоеет пол. Если заболит – придет врач, если пожар – пожарные. И человеку плевать на то, как это устроено, он считает, он это заслужил тем, что водил непонятно для чего, непонятно где свой бульдозер. Человек не видел больших бед, он хочет удовольствий, он страдает. Человек готов выразить свое мнение, поругаться, сходить на митинг, сломать в качестве протеста таксофон, пьяным подраться с милиционером, расклеить антигосударственные листовки. Он капризничает, когда его наказывают, он готов ломать строй, он и представить не может, что случится что-то страшное. Ведь есть кто-то сильный, кто не допустит беды, да и какая может быть беда, ведь человек живет в цивилизованном мире. Человек – ребенок, а родители стары, скоро умрут. Ему быть хозяином, а он не хочет разбираться, он уже водит на ПУУ свой бульдозер».

Что-то щелкнуло внутри машины, сорвалось, рывкнуло, и заревел мотор. Ржов отскочил от ковша. Машина тронулась, повернула на него, Егор рванул с плеча карабин, передернул затвор. Выстрелил. Еще раз. Пули звонко бились о корпус, не попадая в камеру. Машина двинулась на него. Егор прыгнул в бок, упал. Встал, побежал к одинокой стене. Машина развернулась за ним. Гремели выстрелы. Бульдозер снес стену, поехал в завал кирпичей, по которой бежал Егор.

– Назад!!! Уходи! – крикнул Ржов Ильясу и рванулся в другую сторону.

Бульдозер быком гнал за прытким товарищем Ржовым. Тот добежал до серо-пепельного здания, с разбега запрыгнул в пустое окно. Упал на битые стекла. Вскочил, отпрыгнул на несколько метров. Крошки битого стекла – в ладонях, выступили капли крови. Карабин – на полу. Ноздри сжимало от резких глубоких вдохов. Бульдозер уперся в стену. Что-то звонко ударило по его корпусу. Пламя охватило кабину. Егор схватил карабин, побежал в коридор. «Откуда? Сверху? С улицы?». В конец здания, к окну: человек бежит по дороге. Выпрыгнул, за ним. «Стой!». Он влево. Стреляют, свои стреляют, далеко. За беглецом. «Стоять! Стреляю!». Выстрел в воздух. Человек рванул в бок – вход в подвал. Запрыгнул. За ним. Темно. Вперед. Нога зацепилась за перетяжку. Упал. Карабин – рядом. Потянулся. Ударили по руке. Схватили карабин. «Руки!». Одернулся, вскочил, тяжело ударили в грудь, упал, задыхаясь. Вывернули руки, карабин – под лопатки, лямкой по глазам зажали голову. «Сюда!». «Тихо!». Застучало. У входа. Выстрел. Выстрел. Звук больно ударил по ушам.

Глава X

За гранью Свободного Полета

В ушах звенело, болели освобожденные руки, кровь была на лице и ладонях.

– Кто вы? Что с моими людьми?

– У них патронов много?

– Да, – соврал Егор.

– Тогда выйдут. Видишь?

– Ничего не вижу.

– У входа. Собак убили. Охранники. Боевые. Связки им вырезали, чтоб не лаяли. На автоматическом управлении, привязаны к бульдозерам. Машину сожгли – теперь собака много набегит.

В темноте Егор видел только силуэт говорящего. Голос был хриплый, с небольшим, смягчающим все шипящие, акцентом, не злой. «Не убьют», – подумал Егор.

– Ты сам-то кто, боец? – спросил второй, что скручивал бойца, и теперь, казалось, говорил с легкой усмешкой.

– Ржов. Егор Ржов.

– Фашист?

– Я из Отрядов «Гражданской обороны».

– Вставай, оборонщик, – приказал ему второй, – и не рыпайся больше. Я тебя на прицеле держу. Стрелять по ногам буду.

Егора повели вглубь подвала. Лист жести прикрывал вход в горизонтальную бетонную трубу. Полметра в диаметре. Шли долго, в раскорячку, под ногами стояла вода, пахло мокрым камнем. Метров через пятьдесят труба выходила в небольшое помещение с выходом наверх через люк. Прошли шесть таких помещений. В седьмом – люк открыт.

Вылезли. Свет резанул глаза. Егор взглянул на своих пленителей. Смуглый нос высовывался из-под капюшона. За этим человеком гнался Егор. Невысокий, стройный, черная с проседью борода, худое лицо. Он скинул капюшон и посмотрел на Егора своим единственным глазом. Егор узнал Бонифация. Тот молча кивнул. Только сейчас Егор заметил, что всю дорогу идущий позади Бонифаций тащил за собой двух убитых собак.

– Теперь ты их тащи, – сказал второй человек.

– Зачем это?

– Кушать будем.

Шли минут десять. Егора уже не держали на прицеле. Второй человек шел с ним рядом – высокий, почти полностью поседевший человек. «Резвый он для своих лет, – оценил про себя Ржов, – хорошо меня приложил».

Плутая по тропинкам, путники вышли на опушку. Резкий склон вел к ручью. На опушке стоял шалаш, горел костер.

– Что же это хозяйка наша гостя не встречает? – спросил второй нараспев.

Никто ему не отвечал.

– Вон бежит, – сказал Бонифаций.

Егор не успел повернуться, чтобы увидеть хозяйку, как та с лаем прыгнула на него, начала облизывать лицо.

– Вера! Вера!

– Ха-ха-ха!

– Нашла хозяйина.

Бонифаций разделял собак, ловко орудуя ножом.

– Держи, – он протянул два окровавленных металлических овала, – на память, микросхемы из собачьих мозгов. Здесь еще видеокамеры есть, хочешь?

Егор взял сувенир, но на Бонифация не стал отвлекаться. Он чесал собаку за ухом и слушал человека, который еще сегодня утром бил его прикладом карабина, а днем уже оказался его союзником. Это был Главный Инженер, по слухам, ушедший из города вместе с памятником Ленину.

Он рассказал, как до войны они с Бонифацием работали на подпольном заводе по производству болтов. Болты были качественные, хорошие, без пневмонии. Как-то ночью приехали грузовики, заводская охрана выгнала всех, погрузила и увезла все болты. На следующий день бунтующая толпа пришла громить завод.

После погрома фашисты устроили базу, искали подпольный завод, но не нашли. Они демонтировали ПУУ, те, что не сломали при погроме. Приезжали грузовики без водителей, увезли ПУУ. Потом появились бульдозеры. Зондеркоманда подожгла один бульдозер. Тогда появился танк и расстрелял базу. Фашисты разбежались. На базе

была тюрьма для собак из города, их оставили под танковым обстрелом. Большинство собак погибло, а Вере удалось уцелеть. Раненую, ее нашел Бонифаций. К счастью, тогда у него еще были запасы пищи – собак он не ел. Бонифаций выходил псину. Позже он заметил, что собака ведет себя странно и к тому же что-то постоянно пытается написать, царапая лапой землю. Таджик нашел на заводе фанеру, вырезал на ней буквы. Вера общалась с ним, тыча носом в нужный знак. Вера стала помогать по хозяйству, следить за костром в отсутствии людей – огонь не тушили, сэкономили спички. Помимо этого Вера искала грибы.

Егор рассказал, как обстоят дела в городе. Главный Инженер нахмурился:

– А кто управляет Силами Управы?

– Говорят, Эмпедокл, кто же еще?

– М... да-а... – протянул Инженер, закручивая седой ус, – а ведь Эмпедокла в городе нет. Он сейчас в Международном трибунале по военным преступлениям в Свободном Полете, совершенным на этнической почве.

– В смысле?

– А в прямом! Помнишь, он Беловера гнобил? А ведь Беловер наполовину негр! – Инженер плюнул в почву. – Негр, мать его! Думаешь, как это произошло? Как? – от возбуждения Главный встал и начал оживленно жестикулировать. – Это, мать его, был заговор. Они сделали его! Ты знаешь? Знаешь, что Нодарыч был у нас в Управе? Вот!... Это ты сейчас все знаешь. А тогда? Все ваше поколение трижды срало на то, что в городе творилось! – он перешел на крик. – А Нодарыч выбрался в Управу. В Управу! Не сортиры чистить, а управлять! И он-то заговор и организовал. Вся эта буча оттуда! Эта Управа продала и Эмпедокла, и завод, и всех нас вместе взятых! Это они вывезли наши болты, они отдали завод фашистам. И скажи мне, что тут еще Нодарычу надо? Он уж за бугром давно...

Инженер походил, отдышался, успокоился.

– И скажи мне теперь, Егор, кто управляет теми силами? Чего они хотят и за что воюют? Что они будут делать, если победят, и хотят ли они вообще побеждать? А что будут делать фашисты? А что будете делать вы? Нам же жрать будет нечего! Деньги в город шли от завода. Разбили все! Нам строить надо! Если сейчас не возьмемся – все! Зимы не пережить. Вы уселись в огородах. Люди на вас пойдут! Пойдут с оружием и без. Вы всех расстреляете? Вы пустите их и вместе с ними умрете с голоду и от тифа?!

– Что ты шумишь? – уловил подходящий момент Бонифаций. – Он что ли войну начал? Нужно воду и тепло восстановить, без этого – беда. Но для этого нужен мир. Когда

у нас в Таджикистане война была – плохо было. Но у нас теплее, у вас – совсем холодно, как в горах, – это хуже. Мир нужен! А как его достать? У нас старики говорили, что Союз через семь лет вернется. Старик ушли, а Союза нет. Неполодок в русском доме. Когда старший брат в беде – всей семье плохо.

– То есть что, без вариантов? – спокойно спросил Егор. – Все? Конец?

– Хоть Памятник Ленину не призывай, – зло усмехнулся Главный Инженер.

– Памятник Ленину? То есть как? Это правда?

– То есть что?

– Памятник Ленину прячется в лесах?

– Памятник Ленину на тракторе свалил Нодарыч.

Егор поник, ссутулился, снова устался в землю.

– Останки памятника Беловер спрятал, – пояснил Инженер. – От надежного человека мы узнали, что унтерштурмфюрер собирается взорвать плотину. Масса людей верит, что Ленин придет спасать город, а Беловер предьявит всем останки памятника, утверждая, что он убил его. Это будет их последняя манипуляция! Так они рассчитывают восстановить свой падающий авторитет, чтобы продолжать войну.

– Если плотину прорвет, то тогда завод затопит, и вряд ли что-то уже можно будет сделать.

Глава XI

Ветер в Свободном Полете

Они зашли в массив «Пенсионер» со стороны леса. Егор увидел новые могилы. Кладбище появилось недавно и быстро ширилось. Маленький, сухой старичок лежал рядом с такой же маленькой, невысокой могилкой. Неподалеку раздавался ритмичный звук рассекаемого грунта – копали могилу. Накрапывал дождь. Егор остановился рядом со стариком, узнал деда Мишу – соседа с первого этажа. Со своей женой они обычно сидели на скамейке у подъезда. Егору казалось, они нисколько не менялись. Еще когда Егор маленьким мальчиком бегал по двору, то ловил на себе их доброжелательные взгляды, когда опаздывал, бежал мимо них в школу, выносил мимо них гроб отца. Они не менялись. Казалось, время остановилось для них двоих. А теперь тощее, маленькое тело лежало перед Егором. Старик будто спал, под ним была подстилка из клеенки, из глаза, казалось, бежала слеза.

Егор наклонился над стариком и тут же, вздрогнув, отскочил. Дед Миша открыл заплаканные глаза, приподнялся:

– Егорюшка, здравствуй. А я вот, видишь,

рядом с Валец. Похоронил родную. Скоро и сам.

Егор не смог стерпеть его взгляда, устался в землю. Старик лег. Егор постоял рядом минуту. Отошел. Собака лизнула его руку. Он обернулся. Там, откуда только что доносились звуки ударов лопаты, вылез Каин, обросший, сырой, но еще в силах улыбнуться. Он обнял Бонифация, долго жал руку Главному Инженеру. Егор стоял поодаль, Каин подошел:

– Молодец! Живой вернулся. А я копаю. Любомир заставил... Пойдем, пойдем, пусть мертвые хоронят своих мертвецов, так говорил Иисус.

«Не обиделся на меня, – подумал Егор, – хороший человек».

– Где же ты их нашел-то? – спросил Каин Егора.

– Это мы его нашли, – усмехнулся таджик.

– Каин, – Егор прервал дружескую беседу, – Василий, Ильяс, Николай: они вернулись?

– Нет, – прозвучал короткий ответ, – я думал вы...

Несколько минут просто шли. Егор в сотый раз прокручивал в голове предстоящую встречу с Любомиром, теребил в кармане свернутый листок. Вера отпечатала его на машинке, подаренной Бонифацием, когда трое мужчин в очередной раз ходили на завод. Егор обнаружил листок утром этого дня. Вера подложила его ночью. Он успел только скользнуть взглядом по первым строкам и сразу сунул его в карман. Вышел из шалаша. Спустился к ручью. Здесь несколько минут он мог побыть один. Быстро достал бумагу: плохо отпечатанные буквы, опечатки. Егор с трудом разбирал написанное: «его-рушка нам надо уйти прошу идем ко мне дорогой мой город не так далеко ты сможешь свободный полет обречен я знаю точно то что делал ваш город стало ненужным вы стали не нужны лишние люди войну вам устроили спровоцировали вы перебьете друг друга вас не станет уйди ради меня завтра я выведу тебя из города милый я буду ждать».

Вера подключится к собаке не раньше семнадцати часов, к тому времени, Егор считал, он все для себя решит.

– Каин, – начал Егор, – мне надо поговорить с ними наедине, – он указал на своих попутчиков.

– Можешь говорить при нем, – Инженер остановился, – мы доверяем ему.

Егор молча посмотрел на него:

– Хорошо. Извини. У меня нет повода тебе не доверять. Собаку оставим у тебя. Смотри, чтоб никто к ней не притронулся. Нам нужно будет действовать быстро. Если все нормально, то и ничего не нужно будет делать, если нет...

Вчетвером, они подошли к огороженному участку с невзрачным домом. Двое постовых с оружием стояли у забора.

– Здорово, солдат, – негромко сказал Егор.

– Товарищ Ржов, – постовой отдал ему честь, – товарищ Зайцев вас ждет.

– Они со мной.

– Товарищ Ржов, не положено.

– Они с разведанными, – пояснил Егор.

– Нужно просить разрешения товарища Зайцева. Приказ.

– Хорошо. Молодец. Сейчас схожу. – Егор тянул слова, пытаясь выглядеть спокойным.

Он шагал по участку, чувствуя, как все сжимается внутри. Тяжелыми, ломаными шагами он поднялся на крыльцо. Толстая деревянная дверь отворилась со скрипом. Егор зашел в переднюю. Остановился. Еще три секунды он выдрал у наступающего момента, дернул вторую дверь. В комнате было трое: Любомир и еще двое из Совета Управления. Егор прошел в середину комнаты.

– Товарищ Зайцев, разрешите доложить. Наедине.

Трое удивленно смотрели на вошедшего. Прошла секунда.

– Егор, здравствуй – Что за дела? – Тут все к чертям! – Весьма! – Ни секунды! – Выкладывай. – Людей привел?

– Людей потерял в бою.

– В бою! – Да что ж творишь! – Мы в жопе! – Любомир ударил по столу. – Людей потерял! – Каждый дорог! – он подбежал к Ржову и уже тихо, глядя в глаза, добавил: – Нам в бой. Сейчас.

– Разрешите доложить, – невозмутимо повторил Егор, – наедине.

Зайцев уставился Ржову в глаза, тяжело дыша.

– Выйдете. – Всем, сказал. – Полминуты – давай!

Двое вышли из избы. Любомир стал быстро ходить по комнате.

– Слушай меня. – Такие дела – разведка доложила, – Любомир заговорил не свойственным ему голосом, – фашисты собрали силы – прорвались в центр. С ними «Царя в голову!». – Черт знает! – Силы Управы рассыпались – бежали на восток – теперь на север. – А тут мы! – Выход один – к чертям плотину! – Взрывчатки хватит. – Прорвемся на юг. – Укрепимся на Большом холме – к триангуляционной вышке – там не затопит.

– Нельзя взрывать плотину.

– Нет выхода! – Последний шанс – Бог в помощь – Ленин придет.

– Ленин не придет. Ленин никуда не ушел. Его свалил Нодарыч.

– Молчать! – Решение принято.

– Зондеркоманда тоже хочет взорвать плотину. Ленин у них. Они хотят выглядеть

победителями. Они тоже рвутся на Большой холм.

– Ха-ха! – Весьма! – Мы их опередим! – Хватит жевать сопли – пора в бой!

Любомир двинулся к выходу. Егор остановил его, слегка толкнув в грудь.

– Послушай! Мы перебьем друг друга. Надо идти на переговоры.

– Чушь! Им дай шанс – расстреляют, как собак. Зальемся кровью! – За нами правда – отступить некуда.

– Мы зальемся кровью, если начнем бой. У нас мало стволов, мало патронов. Это гибель.

– Храбрая гибель – святая гибель! – Трус! – Прочь с дороги!

Любомир потянулся за пистолетом. Егор шагнул вперед, резко вытянул правую руку: большим пальцем уперся в край подбородка Любомира, остальными впился в шею. Зайцев не успел схватить Ржова за руку, как тот завернул его голову. Любомира скрутило, развернуло. Егор завалил его спиной на себя. Пальцы с новой силой надавили на шею. Зайцев беззвучно обмяк – потерял сознание.

Егор спокойно вышел на крыльцо.

– Пропускай! – громко и четко крикнул он постовым.

Каин, Бонифаций и Главный Инженер зашли в дом. Любомир лежал на полу.

– Дело сорвалось. Вяжите его. Сейчас зайдут эти двое из Совета. Их тоже вяжите.

Бонифаций с Инженером взялись за Любомира.

– Все стороны идут к Большому холму. Все ждут прорыв плотины. Я иду сейчас.

– Зачем ты его свалил? – вдруг вмешался Каин.

– Чтоб в спину мне свои не стреляли. Каин, здесь флаг. Сними. Возьми флашток, цепляй на него простыню. Белую. Крепко.

Егор вышел на крыльцо.

– Товарищи. Выступаем! Постовые, поднять людей к Большому холму! – Он обернулся к удивляющимся членам Совета. – Товарищи, к Зайцеву, на Совет.

Их связали бесшумно.

– Друзья, – обратился Егор, – времени мало. Я иду. Бонифаций, ты пойдешь со мной. Будешь смотреть. Если убьют – сразу сюда, освобождайте Любомира. Нужно будет воевать. Я не люблю долго прощаться. Лучше с улыбкой, – Егор обнял Инженера. – Даст бог – свидимся.

– Дай бог.

Каин стоял, держа на скорую руку сделанный флаг.

– Я с тобой.

Егор посмотрел Каину в глаза.

– Я с тобой. И не говори. Я все равно пой-

ду. Буду флаг держать. Ты мне уже отказывал. Не обижай старика снова. Я этого не заслужил.

Егор стоял, крепко сжимая кулаки. Он шагнул к нему, обнял, крепко сжав плечо, ничего не говоря.

– Хватит, ну, хватит, – с нерешительной улыбкой говорил Каин. – Меня же все равно нельзя пристрелить. Я же Каин Адамович.

Части Отрядов расположились с северной стороны холма. С востока подошли бывшие отряды Управы. Юг с западом заняли «Царь в голову!» и части зондеркоманды. Цель была одна – взять высоту. Все ждали.

– Если меня не услышат? – спросил Егор.

– Тебя услышат. Твое слово будет звучать громко.

Егор отдал оружие Бонифацию, снял рубашку. Задул ветер. Его холодное тело несло с северных просторов, лишь краем зацепляясь за теплые тела людей, стоящих на земле, и уносилось дальше, становясь чуть теплее. Дрожь проскочила по телу Егора, сжалась кожа. Он постоял, переминаясь с ноги на ногу, пнул лежащий перед ним комок засохшей глины.

– Пора.

Каин поднял над головой белый флаг. Они перебрались через укрепление. Пошли вверх к триангуляционной вышке. Егор считал шаги, смотрел на сухую светло-бурую землю под ногами. На ней умирала старая трава. Егору вспомнилось детство, как они с мамой шли по полю так же осенью. «Может, через минуту я буду с ней рядом, – проскочила мысль, – а если свернуть, уйти, убежать, какая долгая будет жизнь, почти вечная...».

За спиной послышался лай, это бежала Вера. Бонифаций огромными скачками мчался на перехват, ему удалось настичь Веру на укреплении. Та кусалась, брыкалась, но Бонифаций не отпускал. Егор сделал шаг назад, Каин перекрыл ему путь.

– Нет. Я для этого с тобой. Надо идти.

Егор молча посмотрел в глаза Каину, повернулся.

– Ну, что ж, друг. Может, сейчас рванет пассивный взрыв? Придет к нам бог? Заберет наши души?

Каин не отвечал, он шел, неся флаг. Ветер

снова дул им в лицо. Небо наполнялось темнотой. Воздух, казалось, тяжелеет.

Они поднялись на высоту. Егор закрыл глаза. «Какая тишина, – подумал он – должно быть, будет ужасная буря».

– А нас еще не убили? – спросил он.

– Не убили, – ответил Каин.

Егор увидел, как у Каина трясутся руки. Услышал, как бьется сердце. Глубоко вдохнув, начал громко:

– Я говорю это вам! Вам, мои братья! Простым людям! Тем, кто живет! Тем, кто любит жизнь! Я опустил оружие! Я хочу жить с вами в мире и разделить с вами свою судьбу! У нас общий дом! И в этом доме хватит нам места! Мы никому больше не нужны, кроме друг друга! Мы не выживем друг без друга! Воюя, мы убиваем себя! Нет больше никаких партий! Никаких классов! Никаких сословий! Все это потеряло смысл. Теперь остались только жизнь и смерть! Мы делаем этот выбор сейчас! Человек человеку брат! Кто будет вас убивать: бараны, еноты?! Откройте свои сердца, найдите потерянный разум. Соедините их, и мы найдем мир! И это будет новый, всепобеждающий мир! Мы построим город, которого не было! Мы пробьемся новой жизнью сквозь мертвеющую старость, как пробивается трава сквозь асфальт! Мы...

Выстрел. В воздухе повис гул, мгновенно переросший в раздражающий уши рев. Будто затряслась земля...

Все стихло. Егор лежит на земле. Снова тишина. Поднял голову, подполз к Каину. Тот на спине, глаза – в небо, без движения. Флаг накрыл тело. Красное пятно быстро хватает белое.

Егор приподнял голову Каина:

– Как же так?..

Каин посмотрел ему в глаза, улыбнулся, грустно, виновато.

– Как же так?.. Как же так?! Ты... ты... Ты не можешь умереть... безумец. Живи!

Егор стоит на вершине холма, держит на руках бездыханное тело. На землю поступает вода, и люди со всех сторон бегут к нему.

Лучик света пробивается сквозь тучи. А впереди – жизнь, короткая, как вспышка, улетающая в вечность, а может, как вечность, застывшая на миг.

ИСТОРИЯ

Наталья ТРУШКОВА

21 год,
студентка,
Ижевск

ДРЕВНИЕ ПАПИРУСЫ КАК ИСТОЧНИК СВЕДЕНИЙ О РАЗВИТИИ МЕДИЦИНЫ В ДРЕВНЕМ ЕГИПТЕ

Медицина – область научной и практической деятельности по исследованию нормальных и патологических процессов в организме человека, различных заболеваний и патологических состояний, их лечению, сохранению и укреплению здоровья людей. Слово «медицина» происходит от латинского словосочетания «ars medicina», что означает «лечебное искусство», «искусство исцеления».

Одна из самых древних задокументированных медицинских систем – древнеегипетская медицина. С древности и до персидского вторжения в 525 году до нашей эры она значительно не изменилась в плане практики, которая была передовой для своего времени и оказала влияние на многие последующие медицинские системы Древнего мира.

Долгое время одним из основных источников информации о древнеегипетской медицине были сообщения греческих авторов, но после расшифровки в 1822 году древнеегипетских иероглифов стало возможным прочесть тексты на папирусах, касающихся медицинских знаний Древнего Египта.

Наиболее древним медицинским папирусом является Кахунский, датируемый примерно 1950 годом до нашей эры. Папирус был найден в Файюмском оазисе, он состоит из трех частей, посвященных медицине, ветеринарии, описанию женских болезней, акушерским проблемам и математике. Содержит семнадцать гинекологических рецептов. В качестве лекарств рекомендуются пиво, молоко, финики, травы и некоторые вещества. Приводится семнадцать рецептов,

касающихся определения беременности (по состоянию женской груди, цвету лица и глаз).

Столь же древними являются два папируса из Рамсесума: IV и V.

Папирус IV – магико-медицинский, рецепты касаются родов, ухода за новорожденным, прогноза его жизнеспособности. Имеется один рецепт по предотвращению зачатия с применением экскрементов крокодила.

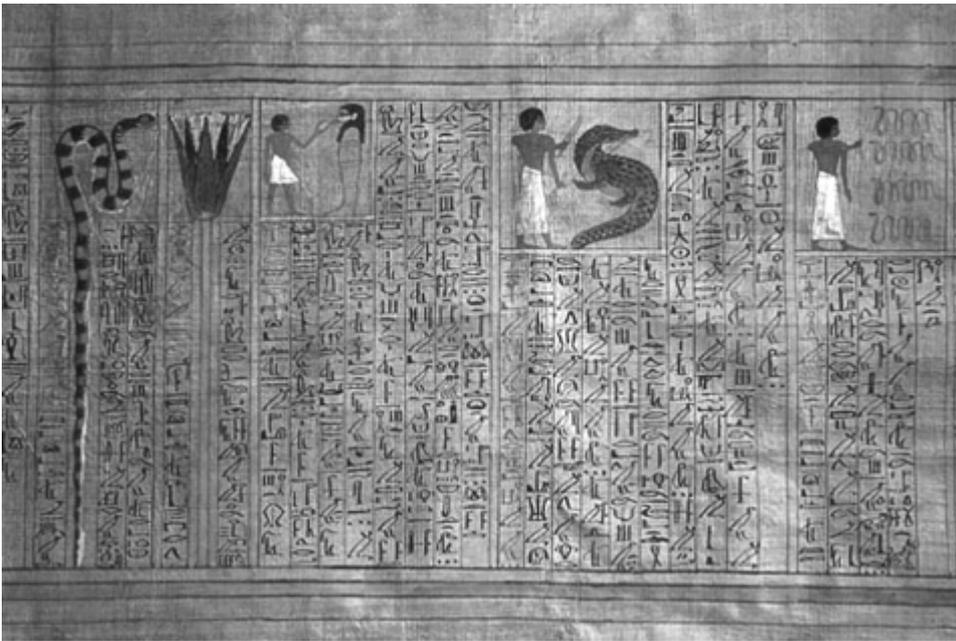
Папирус V – чисто медицинский. В основном рецепты касаются болезни, называемой «негибкость членов».

В Берлинском папирусе, написанном примерно в 1300 году до нашей эры, имеются главы о ревматизме и о кровеносных сосудах, приводится способ определения пола будущего ребенка, дается совет, как определить, сможет ли женщина родить.

В папирусе Херста на восемнадцати с половиной «страницах» описывается двести шестьдесят случаев болезней, имеется глава о болезнях костей, лечении переломов конечностей и мерах предосторожности при укусах ядовитыми насекомыми.

В Лейденском папирусе, написанном примерно в 1250 году до нашей эры, приводятся рецепты и описаны приемы магического и эмпирического врачевания, аналогичные тем, которые приводятся в других папирусах.

В Лондонском папирусе основное внимание уделено магическим приемам лечения. Вместе с тем там приводятся и рациональные рецепты – такие, как применение для лечения куриной слепоты бычьей печени, в избытке содержащей витамин А, как употребление при желудочных заболеваниях

Папирус Эберса, найденный в 1872 году в Фивах.

клещевины, имеющей в своем составе касторовое масло.

Огромное познавательное значение имеет папирус Эберса, найденный в 1872 году в Фивах. Он достигает в длину двадцати с половиной метров и называется «Книга приготовления лекарств для всех частей тела». Это справочник врачей-практиков, датированный 1500 годом до нашей эры. Он содержит рецепты лечения различных болезней, диагностические описания, советы, что надо предпринимать при укусах насекомых и крупных животных. В папирусе имеется косметический раздел, в нем даются советы по разглаживанию морщин, удалению родинок, изменению цвета кожи, окраске волос и бровей, усилению роста волос и даже исправлению косоглазия. Помимо рецептов, излагаются мысли о проблемах жизни, здоровья и смерти.

Знаменитый хирургический папирус Эдвина Смита поражает своей исключительной научной точностью и ясностью изложения. Он состоит из последовательных и взаимосвязанных описаний сорока восьми различ-

ными травм. Каждое описание включает название травмы, описание симптомов, формулировку заключения, перечень рецептов лечения и разъяснение впервые использованных фраз и выражений.

Дошедшие до нас папирусы, как показывает анализ их содержания и тщательная палеографическая экспертиза, являются копиями очень древних медицинских трактатов. Древность этих источников подтверждается прямыми ссылками в текстах. Так, в папирусе Эберса приведено средство для рращения волос, впервые приготовленное для матери фараона I династии (начало – около 3000 года до нашей эры). Как сообщают греческие авторы, в Египте существовало еще тридцать шесть медицинских трактатов, таких, как «Книга сердца», «Книга глазных болезней».

Врачевание было неотъемлемой частью культуры Древнего Египта. В нем египтяне достигли больших успехов и во многих аспектах медицинских познаний значительно опередили своих современников. Все это дает основание утверждать, что серьезное внимание древнеегипетских врачей к обобщению практических результатов явилось началом медицинской науки.

Древнеегипетские папирусы донесли до нас важнейшие сведения о зарождении и развитии медицины в Египте. К сожалению, до наших дней сохранились и были изучены всего десять текстов на папирусе, содержащих медицинские данные. Но они открыли большие возможности для определения уровня медицины в Древнем Египте.

КНИЖНЫЕ ХИТЫ

Сара Уинман. Когда бог был кроликом. Москва: Азбука, 2012.

Литературный дебют британской актрисы Сары Уинман – завораживающая история о детстве и взрослении, о любви и дружбе, о тихом героизме перед лицом трагедии. Не зря Сару Уинман уже прозвали «английским Джоном Ирвингом», а этот ее роман сравнили с «Отелем «Нью-Гэмпшир». Роман о девочке Элли и ее брате Джо, об их родителях и ее подруге Дженни Пенни, о постояльцах, приезжающих в затерянный в живописной глуши Уэльса отель и становящихся членами семьи, о пределах необходимой самообороны и о кролике по кличке Бог, «о свидетеле моей души, о своей детской тени, о тех временах, когда мечты были маленькими и исполнимыми. Когда конфеты стоили пенни, а бог был кроликом».

ИСТОРИЯ

Елена БОНДАРЕВА

25 лет,
соискатель истфака УдГУ,
Ижевск

ПРИЯТНОГО АППЕТИТА, ПИФАГОР!

Из списка грехов, которые христианство признает смертными, особенно выделяется чревоугодие. Кажется бы, никого не убил, не ограбил, просто съел лишнего, но очень уж вкусного. Максимум – нанес ущерб своему собственному здоровью, не более того. Однако в этом грехе и есть вся суть христианства: верующему запрещают испытывать любую страсть, удаляющую его от бога. Ублажай дух, а не тело. Добрый христианин просто утоляет голод, грешник – потворствует своей страсти, которая разжигает другие: сребролюбие, тщеславие, гнев. Византийский богослов Иоанн Лествичник в своем руководстве к нравственному совершенствованию «Лествица» писал о чревоугодии: «Насыщение есть мать блуда; а утеснение чрева – виночник чистоты».

Вот и получается: питайся умеренно или отправляйся напрямиком в третий круг ада, ведь именно туда определил Данте всех обжор, обреченных на муки в очень неблагоприятных метеоусловиях:

Прозвали Чакко жители меня.

За то, что я обжорству предавался,

Я истлеваю, под дождем стена.

Конечно, этические запреты на употребление той или иной пищи существуют во всех мировых культурах. Были они и в колыбели европейской цивилизации – античной культуре. Еще Пифагор учил: «Ни в питье, ни в пище не должно преступать соразмерности». Одно остается непонятным: зачем учить своих сограждан умеренности, когда, если верить учебникам, древнегреческий рацион

был скуден, как греческая зима – на снег. Обязательно упоминают хлеб, лук, оливки (вяленые или в виде масла), сыр, ячменную или чечевичную похлебку. Ну и, конечно, вино, разбавленное водой, хотя правильнее было бы назвать это колодезной водой с добавлением вина – ровно столько, чтобы хватило на ее обеззараживание. С таким диетическим меню не страшно никакое чревоугодие! Выходит, Пифагор зря предостерегал своих граждан? Нет. Просто Древняя Греция, как всегда, богаче и интереснее, чем хочет казаться.

«Бедность – сводная сестра греков», – заметил Геродот. Действительно, не самые плодородные почвы, гористый рельеф, засушливое лето и дождливая зима ставили их в определенные рамки. Но не стоит забывать, что природное любопытство греков, их успехи в мореплавании и расширение торговых связей повлияли на их рацион не меньше, чем географические условия. Кроме того, и собственно греческих продуктов хватало, чтобы питаться разнообразно и вкусно.

Исконно русская поговорка «Хлеб всему голова» вполне применима и к древнему греку. Основу рациона действительно составляли изделия из муки. Сначала это были лепешки либо каша-похлебка из ячменной или пшеничной муки. Хлеб еще в VI веке до нашей эры считался роскошью, однако в V веке афиняне познали радость хрустящей корочки свежеспеченного хлеба, когда там появились профессиональные пекари. Широкое распространение хлеба подтвержда-

ется обилием его сортов: греки различали финикийский, беотийский, фессалийский, хлеб из Каппадокии, хлеб с островов Лесбос, Кипр и Эгина. Особый хлеб подавали даже к устрицам! Кроме того, был и диетический хлеб – без добавления соли. На Крите гомеровской эпохи готовили тесто из айвы и плодов цератонии (более известной как рожковое дерево, растение семейства бобовых).

Вторым по значимости продуктом питания в древней Элладе было мясо: крупного и мелкого рогатого скота, дичи, диких животных. Еще в темные века населению доводилось есть мясо лишь по случаю праздника – под богоугодным предлогом принесения жертвы можно было и самому наесться мяса. Ловкие греки жертвовали богам кости, а «остатки» – внутренности и мясо – «скромно» оставляли себе. Этот неравноправный раздел античная традиция приписывала Прометею, большому умельцу по части обмана Зевса (он же Кронид – сын Кроноса). Гесиод в «Теогонии» описал его маневры:

Ибо в то время, как боги с людьми
препирались в Меконе,
Тушу большого быка Прометей
многохитрый разрезал
И разложил на земле, обмануть
домогаясь Кронида.
Жирные в кучу одну потроха
отложил он и мясо,
Шкурою все обернув и покрывши
бычачьим желудком,
Белые ж кости собрал он злокозненно
в кучу другую
И, разместивши искусно, покрыл
ослепительным жиром.

Затем Прометей предложил Зевсу выбрать ту часть, которую отныне будут получать боги. Естественно, Зевс выбрал большую, но когда он рассмотрел добычу поближе, было поздно.

Уже герои Гомера питались говядиной, бараниной, свиной, мясом дикого вепря или оленя. Однако далеко не каждый день, о чем свидетельствует, например, жалоба свинопаса в «Одиссее», который жаловался на женихов, заставляющих его ежедневно(!) присылать им на обед лучшего борава.

Со временем ассортимент мясных блюд у греков расширился: появились колбасы и козы желудки, начиненные кровью и жиром. В «Застольных беседах» Плутарх приводит множество любопытных представлений о мясе, которые обсуждали за трапезой древние греки: почему мясо портится быстрее при лунном свете; почему у овцы, покусанной волком, мясо вкуснее; почему жертвенное мясо, повисев на фиговом дереве, становится мягче, и так далее.

Казалось бы, альфой и омегой греческого

стола должна была стать рыба, благо в море ее недостатка не было. Рыболовство действительно было развито, но, по-видимому, распространенность и доступность рыбы и морепродуктов не позволяли грекам считать их деликатесным блюдом. Рыба считалась едой бедняков. Диоген Лаэртский в своем сочинении «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов» описывал застолье в доме Менедема: те, кто приходили раньше назначенного срока, прохаживались возле его дома, расспрашивая выходящих, что находится на столе. Если на столе были овощи и рыба – они расходились, если мясо – шли в гости. Не совпадает с нашими представлениями о греках, жаждущих лишь духовной пищи, не так ли?

Однако к IV веку до нашей эры рыба завоевала свое место на роскошных пирах. Любителем рыбных блюд был и философ Аристотель. О популярности рыбы свидетельствует отрывок из «Богачей» Антифана:

А Феникид, Таврей милейший, издавна
Одним глотком переглотать готовые
Все рыбные куски на рынке лучшие,
Так те, его завидев, чуть не умерли
И от нехватки рыбы были в ярости.
Они клялись пред кучками

сторонников:

«Так дальше жить нельзя, нельзя
терпеть того,
Что тратим деньги мы, деремся на море,
А рыбы ни на грош сюда не свозится.
Какой же толк от островных
правителей?».

Отдельно стоит упомянуть поваров и кулинарные книги, которых в Древней Элладе также было с избытком. Нередко повара нанимали на рынке непосредственно перед обедом все гости – вскладчину. Когда известного острослова Аристиппа упрекали, что для защиты в суде он нанимал оратора, он отвечал: «Нанимаю же я повара, когда даю обед!». О греческих кулинарных книгах нам известно благодаря Афинею, греку из Египта, жившему в начале III века нашей эры, который в труде «Пир мудрецов» перечислил немало авторов, писавших о кулинарии.

Так, Дифилу Сифнийскому принадлежит трактат «О пище для больных и здоровых», в котором в числе прочего сообщается, что «скальные морские рыбы легко перевариваются, очень сочны, хорошо слабят, однако мяса в них мало, и оно непитательно; глубоководные же рыбы хуже перевариваются, питательны, но плохо усваиваются. Из прибрежных рыб у самцов и самок фигов мясо нежное, лишено запаха и легко переваривается. Морской окунь похож на них, слегка отличаясь тем или другим в зависимости от места обитания...» и так далее.

Разнообразие блюд достигалось и за счет множества трав и специй. В этом греки были просто профессионалами. Из текстов древних ботаников мы узнаем, что в тесто добавляли сезам (кунжут), в соусы – анис, тмин, укроп и кориандр. Блюда из бобов приобретали особый запах благодаря мяте. Даже напитки, в том числе и вино, употребляли со специями. Предпочитая пищу поострее, эллины уважали лук и чеснок и ценили их полезные свойства. Греки могли съесть и клубни гиацинта, слишком острые для современного человека.

О греческой кухне можно рассказывать бесконечно, но и приведенных крох информации достаточно, чтобы с уверенностью сказать: возможность, извините за выражение, обожраться была и у древних греков. А, значит, были и свои виды порицания этого вредного занятия.

Итак, уже со времен архаической Греции обжорство, оно же чревоугодие, порицалось. Более того, в Спарте это порицание имело государственный масштаб. По известным законам Ликурга, спартамцам запрещалось вести роскошный образ жизни, дабы уничтожить чувство корысти и максимально удалить воинов-спартиатов от ненужных им излишеств. К такому излишеству принадлежала и еда.

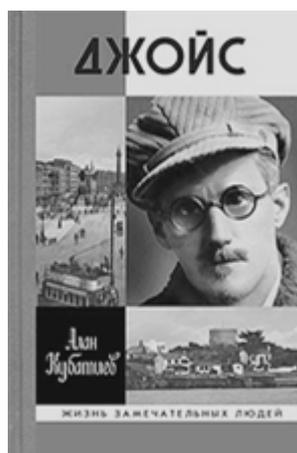
Спартамцам запрещено было обедать дома – каждый день они собирались на так называемые сисситии или общие трапезы, где употребляли в пищу только предписанные законами блюда – мясные и мучные. Плутарх сообщает: «Они не имели права обедать дома, развалившись на дорогих ложах за дорогими столами, они не должны были заставлять своих отличных поваров откармливать себя в темноте, как прожорливых животных, вредя этим и душе, и телу». Чувствуется, что Плутарх одобряет такую политику, а описанная им картина, скорее всего,

подсмотрена у своих же современников.

Почти нарицательным стало название знаменитой спартанской «черной похлебки». Это было блюдо из вареной свиной крови, свинины и уксуса, и слава о нем распространилась далеко за пределами Спарты. Тот же Плутарх рассказывает историю о некоем сицилийском царе, специально купившем себе спартанского повара ради той самой похлебки. Отведав яство, он, конечно же, остался недоволен ее вкусом, на что повар остроумно ответил: «Царь, прежде чем есть эту похлебку, нужно выкупаться в Эвротел!».

В Афинах и остальной Греции воздействие на обжор могло быть лишь моральным. Философы призывали к умеренности, писатели высмеивали любителей поесть в комедиях. На статуе Анахарсиса было написано: «Обуздывай язык, чрево, уд». И до наших дней дошло знаменитое сократовское изречение: «Я ем, чтобы жить, другие живут, чтобы есть». Призывал к умеренности и Эпикур, последователь философии гедонизма, которую подчас трактуют слишком упрощенно. На самом деле эпикурейцы призывали к достижению счастливой жизни, в том числе – и через умеренное потребление земных благ. И сам Эпикур был непритязателен в пище. Диоген Лаэртский сообщает, что Эпикуру было довольно воды и простого хлеба, а когда захочется «пороскошествовать» – достаточно горшочка сыра.

Поиск гармонии был заложен в самом ДНК эллинов. Роскошные пиры аристократии со множеством блюд уравнивались аскетичной трапезой бедняка или мудреца. «Ничего сверх меры» (эту фразу приписывают афинскому законодателю Солону) является также формулой греческого кулинарного счастья: определи сам для себя свою меру, и ты получишь удовольствие вдвойне – сначала от вкусного обеда, а затем от того, что не стал рабом своего желудка.

Алан Кубатиев. Джойс. Москва: Молодая гвардия, 2011.

Джеймс Джойс – один из крупнейших мастеров литературы XX века. Его романы «Улисс» и «Поминки по Финнегану» вызвали и восторженные похвалы, и обвинения в абсурдности и непристойности. Джойс окружил свою жизнь и творчество завесой тайны, задав исследователям множество загадок. Их пытается разгадать автор первой русской биографии Джойса писатель и литературовед Алан Кубатиев. Читатель шаг за шагом проходит вместе с героем путь от детства в любимом и ненавистном Дублине до смерти в охваченной войной Европе, от комедий и драм скитальческой жизни Джойса – к сложным смыслам и аллюзиям, скрытым в его произведениях. Алан Кубатиев приводит нас к выводу: «Джойс написал свой супертекст и еще при жизни стал его частью. То же происходило и будет происходить с любым, кто доверяет себя этому чтению. Оно может занять всю жизнь и даже стать ею. Имеются свидетельства».

КНИЖНЫЕ ХИТЫ

ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО

Евгений КОТИК-МАКАРОВ

23 года,
дизайнер,
Ижевск

Мишка. Ткань, синтепон.

Юлия ХАНОВА

25 лет,
учитель истории
средней общеобразовательной
школы № 19,
Ижевск

НЕСТЯЖАНИЕ СЕГОДНЯ

Наш мир не знает полутонов. Сегодня каждый человек должен соответствовать определенному набору «представлений об успешности»: если удачная профессия – то только связанная с нефтяным бизнесом, если крепкая семья – то, несомненно, благодаря солидному капиталу ее главы.

Но стремление к реальному материальному благополучию затмевается в современном мире желанием пустить пыль в глаза, ибо всегда проще «казаться, чем быть». Молодые люди размещают в социальных сетях и интернет-блогах не фото любимых бабушек и мам, а снимки из путешествий на Гоа и Ибицу. Ну, а если «повезло» выбраться только на курорт Краснодарского края, то наиболее выигрышные фото этих мест мы также можем увидеть, но без указания географического расположения.

Глубоко и остроумно проблемы современного общества в данном аспекте раскрывает Виктор Пелевин, к книгам которого и можно отослать желающих погрузиться в вышеуказанный круг проблем.

Это понятные реалии дня сегодняшнего, с которыми мы все знакомы, сталкиваемся с ними каждый день, к чему вполне привыкли. Мы почти никогда не задаемся вопросом «Для чего людям столько денег?», потому что знаем выражения в духе: «Для кого-то каша жидкая, а для кого-то бриллианты мелкие».

Хотелось бы поговорить о тех, чья жизнь и деятельность абсолютно выбиваются из сложившихся в обществе представлений об успешности.

В православной церкви нестяжанием называют бескорыстие, отсутствие алчности,

страсти к богатству. Также есть термин «нестяжательство» – это духовное и политическое течение на Руси в XV веке, получившее такое название потому, что его представители выступали против «стяжания» (накопления) церковью земель и другого имущества.

Сегодня мы редко можем встретить человека, не склонного к «стяжанию». Однако и в обществе потребления есть свои антигерои. Это выдающийся ученый, математик Григорий Яковлевич Перельман, который своим образом жизни, просто своим существованием заставляет нас задуматься над самыми разными проблемами человеческого бытия.

Напомним, что Перельман – наш современник. Он родился в 1966 году, окончил математико-механический факультет Ленинградского государственного университета, защитил кандидатскую диссертацию. Перельман первым доказал справедливость знаменитой гипотезы Анри Пуанкаре, сформулированной французским математиком, физиком и философом в 1904 году. Нет смысла пересказывать гипотезу и доказательство, отметим только, что данная работа Перельмана имеет мировое значение для изучения математики, а также, что доказательством этой гипотезы Перельман поверг математическое сообщество в шок, заглянув «в бесконечность», в самый конец эволюции.

Дальнейшее развитие событий показало уникальность личности Перельмана не только ученым, но и всему человечеству. В 2005 году он покинул все научные посты, а в 2010 году отказался от премии в размере одного миллиона долларов, которую присудил ему Математический институт Клэя за дока-

зательство гипотезы Пуанкаре. Это была не первая международная премия, от которой математик отказался.

Причины, побудившие ученого отказаться от материальных форм международного признания, по сей день до конца неизвестны.

Григорий Яковлевич Перельман не двигал социальных теорий, не пропагандировал аскетизм, отказ от материальных благ. Но его история – это история нестяжания.

Леонид Каганов написал «Оду Перельману», в которой есть такие строки:

С виду мужичок обыкновенный,
В пиджачке, не бомж, не наркоман,
Взял да вывел формулу Вселенной
Русский математик Перельман.
Вывел скромно, мелкими шагами,
Чтоб понять, как сделан этот мир,
Показал ее старушке-маме
И пошел на кухню пить кефир.

В этих шуточных строках и заключается, возможно, духовный смысл современного нестяжания, то самое «быть, а не казаться».

Стремление только к удовлетворению материальных потребностей, к сожалению, исходит из ограниченности, неразвитости че-

ловека. Если в жизни есть смысл, если есть интересные идеи, если, в конце концов, ты действительно делаешь нечто стоящее, то тебе ни к чему «казаться», ты уже есть.

А что касается жизненных удобств, комфорта, очень часто мы с друзьями-археологами рассуждаем об этом, сидя летом у костра за кружкой чая. Для счастья – и любой «стяжатель» в состоянии это понять – нужны всего лишь тепло, родные люди рядом и интересные мысли.

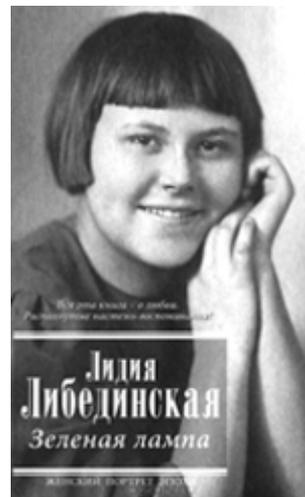
Совершенно ничего плохого при этом не могу сказать о деньгах, но все же лучше пусть они будут не целью, а средством. Например, в сентябре 2011 года институт Клэя совместно с институтом Анри Пуанкаре учредили должность для молодых математиков, деньги на оплату которой пойдут из той самой «Премии тысячелетия» Григория Перельмана.

Кстати, Перельман живет ныне на окраине Петербурга, не общается с прессой, интерес которой к математике, кстати, колоссален. Однако в одной из статей ему приписываются такие слова: «Я знаю, как управлять Вселенной. Зачем же мне бежать за миллионом?»...

КНИЖНЫЕ ХИТЫ

Лидия Либединская. Зеленая лампа. Москва: Астрель, 2011.

Эта книга – воспоминания прозаика и журналистки Лидии Либединской о времени, в котором она жила. Это история незаурядной личности, которая всю жизнь притягивала интересных людей. Ее отец был из рода графов Толстых, мать была литературным обозревателем «Огонька» и писала стихи. Их дом всегда был полон гостей: в пять лет она получила от Юрия Олеши повесть «Три толстяка» с автографом, Артем Веселый при первом знакомстве подбрасывал маленькую Лиду, а день рождения Алексея Крученых на протяжении тридцати лет праздновался именно в их доме. Михаил Светлов, Марина Цветаева, Георгий Эфрон, Вениамин Каверин, Иосиф Игин, Николай Заболоцкий, Корней Чуковский, Давид Самойлов и многие другие были ее добрыми друзьями. Игорь Губерман так отозвался на выход «Зеленой лампы»: «Вся эта удивительная книга – о любви. К жизни во всех ее проявлениях, к семье своей, стихам и многочисленным друзьям. А имена этих друзей таковы, что шелохнется сердце у любого, кто читает русскую литературу. Завидую удовольствию, которое вы получите от распахнутых настержь воспоминаний».

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

Станислав ТАРАСОВ

21 год,
студент,
Ижевск

ЛЕТОМ 2009-го Футуристическая повесть к столетию Камско-Вятской археологической экспедиции

Сейчас. Наверное, сейчас, по прошествии многих лет, самое время вспомнить... Что угодно и как угодно. Даже то, чего не было. Ведь в сущности – это и есть удел старости. Вспоминать.

Тогда я был счастлив одним обладанием – обладанием своего точеного корпуса. Я и вправду мог обойти иных на этих виражах на корпус, и с ними творилось то же, что с чахнувшим миндалем. Сегодня же корпус деформировался и перепекся, он как поваленная осина в балке, прогнувшаяся и изрядно подгнившая. Впрочем, все не о том.

А о том, как одним утром между шестью и семью часами мы, погрузив сложное и несложное оборудование в машину, уселись в автобус и отплыли от цивилизации на срок около двух с половиной недель. Мне тогда было восемнадцать лет, и я только что окончил первый курс университета, где учился на историка.

Что я знал об археологии?! Скорее ничего, нежели все. Я был между.

Под руководством опытных наставников Е.М. Черных, С.А. Перевозчиковой и А.Е. Митрякова нам предстояло совершить открытие, в общем-то, мы были обречены на него. Совершенно новый памятник, некопаный, девственно дикий, непролазный, ублюдочно не замеченный ни кем ранее, а только в нашем году. Его звали Дубровский. Он открывался. («Спокойно, Маша, я Дубровский!..»).

Дубровский был могильником. Крутой берег реки сыпался, из земли выходили кости, камни и оружие. Так голубчика и нашли в зеленом и практически пустом месте, где один склон сменил другой, где уже было пахано и стояли башни электропередачи, там, где в кольце из леса и земляники на поляне под упомянутым холмом стали мы лагерем.

Ясно помню, как в первый же день я участвовал в сваливании дерева. Это странное удовольствие. Приходилось долго пилить, а потом долго бояться. Может быть, умения было маловато или навык не развит, но мне почему-то казалось, что вот-вот ствол завалится от ветра на бок и тяжелым комлем разобьет мне челюсть, убьет меня. К счастью, моя жуткая греза не сбылась, ствол вскоре оттащили со склона, разделили и в несколько вечеров сожгли, произнося песни и аккомпанируя.

Я занимал шестую часть палатки и третью в отсеке. Сожителями моими были друзья. Известные бездельники и завоеватели всеобщей любви Алеша Елизаров и Евгений Кальне. На них стоит остановиться.

Об Алексее до университета мне известно только то, что он имел очень потешную фотографию в паспорте и прибыл к нам из Малопургинского района, славящегося самогонварением.

Алеша чудесно переводил то, что называется русский рок, на удмуртский язык и пел. Пел он вообще всегда и везде, пел на

нескольких языках. Прежде всего, как было сказано, на удмуртском и русском, но когда уперся в Б. Дилана и «Битлов», Алеша запел и на ангельском.

И судьба его сложилась героически. Несколько лет он занимался археологией, опубликовал ряд научных работ, посвященных древней фортификации. А потом воевал, получил ранение, бежал из плена и раненый, пробираясь через размазанный боями лес, столкнулся лицом к лицу с взбешенным медведем. И все-таки вернулся, был награжден государственными орденами и медалями.

После университета мы два с половиной десятка лет поддерживали связь, однако потом я потерял его. Говорят, что последний раз его видели с контрабандистами в районе нагорья Гиндукуш, Алеша искал Шамбалу...

История рода Кальне же известна потомкам более. Первый Кальне пришел в Россию с наполеоновской армией, был кем-то вроде фуражира, собирал русские дикие цветы в свою кепку и очень их любил.

Исход французов, как известно, был скорым и позорным. Разного рода месье на земле князя Рюрика не прижились и бежали, обмерзая, сгорая от холода, как свечки. Кальне, в отличие от многих соотечественников, довольно ровно перенес обидный проигрыш и решил остаться и всю жизнь шаромыжничать. Однако насмешил Бога такими помыслами и любовью к русской природе, а Бог всегда смеется последним. Кальне накормили и одели, после чего взяли в администрацию.

Его наивные потомки в третьем поколении приблизились к графскому званию, но тут благодать и кончилась. Потеряли они все, а тому, что осталось, были рады каждый день. В ходе революции род Кальне сохранил верность короне. Затаил белогвардейство и прожил еще семьдесят лет, когда и слился с родом Дериглазовых. Из этих двух родов и вышел мой дорогой друг Евгений Кальне.

Евгений всегда был личностью фрагментарной, что дополняло графский его титул. Хоть до последнего никому и дела не было. Евгений умел возвыситься, пускай для очередного падения. В истории он ничего хорошего не нашел и рано посвятил себя сколачиванию капиталов.

Но как же ничего?! Виноват... Евгений нашел свою графиню. А, как вы уже поняли, любят Кальне страшно. Любовью его стала наша однокурсница Оленька. Наскоро воссоединились мои друзья и стали жить вместе. Но в один год отчего-то размолвились, и не мне судить – по чести ли. Да так размолвились, что всем душно сделалось, а графине прежде всего. И ушла она в темный лес, и

с тропы своей не свернула.

Долго горевал Евгений, сектанты его водкой отпаивали. Так ведь не в горькой спасение! Что губило его всегда, то и не дало умереть. Сноровка дельца подняла Кальне со дна. Он тщательнее занялся своими финансами и к моменту моего окончательного отъезда из России имел несколько типографий.

Увы, сегодня мы с Кальне будто и не знакомы. Такое бывает со взрослыми людьми, они перестают друг друга понимать, а ведь юношами нам удавалось понимать все с полуслова, на лету эти слова подхватывать. Обиды, впрочем, нет, но нет и бывшего блаженного чувства.

Много забавных историй приключилось в тот год с нашей экспедицией. Вспоминаю, как я бродил по берегу реки Шехостанки и силился ловить рыбу. Вообще, ловле мы даже женщин некоторых обучили. Например, у уже помянутой Светланы Александровны Перевозчиковой хорошо выходило. Лучше, чем у меня, несравненно лучше.

Может, от того и бродил я частенько один, дабы не убеждать в своей никчемности лишней раз. Бродил и нашел у затопленной лодки два весла: одно цельное, а второе поломанное. Подумал, что лодка ничья и весла ничьи, и взял их в лагерь.

Из поломанного мы сделали самую удобную мешалку для каши, которую мне доводилось видеть. А вот целое никуда пригнаться не хотело. Тогда я решил сделать из него некоего кумира, но кумира чисто православного. Написал красным маркером на широкой стороне «Отче наш» и вкопал в землю у входа в лагерь. Хулиганская и детская затея многим понравилась, только Алеша побухтел немного.

Однако этим дело не кончилось, а то и рассказывать было бы нечего. На следующий день пришли к нам в лагерь, кстати, именно к Алеше, местные девчонки. И выяснилось, что лодка та не брошена, а имеет владельца. Владелец этот суров безо всякой меры, и кругом все его боятся, так что, наверное, он нас убьет за похищенное весло.

Тогда я вытащил весло из земли и с кем-то отнес его обратно. Подложил на то же место. И потом долго думал о том, как гребет страшный владелец ночью, под дождем, ищет новую жертву и вдруг видит, что на весле написано, и верует, и становится добрее. Вот и опять, и опять выступает улыбка умиления на моем лице.

Также припоминаю песню, полную черного юмора, столь же смешную, сколь черную. Ее нам спел Костя, а сочинил кто-то из ижевцев-филологов. Поется в ней про любовь к

мертвой девушке. Кажется, так:

На нашей теплотрассе
Нашли зеленеющий труп,
Когда-то она была Настей,
А теперь она спит между труб...

И далее в тексте еще про то, что с трупом не сходишь в кино. Не знаю, как вам, мои уважаемые читатели, а мне было смешно – смешно, хоть и горько.

Но были и другие песни. Отдельные от нас. Мы пели, будь здоров, каждый вечер под гитарку и все, что попадет под руку.

Но наши песни мне запомнились не так, как песни одного из местных парней. А звали его Бигер-Миша. Он был рыжим великаном, всюду таскающим с собой баян или гармошку. Несколько раз он с друзьями к нам навещался. Свое прозвище Бигер-Миша получил как герой трагедии. Душевной, конечно же, а других и не бывает. Бигер – так иногда удмурты говорят о татарах. Не могу судить о точном переводе, но Миша этническим татаринком не был. Это клеймо привязалось к нему после того, как он полюбил девушку из соседней татарской деревни, хотел жениться, но ничего не вышло. Соседка отвергла Мишу, а молва стала посмеиваться над ним: «Бигер-Миша, Бигер-Миша, Бигер-Миша...».

Вы упрекнете меня, что в тексте от археологии практически ничего нет. Я вам отвечу, что, при всем уважении, люди интереснее артефактов, какими бы древними те ни были. И вообще, как говорил один хороший человек, который преподавал нам политэкономии: «Жизнь интереснее, чем вам кажется!».

И все же есть один момент, через который проходит каждый начинающий археолог, который случился со мной тогда и который я часто вспоминаю. Мы вышли копать на следующий день после прибытия. Стояла теплая погода. Берег все так же обваливался. Кое-где было раскопано, и нам показали косточки. Маленькие серенькие косточки. Меня в тот момент как молнией ударило! Я стоял на мысике и думал: а возможно ли, что подо мной чье-то последнее пристанище? Сама жизнь угасшая была подо мной, нет-нет, не смерть – жизнь... Вечная жизнь, которой исполнилось полторы тысячи лет... Вдумайтесь, держать в руках кости того, кто отлучился отсюда полторы тысячи лет назад! Мне было сложно укладывать это в голове. Чувствуешь свою ничтожность, а когда ты так юн и еще ничего не понимаешь в истории, чувствуешь свою ничтожность

вдвойне. Я был раздавлен. Сбит с толку. И только привычка – привычка истинный ангел смерти, она губит весь блеск, чего бы ни коснулась, – только привычка замирила возбужденный разум со временем. Да так замирила, что я снимал древесный тлен с этих седых костей и уже не задумывался.

Еще были четыре железных меча: важные находки. Меч уходит в землю как в воду и как хмель потом всплывает. Я знаю, твердо знаю – каждый меч подобен Эскалибуру, он абы кому не дается. Всегда есть мечник, к кому выходят мечи. Это не мы их находим, а они нас. В том году мечником стал Андрей Горячев. Очень скромный человек, очень серьезный. Не могу сказать, что он когда-либо был близок мне, но отверженность приводила к нему мечи. Он нашел их ровно половину.

Мечи укладываются археологами на доску для транспортировки. Такой обряд всегда напоминал мне о скандинавских конунгах, их тоже укладывали на древесный наст и сжигали. Наши «конунги» уехали в музей, где «сгорают» на виду у всех до сих пор. А Андрей стал юристом, и мечи к нему больше не приходили...

Память опустила многое остальное, кое-что опустил я сам. На стол легли только несколько виноградин. Но в душный тропический вечер, в коем я сейчас пребываю, только им и суждено втиснуться. Может быть, позже я еще чего-нибудь вспомню и поделюсь с бумагой и ветром. А пока прошу меня отпустить. Старые болезни и демоны разыгрались – это к дождю.

*В лето 2073 от Рождества Христова
город Сайгон*

P.S. Вот фотография Ричарда Бротигана. Не мог бы журнал поместить ее с пометкой, что автор как две капли воды похож на Ричарда? А если даже и нет, то именно так себя видит...

Андрей БОВА

20 лет,
студент факультета
«Дизайн и архитектура» Камского
института гуманитарных
и инженерных технологий,
Соликамск,
Пермский край

С ЧИСТОГО ЛИСТА...

Эссе

В принципе, все ясно с первых минут. Ты должен взрослеть, заводить семью, добиваться успехов. Стоит лишь немного раскрыть эти пункты, и планов хватит не то чтобы на твой жалкий полтинник, а на пару веков. И не факт, что успеешь.

Однако во всем этом есть некая основа. Подобно режиму дня для тех, кто свое расписание «родить» не сумел, а заниматься и стремиться к чему-то вроде как нужно. И вот, чтобы не быть простым недоспелым овощем, «пашешь». Ты должен. Должен оправдать надежды, оправдать ожидания. Как минимум, нельзя облажаться – должна быть такая вещь как гордость.

И все бы так и шло по калее, если бы не тот факт, что по мере выхода из стадии «овоща» появляется в груди щекотливое, ноющее чувство, которого с каждым вдохом становится в тебе все больше. Не сразу понимаешь, что всему виной, ну, прямо животное желание получить что-то для себя. Для того, внутреннего себя, которое на протяжении всех лет «выполнения» и «оправдания» было заперто этим заранее встроенным чувством долга.

В первое время для удовлетворения хватает, как позже выясняется, бессмысленного собирания фантиков и монет. Это твое, личное богатство. Однако со временем это станет лишь никчемной пылинкой в море неупокоимого желания.

Эта дикая жажда внутреннего удовлетворения разрастается до огромных размеров. Ты начинаешь цепляться за все, что видишь, за любую мелочь и, как безумец, заражаться первым попавшимся занятием. И плевать, что уже после пяти минут «новое знакомство» становится не то что бы неинтересным,

не то что бы не успокаивающим. Отнюдь. Оно раззадоривает, перерождает желание в нечто новое – в боль. Глубокую, острую. Под ее влиянием весь фундамент устоявшегося узкого мира начинает трещать по швам.

В надежде найти хоть что-то обезболивающее хочется дать волю всем новым для тебя мыслям, возможностям. Им не было бы конца. Подобно шторму, тебя накрывало бы все новой и новой волной, а ты даже не пытался бы выплыть и вздохнуть. О, это была бы свободная, твоя жизнь!

Вот только другой, логичный и дальновидный ты, всегда безукоризненно выполняющий встроенную стандартную программу существования, и на грани срыва не даст обмануть себя. Он так крепко сидит в тебе, что даже на пике смятений и моральной расхлябанности сохраняет лидерство, блюдет приоритет «священных планов» на будущее. Поняв свою беспомощность, максимум, что ты можешь сделать – тихонечко поистерить, и... «пахать» дальше, затолкав свои желания в смирительную рубашку. Так и приходится делать.

Главное отличие этой ситуации от других подобных – ты не можешь смириться. При всем понимании того, что выбрал правильный путь, смирения нет! И год за годом осадок отчаяния копится, травит, прожигая дыру в твоей некогда счастливой душе. Это приводит к тому, что искренней, чистой радостью твои глаза больше не заблестят даже в самые любимые праздники. Сплошная серость, банальщина.

Еще немного времени, и ты уже не видишь разницы между прекрасным и отвратительным. Все люди вокруг – вечно чем-то

Андрей Бова. Плакат «Чей я?».

довольное «мясо», которое радуется каждой новой специи, которую подсыпает судьба. Самое печальное, что ты при этом думаешь, что выбрал нейтраль жизни, в то время как давно валяешься на дне.

«День за днем, за годом год...».

Душевная пустота разлита до краев и стала неотъемлемой частью тебя...

Быть может, так бы оно все и закончилось,

да только есть в нашей жизни, пусть и бесконечно серой, такие мгновения, которые бьют тебя прямо в душу, разят эту стену уныния и невзрачности. Для каждого это, наверное, свое: капелька утреннего дождя, упавшего на кончик носа, или своими руками вскопанный огород.

Раз за разом эти «удары» будут выбивать искру в твоей душе. И, как ни крути, в один из твоих несчастных дней от такой искры вспыхнет огонь. И будет он настолько сильным, что весь твой мрак сгорит без

остатка. Начнется новая жизнь с чистого листа, на который ты вместе с грандиозными планами вновь и вновь будешь плескать яркие краски... Быть может, все это периодически и кратковременно, и, более того, круг замкнут. Не знаю. Такие размышления слишком «грузят». Ты лишь делай все, чтоб случались моменты, ради которых стоило бы проживать круг за кругом.

«...Дело в том, что поэзию никогда не будет любить большое количество народу... Поэзия нужна тем, кто без нее не может жить. Таких людей всегда будет очень и очень мало – во все времена. И сейчас я думаю: слава Богу, что это так. Было бы ужасно, если бы поэзию любили, как футбол или песни Аллы Пугачевой. Поэзию не должны любить многие люди, это было бы обидно и неестественно. Я глубоко убежден в том, что людей, по-настоящему любящих поэзию, гораздо меньше, чем людей, пишущих стихи и издающих книжки... Люди, которым нужны были мои стихи, знали меня и в прошлые времена. Я не могу обижаться на жизнь. И не думаю: вот выйдет моя книжка – и сразу что-то изменится, меня узнают, примут и полюбят тысячи людей – нет, не будет такого чуда. Я, в моем возрасте, все об этом знаю, смею вас уверить. В этом смысле ничего не изменится».

Борис Чичибабин

Александр МИТРИКОВ

27 лет,
научный сотрудник,
Ижевск

ПЯТЬДЕСЯТ ДВЕ МИНУТЫ ЖИЗНИ

Mark Knopfler – Get Lucky (2009)

Давно ли вы в последний раз были заняты тем, что слушали музыку?

Нет, не просто слушали музыку, а были этим заняты: не по дороге на работу, не фоном к составлению бухгалтерской отчетности или готовке ужина, общению по асеньке и комментированию фотографий в социальных сетях, а так, чтобы сесть (лечь или встать, кому как удобнее) и послушать какой-нибудь альбом от начала и до конца? Ушами и всею головой?

Человеку, задавшемуся целью выяснить, что такого грандиозного во Льве нашем Николаевиче, все еще не придет в голову для этого прочесть три-четыре случайных главы из разных томов «Войны и мира»; но составлять представление о музыкантах по нескольким трекам из Вконтакте или скачанной из сети дискографии мы уже привыкли. А ведь где-то есть еще люди, колдующие над подбором песен под одну обложку таким образом, чтобы получившееся целое оказалось больше суммы частей, а, значит, есть и люди, владеющие искусством это слышать. Вдруг вы из них? Пятьдесят две минуты жизни – не слишком дорогая цена за ответ на этот вопрос.

«Get Lucky» имеет смысл послушать не просто потому, что это работа легендарного солиста Dire Straits Марка Нопфлера, – а, значит, качество музыки будет на высоте («качественную музыку» теперь, говорят, делают и в Ижевске, а уж в этих ваших интернетах ее просто пруд пруди), – а потому, что пресловутое «качество» этой музыки – не

самоцель, а средство привлечь внимание совсем к другим вещам.

Нопфлер не просто великолепный гитарист – он великолепный шотландский гитарист, и «Get Lucky» становится местом, где на блюзовой основе прорастает традиционная шотландская музыка, та, что дожила до современности на сельских праздниках, а не в фольклорных ансамблях на госфинансировании. Слово «бард» в русском языке безнадежно опутано трехаккордной самодеятельностью, но в «Get Lucky», по сути дела, Нопфлер превращается в кельтского барда XXI века; его голос – не столько голос отдельного человека с Очень Богатым Внутренним Миром, сколько голос культуры, радикально непохожей на глобализированную современность.

Открывающая альбом «Border Reiver» – это, вообще говоря, шотландский шансон, песенка про водилу в грузовичке. «The car was the one» – тоже незамысловатая история мальчишки, рвущегося в мир «настоящих мужчин». Заглавная «Get Lucky» вообще начинается не слишком-то правильным английским «I'm better with my muscles /Than I am with my mouth»¹, а лучшая, наверное, песня всего альбома «So far from the Clyde» – о старом моряке, чей корабль отправляют в утиль. Эти песни про простых людей «по-шотландски» оказываются не слишком далекими от традиционной блюзовой тематики, без которой Нопфлер, конечно, тоже не мог обойтись, и весь нарисованный здесь мир, вроде бы, предельно прост, но на повер-

¹ «Я лучше умею работать, чем говорить».

Марк Нопфлер.

ку эта простота – не от легковесности, а от укорененности в то положение вещей, которое существовало «before gas and TV»².

Здесь не получается не удержаться от аналогии по бардовской линии: если в современной России есть человек более или менее близкий Нопфлеру по духу – то это Александр Городницкий. Объединяет их внутреннее благородство и доверие к миру, держащемуся на простых вещах. «So, you

might get lucky now and then» Нопфлера гораздо ближе, чем может показаться на первый взгляд, к «...Я повторять готов, живущий трудно, /Что мир устроен правильно и мудро...» Городницкого.

Уверенность, проистекающая от этого отношения к жизни, охватывает все сферы, в том числе и те, в которых человек обычно не чувствует вовсе никакой уверенности. Ни «Rememberance day», ни заключительная песня альбома «Piper to the end» с ее довольно очевидным «And before the night comes falling /Clouds are lined with golden thread»³ не несут ни трагедии, ни страха перед переходом в другой мир; максимум – сожаление о его неизбежности.

Можно было бы еще растечься мыслию об отличной мелодике, авторской, но вполне вписывающейся в канон шотландской баллады, достоинствах аранжировок и музыкантов – но это уже будут пресловутые танцы об архитектуре. Гораздо более важным кажется то, что параллельно захлестнувшей мир инди-волне продолжают работать музыканты, которых достоверность создаваемого заботит больше собственной независимости от чего бы то ни было. «Get Lucky» обнаруживает эту достоверность в традиционном, доглобализованном мире, простом, на чей-то взгляд скудном и не особенно ироничном, но честном и мужественном.

Пятьдесят две минуты жизни – не слишком большая цена за то, чтобы напомнить себе о его существовании. Особенно, если эти пятьдесят две минуты будут посвящены музыке.

P.S. В итоге все-таки про музыку:) Хочу рубрику «Танцы об архитектуре».

«Достаточно признаться себе: «Я композитор» – и можно смело отправляться в сумасшедший дом. Потому что когда такое происходит, когда человек, зарабатывающий на жизнь абстрактным творчеством, уже внутренне убежден, что абстракция управляет реальным миром, – это означает только одно: очень важные связи в голове серьезно нарушены. Довольно часто возникает соблазн уговорить самого себя, убаюкать сознание и добиться такого состояния души, при котором наступает приятное безразличие к себе и окружающим. Вообще-то это очень хорошее состояние, но опасность его связана с тем, что к процессу того самого творчества, за которое платят деньги, оно не имеет никакого отношения. В общем, додумался до того, что ты композитор, поэт, писатель, философ, – отправляйся в дурдом».

Марк Нопфлер

² до газа и телевидения.

³ Прибл.: «Но пока ночь еще не наступила, облака обрамлены золотой каймой».

ПОЭЗИЯ

Илья ВОЗНЯКОВ

21 год,
студент,
Санкт-Петербург

«ТО, ЧТО НАПИСАНО МНОЮ СЕЙЧАС, ЭТО ПРАВДА ЧИСТЕЙШЕЙ ВОДЫ...»

Стихотворения

О СВОИХ СТИХАХ

давай писать про то, что нету войн,
про то, что, может быть, уже не больно
и нравится, наверно, ритм жизни сольной.
и не писать про всех доставший бой

внутри тебя. внутри – где нету рыб,
где красоты – примерно как на свалке,
где если кресло – обязательно каталка
и фотоснимки одуревших лыб

твоих друзей в ту памятную ночь,
которая запомнилась прогулкой
от окон третьих этажей до переулка,
а дальше в парк – ногами грязь толочь.

давай писать о том, что знаем мы,
а не о том, что слышно или видно,
ведь это, кажется,
немножечко и стыдно –
петь оды блеклой скуке кутерьмы.

* * *

В моем детстве остались потертые фишки,
Рюкзаки с динозаврами, праздничный торт.
Я когда-то был толстым
и милым парнишкой,
Что хотел иметь собственный
теннисный корт.

В моем детстве остались ветрянки с ангиной,
Сенокос, каждый вторник с утра карате.
А теперь я стал меланхоличной скотиной,
Да и мысли с мечтами совсем уж не те.

В моем детстве остались сгоревшие спички,
Талый снег во дворе в конце февраля,
Резко умерший дед, сигаретные нычки
И мороженое с джемом за три рубля.

В моем детстве осталось что-то такое,
Помогавшее ночью сразу уснуть,
Что-то легкое, нежное, вечно немое,
В чем и кроется детства тайна и суть.

настукано

печатные машинки по ночам не спят,
не спят радисты в треснувших сараях,
и сны недобрые часы в углу сулят,
пространство точками на доли разделяя.

стучит по мертвым стеклам дождь.
не зная сна, стучит в виске и в сердце
шальная, опьяняющая дрожь
на частоте чуть больше килогерца.

стучит весна через решетки зим,
стучит посаженное в клетку лето.
и мы в истоме осени молчим –
на этот звук мы наложили вето.

ужас

проспал половину дождливого дня,
снова посадил лени семья.
но не выросло ничего, кроме пня,
да и я вряд ли Есенин.

то, что написано мною сейчас,
это правда чистейшей воды.
наблюдаю, как из обоих глаз
исчезают ума следы.

происходит неведомо что.
мне пустили под кожу газ,
моей веры титановый штук
уничтоживший за раз.

от страха законченным быть
записываю заметки.
прочитай, мне б живым прослыть.
но я дерево. и на мне сломаны ветки.

а дерево видит людей каждый день
в парках, лесах и аллеях.
записало. положило на пень,
смотрит теперь и лелеет.
читай!

экспромт

словно голые нервы снов,
ниспадали на плечи волосы.
утопиться за вас был готов.
говорил осторожно. вполголоса.
поутру было стыдно слегка
и неловко смотреть в отражающие
все печали мира глаза.
лишь бы помнить твои ниспадающие.

Л.

а мне щеки разъедает просроченная
зубная паста,
утро закончилось несколько часов назад.
это простое, легкое лето под песни Касты
настраивает радио жизни на нужный лад.

а я в мятой футболке
и невыглаженных шортах,
без очков и шляпы. минимум так, как есть,
собираюсь на пляж пить вино,
сидеть на кортах,
отгонять от спящего тела чаек
и сбивать спесь.

от точки а, которая именуется солнцем,
до точки б, которой стала моя душа,
провели отрезок на следующие три месяца.
это свет, это ночи цвета снега, это шаги
по тротуарам.
размеренно.
не спеша.

дорога домой

вдохни особую холодную мечту.
не выпускай ее из легких.
держи у сердца, в капиллярах, красоты
звонков коротких.

ночами помни ее страсть слепую.
и уходи. на звон тарелок, скрип ножей
не реагируй, не пиши, лютуя,
свои стихи. и спи.
под пологом дождей.

Марине К.

Ты же похожа
На себя
И
Сотню других прохожих.
Ухоженных, ложных и схожих
С моим представлением о мире,
Где практически все ничтожно,
Но
С тобой могу поделиться,
Хотя и чертовски сложно
Без лжи –
Ты одна из тех, что в пространство вхожа.
В мое пространство,
Где только правда, вера
И
Моя грустная рожа.
Скажешь, скорее всего, что это похоже
На ложь
Или то, что писали все мы,
Когда были моложе.
Но нет! Моя кожа бумажна,
А тело дрожит,
Когда ты слегка вальяжно
Ходишь по сцене.
Я вижу это.
И это важно.
Для меня одного очень важно.

зола

привет, дорогая, родная.
как живется и дышится?
мне здесь тоже неплохо, вроде бы,
даже лучше пишется.
здесь даже однообразность
какая-то сутулая.
а еще им нравится,
как играю я скулами.
тебя, наверное, хватает
на всех и ни на кого по отдельности.
а я все так же ни к кому
захлебываюсь в приступах ревности.
знаешь, еще здесь дико,
как в первый раз в эрмитаже.
я тогда совсем не заметил
этой глупой пропажи.

бывает, выйду, холодно станет.
внизу все. вокруг никого.
лабиринты прямых коридоров
оставят меня одного.
а как ты теперь чувствуешь этот воздух?
наверное, он опьяняет.
а твой бывший верноподданный дух
бесплотный на воле гуляет.
тебя, наверное, достало –
все о любви да о любви.
а хочется верить, что таких, как я, мало.
пойди отыщи! ну! иди найди!
нет? все какие-то взрослые
и безнадежные?
я теперь себя только
без любви чувствую ничтожным.
хотя какая, к черту, любовь?
сколько писали о ней, и никто не видел.
мы же просто мясо и кровь.
Бог создавал нас и ненавидел.

забыть

потерять все твои фотографии.
не думать о пустоте в бутылке,
а зарядить новую, отточить каллиграфию.
боль, наверное, от дыры в затылке.
из нее вытекает,
а внутрь уже не стремится
и, попав в воздух, тает
твое отражение. тридцать на тридцать.

* * *

нежные руки моих наслаждений,
не расплетаясь, окажутся где-то.
я о тебе не совсем забываю,
я о тебе – как электрик о свете.

знаю тебя. под шершавой луною.
помню твои мармеладные губы.
мне же любить, а не бредить тобою
хочется вместо контакта с ютубом.

я стал уже чересчур одуревшим,
лежа в кровати. с собою.
я так хочу снова быть опьяневшим,
но не в запое.

сколько бездарных слов и попыток,
сколько же в них лести с вареньем.
мы не можем без пыток,
мы
обрастаем
ленью.

* * *

я, верно, не ведал, о чем пишу,
как тогда,
в пути от апреля к маю.
в кладовку мешками сор отношу,
но, честно,
я слишком скучаю.

Несколько правил жизни Ильи Вознякова

* Возможно, это покажется смешным, но мне кажется, что женщины – это главное.

* Если природа забыла придумать тебе нормальные глаза, то ничего путного из тебя не выйдет.

* Я люблю все мистическое и непонятное. Шаверму, например.

* Если смотреть на людей, как на балласт, то в итоге ты всегда будешь плавать на поверхности.

* Мне 21 год, и у меня еще все впереди.

* Как можно ездить на автомобилях? Это же бред! Сидя в машине, ты отрачиваешь себе живот и задницу, а потом идешь в тренажерный зал, чтобы все это сбросить, если, конечно, ты не ленивая скотина. Мой выбор – велосипед.

* Мама всегда говорила мне, чтобы я не

смотрел в пол, потому что так делают только неудачники. Теперь я смотрю в сторону, ага.

* Это очень тяжело – быть постоянно одному и говорить правду.

* Знали бы вы, как трудно иметь самооценку, которая меняется раз в час.

* Лучшее лекарство от скучной жизни – четыре часа сна каждые сутки в течение хотя бы недели. Если вы понимаете, о чем я.

* Мне не нравится культ красивого тела. Я бы перестрелял всех его адептов и провозгласил бы культ красивого лица.

* Я далек от политики, это удел умных.

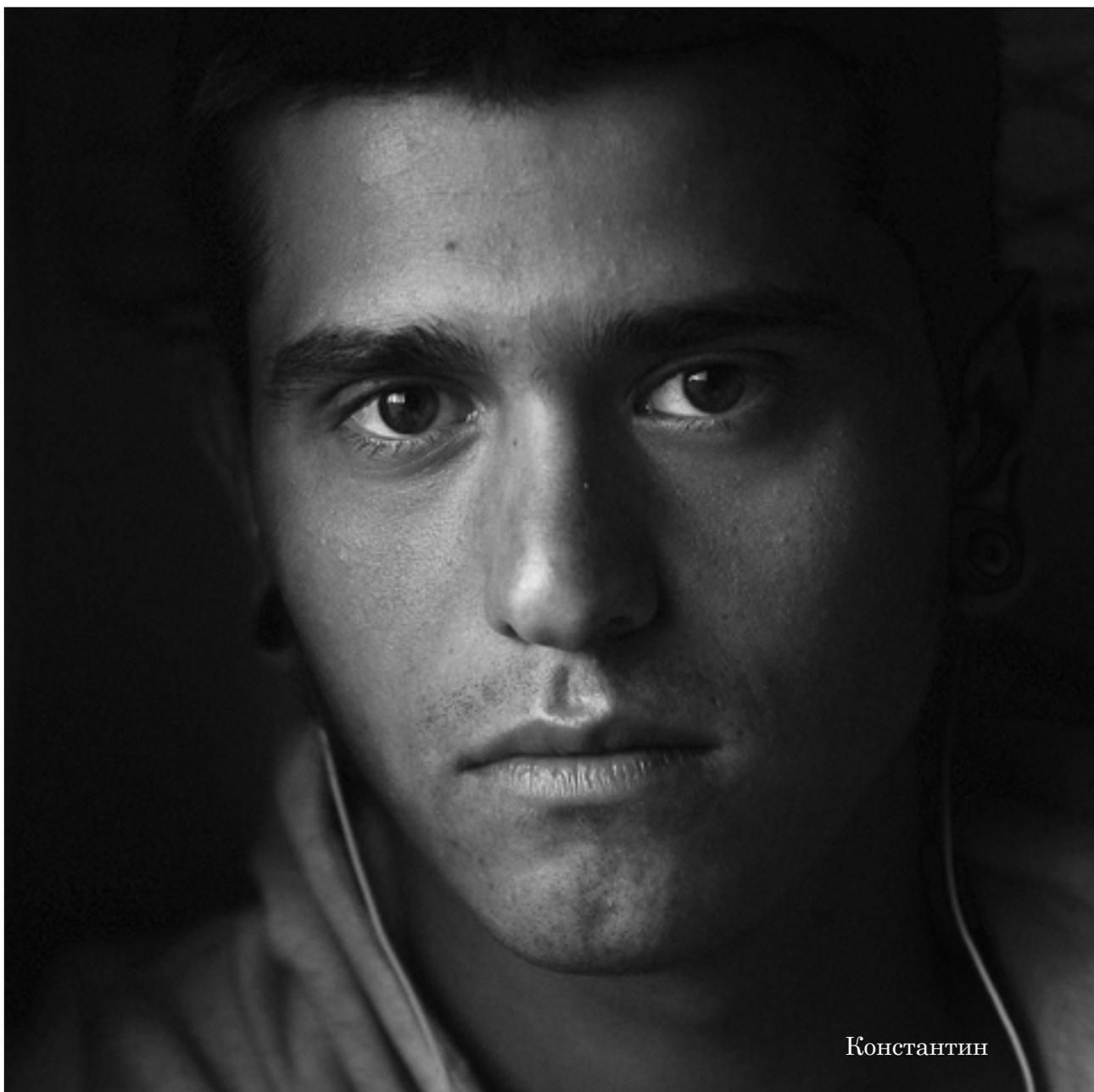
* Как-то раз кто-то из журналистов спросил меня: «Почему ты пишешь стихи?». Я ответил: «Потому что я бедный».

* В музыкальном мире нет никого лучше Земфиры Рамазановой. И не надо спорить.

Василий ИВАНОВ

23 года,
студент,
Санкт-Петербург

Константин

Откроешь глаза и закроешь глаза
Навеки, но в сей промежуток
Поместятся солнце, луна и лоза,
И волны, и рой незабудок,

И море, и бор, и Баку, и Москва,
И поезд туда и обратно,
И музыка ветра на птичьи слова,
Звучащие так непонятно...

Инна Лиснянская

Александр САБРЕКОВ

27 лет,
оперуполномоченный,
Ижевск

«ЛИШЬ КОСТРА ПРИКОСНОВЕНЬЕ...»
Стихотворения

Город слез

Город слез солдатских матерей,
Город горя тысячи народов,
Город темных, заспанных аллей,
Город гениев, безумцев и уродов.
Город наготу свою прикрыл
Плотным белым утренним туманом,
Сквозь который минарет проплыл...
Этот город многим стал кашканом.
В кровь изрезан сталью и свинцом,
Летним зноем, бурей листопадов,
С безразлично-каменным лицом
Поменял он тысячи нарядов.
И в молчании своем непостижим,
Безнадежно тающий в пыли,
Для одних он – как четвертый Рим,
Для других он – как обрыв вдали.
Город слез, с тобою навсегда
Обручился рой противоречий,
И в тебе отыщешь без труда
Слов иронию: «Война. До скорой встречи...».

* * *

Сопки, тропы, серпантины.
Грязь, трава, леса, овраги.
Дождь, туман, растяжки, мины –
Все уместно для отваги.
Скудную одежду скинут
До последнего листа.
Неподвижные, воспримут
Горечь третьего тоста.

Первых строк не посвящаю
Неминуемо любимой.
В неизвестность обещаю
Я уйти с веселой миной.

Назови без сожаленья
Ты все эти мысли бредом...
Лишь костра прикосновенье
Согревает душу светом.

* * *

Лес уже какой-то лысенький,
Коченеет пруд-старик,
Снег безмолвный, словно висельник,
Закрывает красок лик.

Загрузило ветром северным,
Шумом ветра в проводах.
Постепенно и размеренно
Пропадаю в холодах.

Провожу я в одиночестве
Время, этот краткий миг...
Друг, опишешь вряд ли осень ты
Даже в сотне умных книг.

* * *

Могу быть свободным – не хочется.
Хочу быть любимым – уже.
Надеюсь, все это не кончится
На дальнем моем рубеже...

Алиса.
Из иллюстраций к сказке Льюиса Кэрролла «Алиса в Стране Чудес».
Художница Елена Никулина, 28 лет, член Союза дизайнеров России, Ижевск.

Тэфи.

Из иллюстраций к повести Филлис Уитни «Тайна чаек».

Художница Елена Никулина, 28 лет, член Союза дизайнеров России, Ижевск.

*Барабанищик Павел Zmle Андриянов,
финалист международных конкурсов барабанищиков, дипломант Международного Джазового фестиваля,
эндорсер ударных инструментов PEASE, Ижевск.
Фото: Павел Пушин.*

Этажи.
Дмитрий Знаменников. 21 год,
город Санкт-Петербург.

В оформлении обложки использована
иллюстрация Елены Никулиной.